

3 сивъ ду.

ISSN 0131-2812

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА 5/2007

Совершенствование российско-
китайского стратегического
партнерства

Япония: проблемы
исторической ответственности

Стратегические факторы
экономического роста Китая

Выдающийся русский китаевед
Н.Я. Бичурин

Из истории
японо-корейских отношений

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

5/2007

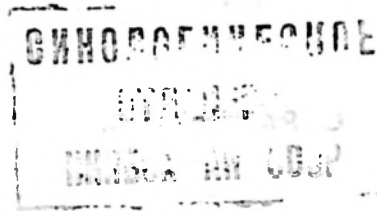
Сентябрь - Октябрь

Научный и общественно-политический журнал, выходит шесть раз в год на русском и четыре раза в год на английском языках

Выпускается под руководством Отделения общественных наук РАН

Издается с марта 1972 года

ДОКУМЕНТЫ

- Договор о долгосрочном добрососедстве, дружбе и сотрудничестве государств — членов Шанхайской организации сотрудничества..... 6
- Сиднейская декларация глав государств и правительств АТЭС по проблемам изменения климата, энергетической безопасности и чистого развития..... 11

ПОЛИТИКА

- В. Портяков.* О некоторых аспектах совершенствования российско-китайского стратегического партнерства 18
- Л. Забровская.* Роль России в шестисторонних переговорах по ликвидации ядерной угрозы на Корейском полуострове..... 32
- В. Гринюк.* Япония: проблема исторической ответственности..... 39
- А. Шлындов.* Вооруженные силы Японии: современное состояние и перспективы развития (окончание)..... 52

РОССИЙСКИЙ ДАЛЬНИЙ ВОСТОК

- О. Савка, В. Чудесов.* Российское Дальневосточье в системе хозяйственных связей со странами АТР..... 63

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО

- Т. Лазарева.* Развитие законодательной базы районной национальной автономии в Китае..... 73
Н. Анисимцев. Правовое обеспечение государственно-административного управления современной Японии..... 83

ЭКОНОМИКА

- Чжан Гою.* Стратегические факторы экономического роста Китая..... 94
А. Белозерова. Мировой рынок фосфорных удобрений. Специфика рынков Китая и России..... 101
А. Коржубаев, И. Фильмонова. Нефтегазовый комплекс Узбекистана в международной системе энергообеспечения..... 108

ИСТОРИЯ

- Хуан Лилян. О. Иакинф (Н.Я. Бичурин) — выдающийся русский китаевед (К 230-летию со дня рождения)..... 124*
И. Кубъяс. Японо-корейские отношения: динамика и основные тенденции на фоне советско-американского противостояния (1945—1975 гг.)..... 137
Юй Цзе. Место Кяхтинского договора 1728 г. в становлении российского китаеведения (окончание)..... 148

ОБРАЗОВАНИЕ

- Е. Смолькова.* Реформа образовательного рынка КНР после вступления в ВТО: былое Китая и думы о России (окончание)..... 157

КУЛЬТУРА

- В. Головачев.* Этапы и вехи языковой политики Тайваня..... 164

РЕЦЕНЗИИ

- М. Потапов.* Портяков В.Я. От Цзян Цзэмина к Ху Цзиньтао: Китайская Народная Республика в начале XXI в. Очерки..... 174
П. Развин. Пахомова Л.Ф. Модели процветания (Сингапур, Малайзия, Таиланд, Индонезия)..... 177
С. Баконина. Иванов П.М. Из истории христианства в Китае..... 179
Д. Кулькин. Перспективы российско-корейского сотрудничества в условиях глобализации..... 182

ЮБИЛЕЙ УЧЕНОГО

- Кузнецову Вячеславу Семеновичу — 75 лет..... 185
Юбилей Элеоноры Петровны Пивоваровой..... 187
Павлятенко Виктору Николаевичу — 60 лет..... 190

Учредители: Российская академия наук, Институт Дальнего Востока РАН

Редакционная коллегия: В.Я. Портяков (главный редактор), Р.М. Асланов, В.Н. Барышников (зам. главного редактора), Я.М. Бергер (зам. главного редактора), А.В. Болятко, О.Н. Борох, К.В. Внуков, Ю.М. Гарушянц, Л.М. Гудошников, А.С. Давыдов (зам. главного редактора), А.З. Жебин, А.В. Ломанов, А.Е. Лукьянов, П.А. Минакир, В.В. Михеев, А.В. Островский, В.Н. Павлятенко, Л.С. Переломов, С.С. Разов, И.А. Рогачев, Д.А. Смирнов, В.Ф. Сорокин, М.Л. Титаренко, Н.С. Тихонов (ответственный секретарь).

Статьи этого номера

В. Портяков. О некоторых аспектах совершенствования российско-китайского стратегического партнерства

В статье рассмотрен процесс становления отношений стратегического партнерства между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой. Проанализированы основные особенности двустороннего взаимодействия на современном этапе. Показаны некоторые возможные направления дальнейшего углубления и совершенствования российско-китайского стратегического партнерства.

Л. Забровская. Роль России в шестисторонних переговорах по ликвидации ядерной угрозы на Корейском полуострове

В статье излагается предыстория формирования состава участников переговорного процесса о мирном разрешении ядерного кризиса на Корейском полуострове, проанализированы проблемы, поднимаемые в ходе шестисторонних переговоров. Дана характеристика целей каждой из стран-участниц переговорного процесса. Подчеркивается, что Россия занимает по отношению к КНДР позицию нейтралитета. Содержится вывод о том, что российская сторона могла бы быть непредвзятым координатором процесса мирного урегулирования конфликтных проблем между КНДР и США.

В. Гринюк. Япония: проблема исторической ответственности

В период пребывания у власти в Японии правительственных кабинетов, возглавляемых премьер-министром Дз. Коидзуми (апрель 2001 г. — сентябрь 2006 г.), возникли конфликты этой страны с Китаем и государствами Корейского полуострова по поводу оценок исторического прошлого в связи с посещением японскими руководителями храма Ясукуни, содержанием японских школьных учебников и проблемой сексуальных рабынь императорских вооруженных сил. В современном японском обществе наметилась тенденция оправдывать прежнюю милитаристскую линию Токио. Выявилось, что критическая переоценка японцами колониального господства и агрессии в отношении других народов не была последовательной и полной. Наряду с другими причинами это объясняется политикой "обратного курса", которую США проводили в отношении Японии в обстановке "холодной войны". Вместе с тем, в стране звучат голоса в пользу глубокого переосмысления внешней политики Японии с начала XX века до 1945 года, осознания японцами общей исторической ответственности и выработки единой антимилитаристской позиции.

А. Шлындов. Вооруженные силы Японии: современное состояние и перспективы развития (окончание)

В заключительной части статьи автор рассматривает проблемы создания американо-японской региональной системы противоракетной обороны, перспективы ядерного вооружения Японии. Анализируются основные вопросы, касающиеся оборонного бюджета и финансирования военного строительства, научно-исследовательской базы японских вооруженных сил, военного производства и

системы закупок для Сил самообороны Японии. Дается общая характеристика японской военной доктрины, системы принятия решений в оборонной сфере, включая оценку существующих и перспективных угроз и вызовов, особенностей вооружения и военной техники сил самообороны.

О. Савка, В. Чудесов. Российское Дальневосточье в системе хозяйственных связей со странами АТР

В статье анализируются основные тенденции развития внешнеэкономических связей Дальнего Востока России со странами АТР. Отмечая высокую динамику (позитивную, на первый взгляд) роста внешней торговли и привлечения регионом иностранных инвестиций, авторы обращают внимание на возрастающую сырьевую ориентацию экспорта Российского Дальнего Востока. "Не развивать обрабатывающий сектор региона, — отмечается в статье, — значит, превращать регион в сырьевой придаток АТР".

Н. Анисимцев. Правовое обеспечение государственно-административного управления Японии

Автор подробно рассматривает правовые формы и методы нормоустановительной деятельности исполнительной власти Японии: административное нормоустановление, административные акты, планы и договоры, теорию и практику административной опеки ("руководства") и т.д. Раскрывая специфику японского управленческого стиля, он характеризует своеобразие либеральной тенденции в реформе исполнительной власти 1990—2000-х гг.

Чжан Гою. Стратегические факторы экономического роста Китая

Рассматривая "китайское экономическое чудо" изнутри, автор откровенно делится многочисленными, подчас малоизвестными фактами и собственными умозаключениями. Вниманию читателя предлагается не только широкий перечень достижений китайской модели рыночного реформирования, но и сопутствующие ей проблемы, такие, как истощение природных ресурсов, разрушение экологии, низкий технологический уровень многих отраслей производства, высокая степень зависимости от "внешнего фактора". В статье содержатся прогнозы и рекомендации относительно развития КНР до 2010 года.

А. Белозерова. Мировой рынок фосфорных удобрений. Специфика рынков Китая и России

В статье содержится общая характеристика отрасли, оценивается мировой рынок фосфорной промышленности (мировое производство, потребление, наиболее распространенные виды фосфорных удобрений). Дана характеристика фосфорной промышленности КНР при акценте на соотношении внутреннего производства в стране с ее потребностями в химических удобрениях. Подробно анализируются проблемы и возможности российской промышленности фосфорных удобрений.

А. Коржубаев, И. Филимонова. Нефтегазовый комплекс Узбекистана в международной системе энергообеспечения

Углеводородное сырье (особенно, природный газ) — козырь Узбекистана, привлекающий внимание многих стран мира. В статье подробно рассказывается об усилиях узбекского правительства по технологическому обновлению отрасли, созданию систем транспортировки нефти и газа. Отмечая повышенную активность китайских компаний на узбекском нефтегазовом рынке, авторы дают рекомендации о том, как помочь защите интересов России и восстановлению ее роли в качестве ведущей энергетической державы мира.

Хуан Лилян. О. Иакинф (Н.Я. Бичурин) — выдающийся русский китаевед

Статья посвящена памятной дате — 230-летию со дня рождения Иакинфа Бичурина — одного из классиков отечественной ориенталистики, заложившего основы научной синологии в России в XIX в. Последующая судьба этой отрасли востоковедения неразрывно связана с его именем, навеки вписанным в историю нашей отечественной науки. Его перу принадлежит более 100 крупных исследований, статей и переводов китайских исторических, географических, этнографических и философских произведений, основные из которых анализируются в статье. Помимо знакомства с китайской литературой и источниками, Е.Я. Бичурин изучал труды западных синологов, что в дальнейшем помогло ему критически переосмыслить все накопленные знания о Китае.

Главным условием успеха исследователя ученый считал уважение к изучаемой стране, которое воплощалось в глубоком, академическом усвоении древней и современной ему культуры и истории Китая, китайского языка.

Будучи китаеведом по призванию, Бичурин старался расширить круг поднимаемых проблем, далеко выходящих за пределы синологии. Помимо изучения Китая, он подготовил несколько десятков работ по Монголии, Тибету, Восточному Туркестану и Центральной Азии.

И. Кубьяс. Японо-корейские отношения: динамика и основные тенденции на фоне советско-американского противостояния (1945-1975 гг.)

Статья содержит развернутый анализ основных этапов развития отношений Японии и двух корейских государств в период “холодной войны”. В ней характеризуется место Японии и Кореи в геополитической стратегии бывших союзников, внутренние проблемы двусторонних отношений Японии и РК, а также роль США в управлении этими процессами.

Т. Лазарева. Развитие законодательной базы районной национальной автономии в Китае

В статье рассматриваются меры руководства КНР по смягчению разрыва в уровнях развития национальных районов и передовых ханьских провинций. Проведен анализ содержания законодательных документов, введенных в действие в последние годы (“Закон о районной национальной автономии (2001 г.)”, “Установления Госсовета о проведении в жизнь Закона о районной национальной автономии”), а также опубликованной в 2005 г. Белой книги “Осуществление районной национальной автономии”, популяризирующей и разъясняющей основные положения Закона. Автор показывает, что национальное строительство представляет собой сложный комплекс мер, затрагивающих политику, экономику, культуру, религию, обычаи, социальные стороны жизни, оно является залогом межнациональной сплоченности и стабильности в государстве.

В. Головачев. Этапы и вехи языковой политики Тайваня

На протяжении, как минимум, четырех веков языковая политика служила важным фактором этнополитической истории Тайваня, наложив глубокий отпечаток на судьбы, психологию и мировоззрение жителей острова. По этой причине тема языковой политики вызывает особый интерес исследователей и требует специального изучения. В данной статье изложен общий взгляд на основные этапы и вехи языковой политики Тайваня, знание которых позволит лучше понять многие явления современной жизни острова, включая проблему так называемой “тайваньской идентичности”

Договор о долгосрочном добрососедстве, дружбе и сотрудничестве государств-членов Шанхайской организации сотрудничества

Государства-члены Шанхайской организации сотрудничества (далее ШОС или Организация) — Республика Казахстан, Китайская Народная Республика, Кыргызская Республика, Российская Федерация, Республика Таджикистан, Республика Узбекистан, далее именуемые "Договаривающимися Сторонами";

будучи связанными историческими узами добрососедства, дружбы и сотрудничества;

руководствуясь целями и принципами Устава Организации Объединенных Наций, общепризнанными принципами и нормами международного права, а также Хартией Шанхайской организации сотрудничества от 7 июня 2002 года;

будучи убежденными в том, что укрепление и углубление отношений добрососедства, дружбы и сотрудничества между государствами-членами Организации отвечает коренным интересам их народов и способствует делу мира и развития на пространстве ШОС и во всем мире;

признавая, что процессы глобализации усиливают взаимозависимость государств, в результате чего их безопасность и процветание становятся неразрывно связанными;

полагая, что современные вызовы и угрозы безопасности носят глобальный характер и эффективно противостоять им можно, лишь объединяя усилия и придерживаясь согласованных принципов и механизмов взаимодействия;

осознавая необходимость уважения культурно-цивилизационного многообразия современного мира;

подтверждая готовность расширять взаимовыгодное сотрудничество как между собой, так и со всеми заинтересованными государствами и международными организациями в целях содействия построению справедливого и рационального миропорядка для создания благоприятных условий устойчивого развития государств-членов Организации;

подтверждая далее, что настоящий Договор не направлен против каких-либо государств и организаций, и Договаривающиеся Стороны придерживаются принципа открытости внешнему миру;

стремясь превратить пространство ШОС в регион мира, сотрудничества, процветания и гармонии;

руководствуясь намерением способствовать демократизации международных отношений и становлению новой архитектуры глобальной безопасности на основе равенства, взаимного уважения, взаимного доверия и выгоды, отказа от блокового и идеологического разделения;

будучи преисполненными решимости укреплять дружественные отношения между государствами-членами Организации, с тем чтобы дружба их народов передавалась из поколения в поколение;
договорились о нижеследующем:

Статья 1

Договаривающиеся Стороны развивают долгосрочные отношения добрососедства, дружбы и сотрудничества в областях, представляющих интерес для Договаривающихся Сторон, в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права.

Статья 2

Договаривающиеся Стороны разрешают разногласия друг с другом мирным путем, руководствуясь Уставом Организации Объединенных Наций и общепризнанными принципами и нормами международного права, а также Хартией Шанхайской организации сотрудничества от 7 июня 2002 года.

Статья 3

Договаривающиеся Стороны уважают право друг друга на выбор пути политического, экономического, социального и культурного развития с учетом исторического опыта и национальных особенностей каждого государства.

Статья 4

Договаривающиеся Стороны, уважая принципы государственного суверенитета и территориальной целостности, принимают меры по недопущению на своей территории любой деятельности, противоречащей этим принципам.

Договаривающиеся Стороны не участвуют в союзах или организациях, направленных против других Договаривающихся Сторон, не поддерживают какие-либо действия, враждебные другим Договаривающимся Сторонам.

Статья 5

Договаривающиеся Стороны уважают принцип нерушимости границ, активно прилагают усилия к укреплению доверия в военной области в приграничных районах, исходя из решимости превратить границы друг с другом в границы вечного мира и дружбы.

Статья 6

Договаривающаяся Сторона в случае возникновения ситуации, ставящей под угрозу ее безопасность, может проводить консультации в рамках Организации с другими Договаривающимися Сторонами для адекватного реагирования на возникшую ситуацию.

Статья 7

Договаривающиеся Стороны прилагают усилия в рамках ШОС для поддержания и укрепления международного мира и безопасности, укрепляют координацию и сотрудничество в таких областях, как защита и повышение роли Организации Объединенных Наций, поддержание глобальной и региональной стабильности, продвижение международного процесса контроля над вооружениями, предотвращение распространения оружия массового уничтожения и средств его доставки, а также проводят регулярные консультации по этим вопросам.

Статья 8

Договаривающиеся Стороны в соответствии со своим национальным законодательством и на основе соблюдения общепризнанных принципов и норм международного права, международных договоров, участниками которых они являются, активно развивают сотрудничество по противодействию терроризму, сепаратизму и экстремизму, незаконному обороту наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, оружия, другим видам транснациональной преступной деятельности, а также незаконной миграции.

Договаривающиеся Стороны в соответствии со своим национальным законодательством и на основе международных договоров, участниками которых они являются, усиливают взаимодействие в розыске, задержании, выдаче и передаче лиц, подозреваемых, обвиняемых или осужденных за совершение преступлений, связанных с террористической, сепаратистской, экстремистской деятельностью, а также и иных преступлений.

Договаривающиеся Стороны развивают сотрудничество в области охраны государственной границы и таможенного контроля, регулирования трудовой миграции, обеспечения финансовой и информационной безопасности.

Статья 9

Договаривающиеся Стороны содействуют развитию контактов и сотрудничества между правоохранительными органами и органами судебной власти Договаривающихся Сторон.

Статья 10

Договаривающиеся Стороны развивают сотрудничество по линии министерств обороны в различных формах.

Статья 11

Договаривающиеся Стороны развивают сотрудничество в таких областях, как содействие реализации прав человека и основных свобод в соответствии со своими международными обязательствами и национальным законодательством.

Договаривающиеся Стороны в соответствии со своими международными обязательствами, а также национальным законодательством гарантируют на своей территории обеспечение законных прав и интересов проживающих на ней граждан других Договаривающихся Сторон, а также способствуют оказанию друг другу необходимой правовой помощи.

Статья 12

Договаривающиеся Стороны признают и защищают законные права и интересы друг друга в отношении имущества одной Договаривающейся Стороны, находящегося на территории другой Договаривающейся Стороны.

Статья 13

Договаривающиеся Стороны укрепляют экономическое сотрудничество на основе равноправия и взаимной выгоды, создают благоприятные условия для развития торговли, стимулирования инвестиций и обмена технологиями в рамках ШОС.

Договаривающиеся Стороны оказывают содействие экономической деятельности, включая создание правовых условий для деятельности на своей территории физических и юридических лиц другой Договаривающейся Стороны,

ведущих законную хозяйственную деятельность, а также защиту на своей территории законных прав и интересов таких физических и юридических лиц.

Статья 14

Договаривающиеся Стороны развивают сотрудничество в международных финансовых учреждениях, экономических организациях и форумах, членами которых они являются, а также в соответствии с уставными положениями таких учреждений, организаций и форумов оказывают содействие при вступлении других Договаривающихся Сторон в эти организации.

Статья 15

Договаривающиеся Стороны развивают сотрудничество в сфере промышленности, сельского хозяйства, в финансовой, энергетической, транспортной, научно-технической, инновационной, информационной, телекоммуникационной, авиакосмической и других, представляющих взаимный интерес сферах, стимулируют осуществление региональных проектов в различных формах.

Статья 16

Договаривающиеся Стороны всемерно содействуют сотрудничеству в законодательной сфере, на регулярной основе обмениваются информацией о разрабатываемых, принимаемых и действующих законах, осуществляют сотрудничество в разработке международно-правовых документов.

Договаривающиеся Стороны поощряют контакты и сотрудничество между законодательными органами и их представителями.

Статья 17

Договаривающиеся Стороны развивают сотрудничество в сфере охраны окружающей среды, обеспечения экологической безопасности, рационального природопользования, принимают необходимые меры по разработке и реализации специальных программ и проектов в этих сферах.

Статья 18

Договаривающиеся Стороны оказывают взаимное содействие и помощь в предупреждении чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера и ликвидации их последствий.

Статья 19

Договаривающиеся Стороны развивают между собой обмена и сотрудничество в области культуры, искусства, образования, науки, технологий, здравоохранения, туризма, спорта и других социальных и гуманитарных сферах.

Договаривающиеся Стороны взаимно поощряют и поддерживают установление прямых связей между учреждениями культуры, образовательными, научными и исследовательскими учреждениями, осуществление совместных научно-исследовательских программ и проектов, сотрудничество в подготовке кадров, обмене студентами, учеными и специалистами.

Договаривающиеся Стороны активно способствуют созданию благоприятных условий для изучения языка и культуры других Договаривающихся Сторон.

Статья 20

Настоящий Договор не затрагивает прав и обязательств Договаривающихся Сторон по другим международным договорам, участниками которых они являются.

Статья 21

В целях выполнения настоящего Договора Договаривающиеся Стороны могут заключать международные договоры в конкретных областях, представляющих взаимный интерес.

Статья 22

Споры, связанные с толкованием или применением положений настоящего Договора, разрешаются путем консультаций и переговоров между Договаривающимися Сторонами.

Статья 23

Настоящий Договор подлежит ратификации подписавшими его Договаривающимися Сторонами.

Настоящий Договор заключается на неопределенный срок и вступает в силу с даты сдачи на хранение депозитарию последней ратификационной грамоты.

Настоящий Договор остается в силе в отношении любой из Договаривающихся Сторон, пока она является государством-членом Организации. Участие Договаривающейся Стороны в настоящем Договоре прекращается автоматически с даты прекращения ее членства в ШОС.

После вступления настоящего Договора в силу он открыт для присоединения любого государства, ставшего членом Организации. Для присоединяющегося государства настоящий Договор вступает в силу на тридцатый день с даты сдачи на хранение депозитарию соответствующего документа о присоединении.

Статья 24

В настоящий Договор с согласия всех Договаривающихся Сторон могут вноситься изменения и дополнения, оформляемые отдельными протоколами.

Статья 25

Подлинный экземпляр настоящего Договора сдается депозитарию.

Депозитарием настоящего Договора является Секретариат Шанхайской организации сотрудничества, который в течение пятнадцати дней с даты подписания настоящего Договора направляет Договаривающимся Сторонам его заверенные копии.

Статья 26

Настоящий Договор в соответствии со статьей 102 Устава Организации Объединенных Наций подлежит регистрации в Секретариате Организации Объединенных Наций.

Совершено в городе Бишкеке 16 августа 2007 года в одном экземпляре на русском и китайском языках, причем оба текста имеют одинаковую силу.

Сиднейская декларация глав государств и правительств АТЭС по проблемам изменения климата, энергетической безопасности и чистого развития

Мы, лидеры экономик-участниц форума «Азиатско-тихоокеанское экономическое сотрудничество» (АТЭС), соглашаемся в том, что проблемы экономического роста, энергетической безопасности и изменения климата представляют собой фундаментальные и взаимосвязанные вызовы для региона АТЭС.

Динамичная деятельность АТЭС, в основе которой лежат усилия по обеспечению свободной торгово-инвестиционной активности, позволила сократить бедность, улучшить условия жизни и добиться прогресса в деле экономического и социального развития.

Наш успех на этом направлении отчасти определяется надежными поставками энергии, потребление которой в то же время усугубляет проблемы обеспечения качества воздуха и ведет к увеличению выбросов парниковых газов.

С учетом чаяний жителей нашего региона, составляющих 41 процент населения планеты, одна из серьезных задач АТЭС заключается в создании возможностей для экологически чистого и устойчивого развития.

Мы выражаем решимость посредством разноплановых и далеко идущих действий обеспечивать энергетические потребности региона при одновременном решении вопроса о качестве окружающей среды и внесении вклада в сокращение эмиссии парниковых газов.

Будущие международные действия

Мы подтверждаем нашу приверженность принципам Рамочной конвенции ООН об изменении климата (РКИК). Основываясь на принципах РКИК, мы считаем, что справедливая и эффективная система международных договоренностей по проблеме климатических изменений на период после 2012 года должна базироваться на нижеследующем:

Всеобъемлющий характер

Нам необходимы согласованные международные действия, участвуя в которых на основе справедливости, а также экологической и экономической эффективности, все экономики вносили бы вклад в достижение общих глобальных целей.

Уважение различных внутренних условий и возможностей

Необходимо, чтобы будущая система международных договоренностей по проблеме изменения климата отражала существующие между экономиками различия в экономических и социальных условиях и соответствовала нашим общим, но дифференцированным обязательствам и возможностям.

Гибкость

В целях обеспечения принятия всеобъемлющих глобальных мер мы выступаем в поддержку гибкой системы договоренностей, признающей различные подходы и поддерживающей практические действия и международное сотрудничество по широкому кругу вопросов, связанных с проблемой климатических изменений. Мы поддерживаем действия, осуществляемые внутри экономик, которые вносят поддающийся измерению вклад в достижение общей глобальной цели, и подчеркиваем важность эффективного функционирования рыночных механизмов.

Ключевая роль энергоносителей и технологий с низкой или «нулевой» эмиссией

Ископаемые виды топлива по-прежнему будут занимать основное место в удовлетворении энергетических потребностей нашего региона и мира в целом. Весьма существенное значение будет иметь сотрудничество, в том числе в проведении совместных исследований, разработке, использовании и передаче технологий с низкой или «нулевой» эмиссией, обеспечивающих более чистое использование ископаемых углеводородов, особенно угля. Также важно повышать энергетическую эффективность и содействовать диверсификации источников энергоресурсов и энергопоставок, включая разработку возобновляемых источников энергии. Вклад в решение этой задачи может внести и использование ядерной энергии экономиками, сделавшими такой выбор, способами, обеспечивающими соблюдение мер по обеспечению ядерной безопасности и ядерного нераспространения, включая соответствующие гарантии.

Значение лесов и землепользования

Вопросы устойчивого управления лесными хозяйствами и землепользования играют ключевую роль в углеродном цикле, и их необходимо решать в рамках системы международных договоренностей по проблемам изменения климата на период после 2012 года.

Содействие свободной торговле и инвестированию

При осуществлении политики в области изменения климата и энергетической безопасности необходимо избегать возведения барьеров для торговли и инвестирования. Стратегия в областях открытой торговли, инвестирования и охраны окружающей среды имеет решающее значение для распространения низкоуглеродной продукции, технологий и передового опыта.

Поддержка эффективных адаптационных стратегий

Адаптация к последствиям изменения климата является приоритетом для внутренних стратегий развития, который должен поддерживаться международным сообществом, в том числе посредством надлежащего обмена опытом принятия директивных решений, финансирования, наращивания потенциалов и передачи технологий.

Поддержка системы международных договоренностей о глобальном сотрудничестве по проблемам изменения климата на период после 2012 года

Мы выражаем свою приверженность глобальной цели, заключающейся в том, чтобы стабилизировать концентрацию парниковых газов в атмосфере на таком уровне, который позволил бы предотвратить опасное воздействие человека на климатическую систему. Мировому сообществу необходимо замедлить, остановить и затем обратить вспять рост глобальных выбросов парниковых газов.

Руководствуясь этим, мы призываем к формированию новой системы международных договоренностей по проблемам изменения климата на период после 2012 года, исходящей из обозначенных выше положений, которая укрепляет, расширяет и углубляет существующие договоренности и ведет к сокращению глобальных выбросов парниковых газов.

Экономики АТЭС, участвующие в РКИК, предпримут активные и конструктивные шаги, направленные на формирование всеобъемлющей системы договоренностей на период после 2012 года, на предстоящей в текущем году Конференции сторон РКИК. Мы заверяем Индонезию как председателя Конференции на о. Бали в декабре 2007 года в нашей решительной поддержке.

Мы согласились работать в направлении достижения общего понимания долгосрочной желаемой цели сокращения эмиссии в глобальном масштабе, чтобы заложить основу для эффективной международной системы договоренностей на период после 2012 года. Мы с признательностью отмечаем усилия Японии и Канады по выработке предложений о долгосрочной глобальной цели.

Мы приветствуем инициативу США о созыве группы ведущих экономик в целях достижения соглашения о конкретном вкладе в глобальную систему договоренностей в рамках РКИК.

Мы заявляем о нашей поддержке инициативы Генерального Секретаря Организации Объединенных Наций о созыве совещания высокого уровня по проблемам изменения климата.

Мы соглашаемся вести работу в формате двустороннего, регионального и глобального партнерства в целях содействия чистому развитию, признавая, что климатический процесс ООН является надлежащим многосторонним форумом для международных переговоров по проблематике изменения климата.

Программа действий АТЭС

Мы оглашаем перспективную программу практических совместных действий и инициатив АТЭС, которая дополняет усилия экономик-участниц в рамках других форумов. Эти инициативы призваны подкрепить экономический рост и развитие, а также и впредь содействовать сокращению глобальных выбросов парниковых газов в соответствии с целями и принципами РКИК. Данная программа действий прилагается. В кратком изложении и при понимании, что это не нанесет ущерба обязательствам в рамках других форумов, мы решили:

- подчеркнуть важность повышения энергетической эффективности путем работы в направлении реализации касающейся всего региона АТЭС желаемой

мой цели, предусматривающей снижение энергоемкости по крайней мере на 25 % к 2030 году (в качестве исходных берутся показатели за 2005 год);

- вести работу в направлении реализации касающейся всего региона АТЭС желаемой цели, предусматривающей увеличение площади лесных массивов в регионе по меньшей мере на 20 млн га лесов всех типов к 2020 году. В случае достижения этой цели могли бы быть поглощены около 1,4 млрд тонн углекислого газа, что эквивалентно примерно 11% ежегодного объема эмиссии (показатель за 2004 год);

- создать Азиатско-Тихоокеанскую контактную сеть по вопросам энергетических технологий в целях укрепления сотрудничества в регионе АТЭС в области энергетических исследований, в частности, на таких направлениях, как разработка чистой энергии из ископаемых ресурсов и освоение возобновляемых источников энергии;

- создать Азиатско-Тихоокеанскую контактную сеть по вопросам устойчивого управления лесными хозяйствами и восстановления лесов в целях наращивания потенциалов экономик и активизации информационных обменов в лесном секторе;

- способствовать принятию необходимых мер в сферах торговли экологическими товарами и услугами, авиационного транспорта, использования энергии из альтернативных и низкоуглеродных источников, энергетической безопасности, защиты морских биологических ресурсов, потенциалов анализа стратегических действий и использования подхода с позиции взаимообусловленной пользы.

Заключение

Региону АТЭС отводится весьма заметная роль в глобальных усилиях по решению проблем климатических изменений, энергетической безопасности и чистого развития. Обеспечение экономического роста и развития технологий является неотъемлемой частью нашего будущего согласованного подхода. Масштаб данных проблем требует новых и новаторских форм международного сотрудничества.

Мы, лидеры АТЭС, подтверждаем нашу приверженность взаимодействию со всеми членами международного сообщества в интересах надежного решения проблемы изменения климата на глобальном уровне.

Приложение

Программа действий

Нижеследующие совместные действия и инициативы АТЭС по проблемам изменения климата, энергетической безопасности и чистого развития являются дальнейшим вкладом в сокращение глобальных выбросов парниковых газов в соответствии с целями и принципами РККК. Совместные исследования, разработка, использование и передача технологий будут иметь важное значение для реализации данной Программы действий.

Энергетическая эффективность

Повышение энергетической эффективности является экономичным способом укрепления энергетической безопасности и решения проблемы выбросов парниковых газов, оставаясь при этом и средством содействия экономическому росту и развитию. В этой связи мы:

- Соглашаемся работать в направлении реализации касающейся всего региона АТЭС желаемой цели, предусматривающей снижение энергоемкости в регионе АТЭС на 25% к 2030 году (исходя из показателей за 2005 год).

- Призываем все экономики АТЭС к разработке индивидуальных целей и планов действий по повышению энергоэффективности, принимающих во внимание указанную желаемую цель и отражающих внутренние условия в каждой отдельно взятой экономике.

- Соглашаемся содействовать этому процессу и проводить обзор его результатов с использованием добровольного Обзорного механизма АТЭС в области энергетики, решение о создании которого было принято на встрече министров энергетики АТЭС в мае 2007 года, и представить соответствующий доклад на рассмотрение лидеров в 2010 году.

Лесное хозяйство

Леса могут играть решающую роль в углеродном цикле. Необходимо постоянно прилагать усилия, направленные на поощрение работ по лесонасаждению и лесовосстановлению, а также на уменьшение масштабов обезлесивания, недопущение ухудшения качества лесов и предотвращение лесных пожаров, в том числе посредством содействия устойчивому управлению лесным хозяйством, борьбы с незаконной вырубкой леса и решением ключевых вопросов социального и экономического развития. В этой связи мы:

- Соглашаемся работать в направлении реализации региональной желаемой цели, предусматривающей увеличение площади лесных массивов в регионе АТЭС по меньшей мере на 20 млн га лесов всех типов к 2020 году.

- Приветствуем «Глобальную инициативу по проблемам лесов и климата», выдвинутую в Сиднее в июле 2007 года.

- Приветствуем составление других инструментов, что может включать дальнейшую работу над юридически обязывающим инструментом по устойчивому управлению лесным хозяйством для экономик, заинтересованных в осуществлении такого варианта действий.

- Соглашаемся создать Азиатско-Тихоокеанскую контактную сеть по вопросам устойчивого управления лесными хозяйствами и восстановления лесов в целях наращивания потенциалов и активизации информационных обменов в лесном секторе. Важное значение будет иметь взаимодействие в рамках всех региональных инициатив по проблемам лесов, в том числе с Азиатским лесным партнерством.

- Соглашаемся координировать с соответствующими международными институтами действия, направленные на развитие партнерств в области реализации программ по лесному хозяйству, в том числе по линии предложенного Всемирным банком «Фонда углеродного партнерства».

Низкоуглеродные технологии и инновации

Совместные исследования, разработка, использование и передача технологий с низкой или «нулевой» эмиссией будут играть принципиальную роль при принятии нами совместных усилий, направленных на решение проблемы изменения климата. В этой связи мы:

- Соглашаемся создать Азиатско-Тихоокеанскую контактную сеть по вопросам энергетических технологий в целях укрепления в регионе АТЭС сотрудничества в области энергетических исследований. Данная сеть будет открыта для участия всех исследовательских органов в регионе АТЭС. В задачи Сети будут входить содействие установлению контактов между исследовательскими институтами и продвижение сотрудничества в таких сферах, как разработка чистых ископаемых энергоресурсов и возобновляемых источников энергии. Эта сеть будет создана на представительной конференции по вопросам исследований в области энергетики, которую намечено провести в 2008 году.

Альтернативные и низкоуглеродные источники энергии

Рост использования низкоуглеродных источников энергии потребует проведения последовательной стратегической линии и установления надлежащих нормативно-правовых рамок. В этой связи мы:

- Соглашаемся разрабатывать стратегии, содействующие распространению использования источников энергии с низкой или «нулевой» эмиссией, применительно, в частности, к чистому использованию угля, улавливанию и хранению углерода путем сотрудничества в рамках Рабочей группы АТЭС по энергетике.

- Поддерживаем разработку в рамках Специальной группы АТЭС по биотопливу региональных стандартов для биологического дизельного топлива, исходящих из уровня производительности.

- Приветствуем работу по продвижению новых ключевых чистых технологий, осуществляемую в рамках международных партнерств с участием целого ряда экономик, в том числе по применению метана и водорода, внедрению возобновляемых источников энергии и секвестрации углерода, а также по линии Азиатско-Тихоокеанского партнерства по чистому развитию и климату.

Энергетическая безопасность

Мы подчеркиваем важность для региона доступных и надежных источников энергии, которые играют основную роль в обеспечении экономического роста и устойчивого развития, и заявляем о своей приверженности продолжению усилий в рамках АТЭС по решению вопросов, связанных с удовлетворением долгосрочных энергетических потребностей в регионе.

Торговля экологическими товарами и услугами

Открытая система глобальной торговли и инвестиций является основным элементом наших усилий по решению задач в сфере чистого развития, а открытие рынков в рамках Всемирной торговой организации (ВТО) будет способствовать достижению наших целей по климату и энергетической безопасности. В этой связи мы:

- Соглашаемся рассмотреть в ходе саммита АТЭС в 2008 году результаты переговоров по Дохийской Повестке дня развития в рамках ВТО в части, касающейся либерализации торговли экологическими товарами и услугами.

Гражданский авиационный транспорт

Мы осознаем масштаб совместных действий, необходимых для сокращения авиационных выбросов. В этой связи мы:

- Соглашаемся, что любые дальнейшие глобальные усилия по решению проблемы воздействия авиационных выбросов на климат должны учитывать интересы всех экономик, в том числе мнения всех экономик АТЭС, отмечая при этом ведущую роль Международной организации гражданской авиации (ИКАО) в выработке сбалансированного подхода к проблеме авиационных выбросов, основанного на взаимном согласии и соответствующих международно-правовых инструментах.

- Одобряем инициированное на совещании министров транспорта АТЭС в марте 2007 года взаимодействие государства с частным сектором в рамках АТЭС по развитию практического сотрудничества в целях сокращения эмиссии парниковых газов в авиационном секторе;

- Соглашаемся провести в начале 2008 года второго стратегического семинара АТЭС по взаимодействию государства с частным сектором по мерам противодействия авиационным выбросам в целях стимулирования работы на таких ключевых направлениях, как системы управления полетами, конструирование воздушных судов и альтернативные виды топлива.

Потенциал для анализа стратегических действий

Укрепление диалога, расширение сотрудничества в стратегической и технологической сферах играют чрезвычайно важную роль в поддержании наших усилий. В этой связи мы:

- Признаем важность обмена мнениями о действенных и согласованных инструментах стратегических действий для повышения энергоэффективности и сокращения выбросов парниковых газов.

- Соглашаемся укреплять сотрудничество между органами, занимающимися экономическим моделированием в регионе, и другими смежными структурами для обмена знаниями и опытом в подходах к оценке экономических последствий политики в сфере изменения климата, включая меры по адаптации экономик и общества к последствиям климатических изменений.

Морские и прибрежные ресурсы

Устойчивые морские и прибрежные ресурсы являются неотъемлемой частью углеродного цикла. В этой связи мы:

- приветствуем инициативу стран «Кораллового треугольника» по коралловым рифам, рыбному промыслу и продовольственной безопасности, направленную на повышение сохранности морских биологических ресурсов.

Содействие подходу с позиции взаимообусловленной пользы

Мы поддерживаем подход к преодолению глобальных вызовов, связанных с окружающей средой, который одновременно содействует устойчивому развитию.

Принята 8 сентября 2007 года в Сиднее

О некоторых аспектах совершенствования российско-китайского стратегического партнерства

© 2007

В. Портяков

Распад СССР и последовавшее за ним конституирование Российской Федерации в качестве самостоятельного государства стали отправной точкой формирования и развития современных российско-китайских отношений. Процесс, насчитывающий уже 15 лет, имеет собственную логику и в решающей степени определяется современными национально-государственными интересами России и Китая, их местом в международном разделении труда и геополитическом позиционировании. Вместе с тем, многие важные особенности современных российско-китайских отношений могут быть адекватно поняты лишь в контексте предшествующего интенсивного взаимодействия двух государств, история которого в общей сложности насчитывает около 400 лет.

Хотя в этот длительный период межэтнического общения России и Китая "бывало всякое", однако, по оценке одного из ведущих российских экспертов по Китаю академика М.Л. Титаренко, "доминирующей тенденцией в них было добрососедство, взаимовлияние, взаимообогащение культурными ценностями"¹.

При всех непростых перипетиях отношений Цинского Китая с царской Россией между двумя соседними государствами, как считает российский политолог-китаевед А.Д. Воскресенский, "на протяжении почти трехсот лет... царил мир: Россия и Китай никогда не были в состоянии формально объявленной войны, и в принципе им всегда удавалось... восстанавливать стабильное равновесие посредством дипломатических переговоров"². Именно в этот период была постепенно определена и юридически закреплена линия прохождения российско-китайской границы, с некоторыми уточнениями сохранившаяся до настоящего времени³. А учреждение в Пекине в 1715 г. Российской духовной миссии, просуществовавшей до 1954 г., положило начало контактам и все более глубокому взаимному познанию народов, культур и религиозных конфессий двух государств⁴.

Портяков Владимир Яковлевич — доктор экономических наук, руководитель Центра изучения и прогнозирования российско-китайских отношений ИДВ РАН. Подготовлено при поддержке РГНФ, проект № 06-03-02080а.

Драматические мировые потрясения первой половины XX столетия преопределили весьма сложный, многоплановый характер российско-китайского взаимодействия в период 1911—1949 г. Вероятно, новые исследования, ведущиеся на базе ранее недоступных архивных материалов⁵, позволят со временем уточнить пока остающиеся во многом дискуссионными оценки некоторых его конкретных нюансов и общих итогов. Однако, на наш взгляд, при любых возможных модификациях взглядов на события тех лет помощь, оказанная Советской Россией революционной борьбе и антияпонской войне китайского народа, представляет собой серьезный вклад в суммарный позитивный багаж двусторонних отношений.

Отношения СССР с провозглашенной 1 октября 1949 г. Китайской Народной Республикой прошли фазы “великой дружбы” 1950-х годов, усиления межпартийных и межгосударственных разногласий и даже открытой враждебности в 1960-1970-е годы и трудной нормализации 1980-х годов. В научных сообществах РФ и КНР и по сей день нередки несовпадающие оценки коренных причин возникновение и разрастания советско-китайского раскола: в Китае пальму первенства здесь отдают будто бы сложившемуся в двусторонних отношениях фактическому неравенству с очевидным перекосом в пользу СССР⁶, а в России основную ответственность возлагают на Мао Цзэдуна с его левачеством и непомерными амбициями⁷.

Гораздо важнее, однако, то обстоятельство, что Москва и Пекин сумели извлечь должные исторические уроки и смогли, говоря словами Дэн Сяопина, “закрыть прошлое и открыть будущее”. Нормализация отношений, символически оформленная визитом в КНР М.С. Горбачева в мае 1989 г., дала весьма мощный и долговременный импульс, позволивший партнерам после распада СССР достаточно плавно и относительно безболезненно перейти от советско-китайского к российско-китайскому формату взаимодействия.

В Протоколе переговоров замминистра иностранных дел РФ Г.Ф. Кунадзе и замминистра иностранных дел КНР Тянь Цзэнпэя в Москве 27 декабря 1991 г. было отмечено, что основные принципы, определенные в двух советско-китайских коммюнике 1989 и 1991 гг. (по итогам визита в СССР Генерального секретаря ЦК КПК Цзян Цзэминя в мае 1991 г.) остаются руководящими принципами развития российско-китайских отношений. При этом стороны выразили готовность “развивать отношения дружбы и сотрудничества в политической, торгово-экономической, военно-технической, научно-технической, культурной и других областях”⁸.

Во многом ключевой для закладки прочного фундамента двусторонних отношений в новом формате 1992 г. был ознаменован подписанием целой серии важных соглашений о сотрудничестве в торговле, военно-технической сфере, принципах привлечения китайских граждан для временной трудовой деятельности в России, о содействии России в сооружении на территории Китая атомной электростанции. Подытожил начальный этап взаимодействия постсоветской России с Китаем визит в КНР Президента РФ Б.Н. Ельцина в декабре 1992 г. Подписанная по его итогам Совместная декларация об основах взаимоотношений между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой зафиксировала, что две страны “рассматривают друг друга как дружественные государства”. Были намечены основные контуры сотрудничества РФ и КНР на международной арене и их двустороннего взаимодействия, поставлена задача дальнейшего укрепления и выведения отношений между двумя государствами “на новый уровень”⁹.

Успешное продвижение практического двустороннего сотрудничества дало России и Китаю основание в 1994 г. квалифицировать свои отношения как “новые отношения конструктивного партнерства — подлинно равноправные от-

ношения добрососедства, дружбы и взаимовыгодного сотрудничества, основанные на принципах мирного сосуществования". Констатировалось, что "эти отношения не носят союзнического характера и не направлены против третьих стран"¹⁰. А в Совместной декларации от 25 апреля 1996 г. Россия и Китай провозгласили решимость "развивать отношения равноправного доверительного партнерства, направленного на стратегическое взаимодействие в XXI веке"¹¹.

Своеобразным итогом развития двусторонних связей в 1992—2000 гг. и одновременно ориентиром их совершенствования на двадцатилетнюю перспективу стал Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между РФ и КНР, подписанный главами двух государств В.В. Путиным и Цзян Цзэминем в Москве 16 июля 2001 г.

В Договоре обобщенная характеристика российско-китайских отношений была изложена как "равноправное доверительное партнерство и стратегическое взаимодействие" (статья 10)¹². Эта формулировка действует и в настоящее время.

Уже достигнутые результаты взаимодействия России и Китая в рамках стратегического партнерства весьма весомы.

Лидеры двух стран неоднократно декларировали общность или близость позиций России и Китая по основным международным проблемам, в том числе в совместных декларациях "О многополярном мире и формировании нового международного порядка" (1997 г.) и "О международном порядке в XXI веке" (2005 г.). Сходство позиций России и Китая по важным международным проблемам прошло проверку практикой во время развития кризисных ситуаций вокруг бывшей Югославии и вокруг Ирака, в ходе дискуссий о реформе Организации Объединенных Наций. Сегодня консультации по международной проблематике ведутся в формате большинства департаментов министерств иностранных дел РФ и КНР.

Все заметнее проявляется *весомое воздействие российско-китайских отношений* стратегического партнерства на *общую систему международных связей*, особенно благодаря их активной роли в таком представительном международном объединении, как Шанхайская организация сотрудничества, и в таких важных многосторонних диалоговых механизмах как шестисторонние переговоры по ядерной программе КНДР, шестисторонние консультации по ядерной программе Ирана, трехсторонний диалог Россия—Китай—Индия.

Пожалуй, без большого преувеличения можно утверждать, что выдвинутая недавно в США концепция "Большой Центральной Азии" и подталкивание Австралии к присоединению к японо-американскому оборонительному Союзу призваны нейтрализовать или, как минимум, сбалансировать усиление позиций Китая, России и влияния российско-китайского сотрудничества на азиатском континенте.

Создан и постоянно совершенствуется многоуровневый механизм двустороннего российско-китайского взаимодействия. Регулярные ежегодные встречи лидеров двух стран проводятся во все более разнообразных форматах. Так, в 2006 г. В.В. Путин и Ху Цзиньтао встречались, помимо официального визита Президента РФ в КНР, "на полях" саммита "Большой восьмерки" в Санкт-Петербурге и в рамках саммитов АТЭС, ШОС и СВДМА. Регулярный характер обретает российско-китайский стратегический диалог в формате "Член Госсовета КНР — Секретарь Совета безопасности РФ". Положено начало финансовому (министры финансов) и экономическому (Комитет развития и реформ КНР — МЭРТ РФ) диалогам двух стран. Созданы и провели первые заседания подкомиссии по охране окружающей среды и сотрудничеству в области гражданской авиации и авиастроения, рабочая группа по миграции. В стабильном режиме действуют

“большие” подкомиссии по сотрудничеству в торгово-экономической и гуманитарной сферах. С 1996 г. на ежегодной основе проводятся встречи глав правительств, посвященные в первую очередь развитию взаимной торговли — а ее объем по сравнению с началом 1990-х гг. возрос десятикратно.

Все более широкой становится и география межрегионального двустороннего взаимодействия. В торгово-экономические, образовательные и культурные обмены вовлечены большинство субъектов Российской Федерации и практически все административные единицы КНР провинциального уровня.

Трудно переоценить далеко идущее значение окончательного решения вопроса о прохождении границы между Россией и Китаем. К концу 2007 г. предстоит завершить работы на местности по демаркации границы между двумя странами на островных участках близ Хабаровска и на р. Аргунь в соответствии с соглашением от 14 октября 2004 г.

Важную роль в укреплении социальной базы стратегического партнерства играет взаимное проведение национальных годов — Года России в Китае в 2006 г. и Года Китая в России в 2007 г. Наряду с весомой политической и экономической повесткой дня, программы национальных годов ориентированы на то, чтобы дать мощный долговременный импульс углублению знакомства широких слоев населения двух стран с традиционной и современной культурой друг друга, формированию в российско-китайских отношениях устойчивого климата взаимного доверия.

В целом можно констатировать, что в российско-китайских отношениях сохраняется восходящая тенденция и что положительный фон в их развитии доминирует. Симптоматично, что эксперты Института международных проблем Университета Цинхуа (Пекин) дали современным (первый квартал 2007 г.) российско-китайским отношениям наивысшую оценку в 7,7 балла по сравнению с оценкой китайско-французских отношений в 6,3 балла, отношений с Индией в 5,3 балла и отношений с США (охарактеризованных как “обычные” в отличие от “дружественных” отношений с Россией) — в 2,1 балла¹³.

Вместе с тем, на наш взгляд, существуют и значительные резервы для углубления двусторонних отношений между РФ и КНР, а их практическая реализация не лишена некоторых трений и шероховатостей, которые, будучи оставлены без должного внимания и своевременного исправления, способны привести к пробуксовке и даже коррозии сложившейся модели российско-китайского стратегического партнерства. Судя по всему, именно с учетом подобных обстоятельств Председатель КНР Ху Цзиньтао в ходе переговоров с Президентом РФ В.В. Путиным 26 марта 2007 г. выступил с предложением о необходимости для России и Китая “стать искренними партнерами в политическом сотрудничестве, доверяющими друг другу”, “стать партнерами в торгово-экономическом сотрудничестве, придерживающимися взаимной выгоды и обоюдного выигрыша”, “стать партнерами по сотрудничеству в области безопасности на принципах сплоченности и взаимной помощи”¹⁴.

В данном контексте заслуживает одобрения и всемерной поддержки зафиксированное в Совместной декларации РФ и КНР от 26 марта 2007 г. намерение сторон “придерживаться линии на координацию и углубление своего стратегического взаимодействия во внешнеполитических делах с целью создания благоприятной международной обстановки для развития двух стран”. Принципиально важно, однако, подчеркнуть, что, во-первых, такое взаимодействие достигается отнюдь не автоматически, но, напротив, реализуется на практике только путем постоянных целенаправленных усилий обеих сторон, и во-вторых, вполне

естественно наличие у России и Китая собственных, далеко не во всем совпадающих национальных интересов, в том числе в тех или иных регионах мира, что подчас делает задачу координации политики двух государств по конкретным направлениям и проблемам весьма непростой.

Кажется, в последнее время наиболее успешно российско-китайское взаимодействие идет в формате ШОС. Здесь чувствуется глубокая заинтересованность и России, и Китая в стратегической стабильности в Центральной Азии перед лицом того вызова, который объективно являются собой угроза “цветных революций” и присутствие воинского контингента стран НАТО в Афганистане, в запуске эффективного механизма практического экономического сотрудничества в ШОС, наконец, в обеспечении социально-экономического развития центральноазиатских государств-членов ШОС и улучшении их отношений друг с другом. О готовности Китая считаться с объективными политическими реалиями и учитывать особые интересы России в постсоветских государствах Центральной Азии свидетельствует включение в Совместную декларацию от 26 марта 2007 г. положения о намерении РФ и КНР “всячески содействовать расширению связей Шанхайской организации сотрудничества с Евразийским экономическим сообществом и Организацией договора о коллективной безопасности”, где, как известно, ведущая роль принадлежит России.

Вместе с тем, коль скоро на Западе, да и в ряде российских СМИ, не прекращаются спекуляции относительно якобы неизбежного обострения российско-китайских противоречий в Центральной Азии, то России и Китаю следовало бы обсудить те проблемы на центральноазиатском треке, которые потенциально чреваты конфликтом интересов. К таковым могут быть, например, отнесены соглашения о поставках туркменского газа в Россию и Китай. Действительно ли Туркменистан обладает достаточными ресурсами газа для удовлетворения обязательств перед обоими партнерами? Как действовать двум странам для минимизации конфликта интересов в случае его реального возникновения? Есть ли возможность трансформировать потенциальную конкуренцию России и Китая за туркменский газ в трехстороннее (РФ, КНР, Туркменистан) или многостороннее сотрудничество в освоении газовых ресурсов республики? И т.д.

Если судить по формальным признакам, то развитие сотрудничества между Китаем, Россией и Индией продвигается вполне успешно. В июле 2006 г. в Санкт-Петербурге “на полях” саммита “Большой восьмерки” состоялась первая трехсторонняя встреча на высшем уровне, в начале 2007 г. прошла новая встреча министров иностранных дел трех государств. Однако наполнение “остова” сотрудничества в трехстороннем формате конкретным материальным содержанием идет крайне медленно. Более того, периодически вновь возникают те или иные шероховатости в парных отношениях в формате треугольника. Индия негативно реагирует на строительство при содействии Китая морских портов в Пакистане и Мьянме и на поставку Китаем в Пакистан военных самолетов с моторами, произведенными по российской лицензии. Китай с плохо скрываемым неудовольствием реагировал на пуски ракет “БраМос” совместного индийско-российского производства и абсолютно негативно — на повышение экспортных пошлин на вывозимую из Индии железную руду (КНР является одним из основных ее импортеров). Подливают масла в огонь и подозрения китайской стороны, будто Россия поставляет или готова поставлять в Индию более современную военную технику, нежели в Китай¹⁵.

На наш взгляд, более плотное взаимодействие в трехстороннем формате позволило бы мало-помалу снять эти и иные препятствия, развеять взаимные подоз-

рения и устранить основания для них. Кроме того, набор российско-китайско-индийским взаимодействием определенной “критической массы” сделал бы его менее подверженным корродирующему влиянию внешних сил и преходящих конъюнктурных факторов.

Несколько однобокий характер носит российско-китайское взаимодействие в Северо-Восточной Азии. Хотя нынешний акцент в нем на урегулирование ситуации вокруг ядерной программы КНДР вполне оправдан, он явно не может компенсировать фактическое выпадение России и ее Дальнего Востока из интеграционных процессов в регионе, которые имеют хорошие шансы для активизации вслед за потеплением китайско-японских отношений после прихода Синдзо Абэ на пост главы правительства Японии.

Разумеется, Россия, до недавнего времени довольно индифферентно относившаяся к региональной интеграции, должна пройти свою часть пути. Новая стратегия и долгосрочная целевая программа развития Дальнего Востока и Забайкалья, которые должны быть одобрены Правительством РФ в 2007 г., предполагают существенную интенсификацию взаимодействия российского Дальнего Востока с соседями по Северо-Восточной Азии. Показательно в этом плане предложение В.В. Путина Ху Цзиньтао “разработать план двустороннего сотрудничества на Дальнем Востоке и в Восточной Сибири”¹⁶, стратегию развития которых, как отмечено в Совместной декларации РФ и КНР от 26 марта 2007 г., можно было бы координировать с возрождением старых промышленных баз Северо-Востока Китая. Вместе с тем, на наш взгляд, Китай мог бы внести свою лепту в создание в регионе атмосферы, более благоприятной для реализации интеграционного потенциала российского Дальнего Востока. Для начала, в частности, речь могла бы идти о подключении министра иностранных дел России к ежегодным встречам коллег из Японии, Китая и Республики Корея — хотя бы в порядке эксперимента.

Формы реализации отношений стратегического партнерства между Россией и Китаем на глобальном уровне не являются данными раз и навсегда. Напротив, они должны реагировать как на общие изменения международной обстановки, так и на более или менее существенные подвижки во внешнеполитических концепциях и практическом курсе как РФ, так и КНР. На наш взгляд, сегодня достаточно актуальной является задача адаптации двустороннего взаимодействия на глобальном уровне, с одной стороны, ко все более четко вырисовывающейся ориентации России на независимую и самостоятельную внешнюю политику и, с другой стороны, к очевидному усилению комплексной мощи и международного влияния Китая.

Складывается впечатление, что в Китае тщательно анализируют тенденции усиления жесткости во внешней политике России и ее большей решительности в отстаивании своих интересов, в том числе в отношениях с США и на постсоветском пространстве, пока избегая, однако, однозначной оценки этих явлений. В данном плане показательна весьма неопределенная реакция официального Пекина на выступление В.В. Путина на Мюнхенской конференции по вопросам безопасности 10 февраля 2007 г. В ответ на просьбу журналистов прокомментировать критические замечания Президента России в адрес США представитель МИД КНР Цзян Юй ограничилась замечанием о необходимости для всех стран мира “приложить совместные усилия для создания гармоничного мира”¹⁷. Также в умиротворяющем духе выдержан и развернутый комментарий агентства Синьхуа “В каком направлении развиваются американо-российские отношения?”, согласно которому американо-российские отношения уже не возвратятся во времена “холодной войны”..., “в отношениях между двумя странами будет со-

храняться дух сотрудничества при наличии определенных трений"¹⁸. Тем самым Китай по сути дела дает понять, что он не готов открыто принять сторону России в ее трениях с США. Вероятно, здесь сказывается как нежелание Пекина осложнять собственные непростые отношения с США, так и стремление не слишком акцентировать те международные тенденции, которые не вполне вписываются в выдвинутую китайским руководством концепцию "гармоничного мира". В этой связи обращает на себя внимание отсутствие в двух последних российско-китайских документах, подписанных на высшем уровне — Совместных декларациях РФ и КНР от 21 марта 2006 г. и 26 марта 2007 г. — четкого положения о приверженности двух стран "становлению многополюсного мироустройства", которое присутствовало, например, в Совместном российско-китайском коммюнике от 3 июля 2005 г. Близкие по сути к идее многополюсного мира призывы "содействовать коллективным началам и демократизации международных отношений", "сохранять разнообразие культур и цивилизаций" выдержаны, на наш взгляд, в более мягкой тональности.

Вышеприведенный анализ призван не бросить упрек китайской стороне в будто бы недостаточной поддержке России в условиях осложнения ее отношений с США (для этого просто-напросто нет даже формальных оснований — ведь российско-китайское стратегическое партнерство не носит союзнического характера и не направлено против третьих стран), но лишь подчеркнуть ту мысль, что сверкой и актуализацией своих позиций по вопросам стратегической стабильности и подвижек в мировой архитектонике Китай и Россия должны заниматься постоянно.

В настоящее время подвижки в мировой архитектонике в немалой степени связаны с *возвышением Китая*. КНР занимает ныне 4-е место в мире по годовому производству ВВП (около 2,7 трлн долл. в 2006 г.), 3-е место — по объему внешней торговли товарами (1760 млрд долл.) с неплохой перспективой дальнейшего усиления своей роли в мировой экономике и торговле. Хотя с точки зрения международных позиций в целом некоторые китайские эксперты скромно оценивают КНР как "региональную державу с определенным глобальным влиянием"¹⁹, ее присутствие во все новых и новых географических зонах и сферах мировой политики с каждым годом ощущается все заметнее.

Как известно, сегодня в мире достаточно горячо дискутируется вопрос о долговременности и вероятных последствиях возвышения Китая, о возможном отношении к этому феномену и выборе того или иного варианта политической или экономической реакции на него. Не осталась в стороне от этих дискуссий и Россия, где в целом, судя по опросам общественного мнения, неизменно превалирует позитивное отношение к Китаю, оценка его как нынешнего и будущего стратегического партнера, друга или союзника Российской Федерации²⁰. Поэтому вполне естественно, что руководство России и значительная часть интеллектуальных сил российского общества видят в динамичном стабильном Китае серьезный стимулирующий фактор развития и решения социально-экономических проблем самой Российской Федерации. Важно подчеркнуть, что линии на долговременное совместное развитие двух стран придерживается не только значительная часть российских китаеведов²¹, силы левого политического спектра, но и некоторые деятели праволиберального толка²².

Вместе с тем, какая-то часть российского общества сохраняет настороженность, а иногда и негативное отношение к возвышающемуся Китаю. В значительной мере это вызвано тем психологическим дискомфортом, который чувствуют некоторые жители России из-за ее ощутимых различий в населении (соот-

ношение 1:9) и масштабах экономики (соотношение ВВП примерно 1:3, объемов внешней торговли 1:4) с государством-соседом, которое к тому же еще совсем недавно было, казалось бы, далеко позади по всем основным социально-экономическим параметрам²³. Обычно подобный дискомфорт не артикулируется открыто, а камуфлируется призывами к защите национального рынка и отечественных производителей от наплыва китайских товаров и требованиями предотвратить превращение России в ресурсно-сырьевой придаток Китая. Думается, что наращивание полноформатного взаимовыгодного двустороннего сотрудничества, выстраиваемого с учетом интересов и тех или иных озабоченностей страны-партнера, последовательная многоплановая работа по улучшению образа Китая в России и устойчивое развитие самой России позволят в конечном счете изжить предубеждения и заблуждения такого рода. Процесс этот, однако, вряд ли будет быстрым, отчасти и по причине регулярных попыток весьма активных прозападных сил в России целенаправленно формировать в российском общественном мнении искаженный, априори отрицательный образ Китая, развитие которого будто бы ни много ни мало «будет означать конец России как самостоятельной мировой державы»²⁴.

Немало новых моментов появилось в последние годы в российско-китайских торгово-экономических отношениях. Хотя в 2006 г. объем взаимного товарооборота вырос, по данным китайской таможенной статистики, до 33,386 млрд долл. по сравнению с 29,103 млрд долл. в 2005 г., нельзя не отметить существенного снижения динамики темпов роста российско-китайской торговли. Если в 2003—2005 гг. ежегодные темпы ее прироста превышали 30%, то в 2006 г. они снизились до 14,7%. Этот показатель ниже темпов прироста внешнеторгового товарооборота как Китая (23,8%), так и России (29,2%), что свидетельствует о некотором снижении доли партнеров во внешней торговле каждой из стран. При этом снижение темпов прироста коснулось как российского экспорта (прирост в 2006 г. составил 10,5% по сравнению с 31% в 2005 г. и 24,7% в 2004 г.), так и импорта — соответственно 19,8% в 2006 г. по сравнению с 45,2% в 2005 г. и 51% в 2004 г.²⁵. Так что задача доведения двустороннего товарооборота в 2010 г. минимум до 60 млрд долл. (в 1,8 раза больше, чем в 2006 г.; среднегодовой прирост в 2007—2010 гг. должен составить 13,8%) может оказаться не столь легко выполнимой, как это выдвинулось при ее первоначальном выдвижении.

Сохраняются и даже усугубляются определенные перекосы в структуре взаимной торговли. Если Китай поступательно наращивает в своем экспорте в Россию долю машин и оборудования — с 8,2% в 2000 г. до 20% в 2005 г. и 29% в 2006 г., то в российском экспорте в КНР доля машин и оборудования, напротив, упала с 28,7% в 2001 г. и 20,1% в 2002 г. до 1,2% в 2006 г., тогда как доля нефти и нефтепродуктов выросла с 10,2% в 2001 г. до 53,9% в 2006 г. (физический объем поставок нефти из России в КНР составил около 16 млн т при общем ее импорте Китаем 145,18 млн т)²⁶.

Россия, однако, не оставила намерений диверсифицировать структуру двусторонней торговли за счет продвижения на китайский рынок высокотехнологичных товаров, прежде всего машин, оборудования, гражданской авиатехники. Китайская сторона демонстрирует готовность идти навстречу России в этом вопросе. Так, по словам Ху Цзиньтао, достигнута договоренность о создании Китайско-российской палаты для торговли машинами и оборудованием. Согласно заявлению В.В. Путина, в ходе российско-китайских переговоров на высшем уровне в марте 2007 г. обсуждались вопросы совместной работы в области высоких технологий, энергетики, в том числе атомной, в авиации²⁷. Российская сторо-

на все активнее экспонирует на авиасалоне в Чжухае новейшую авиатехнику гражданского назначения, считая, что она вполне может конкурировать с доминирующими на китайском рынке "Боингами" и "Аэробусами"²⁸. В целом, на наш взгляд, позитивные сдвиги в структуре российского экспорта в КНР вполне возможны, но на это требуется и определенное время, и общее облагораживание структуры экономики и внешней торговли России.

Активно развивается российско-китайское сотрудничество в сфере добычи и транспортировки углеводородов.

С практическим началом в 2006 г. строительства нефтепровода Восточная Сибирь — Тихий океан (ВСТО) развеялась существовавшая несколько лет атмосфера напряженных ожиданий и неопределенности, что немало способствовало улучшению общего климата в российско-китайских отношениях, причем не только торгово-экономических. Идет интенсивная подготовка к строительству ответвления на Китай из Сковородино — конечного пункта первой очереди ВСТО. Утверждена экологическая экспертиза российской части будущего нефтепровода Сковородино — граница КНР протяженностью 70 км²⁹. В Китае на участке Мохэ-Дацин протяженностью 965 км идут подготовительные и топографические работы по китайской части трассы нефтепровода³⁰. В связи с определенным отставанием дополнительной разведки и уточнения запасов нефти в месторождениях Восточной Сибири и Дальнего Востока стали высказываться опасения, что нефтепроводу ВСТО в обозримой перспективе трудно будет достичь проектной мощности в 50, а затем в 80 млн т поставляемой нефти. Однако компания "Роснефть" декларирует, что за счет освоения Ванкорского месторождения она может обеспечить до 50% загрузки нефтепровода (вторую половину нефти должны дать компании ТНК-ВР и "Сургутнефтегаз")³¹. В целом ситуация с заполняемостью будущего нефтепровода выглядит вполне разрешимой.

Реализуются и более глубокие формы сотрудничества нефтяных компаний двух стран. Так, "Роснефть" создала с китайской компанией "Синопек" совместную компанию-оператора "Venin Holding" для разработки проекта Сахалин-3, т.е. Венинского блока с запасами около 170 млн т нефти и 258 млрд кубометров газа³².

Что касается поставок природного газа из России в Китай, то здесь, несмотря на заключение в 2006 г. соглашений о двух маршрутах газопроводов — из Сахалина и через Алтай — ситуация представляется менее определенной. Алтайский маршрут, по оценкам многих экспертов, грозит настоящей экологической катастрофой. Нет ясности в вопросе о развитии рынка потребления газа в Китае и о приемлемой для обеих сторон формуле определения цены на газ³³.

Расхождения по цене остаются и относительно электроэнергии, масштабы поставок которой из России в Китай предполагается существенно нарастить — с планируемых 3,6—4,5 млрд кВт/час в 2008 г. до 60 млрд кВт/час в перспективе³⁴.

На наш взгляд, достигнуть согласованной позиции по цене на электроэнергию легче, чем по газу, в связи с особой заинтересованностью Китая в импорте именно электроэнергии, позволяющем снизить уровень закупок нефти и нагрузку на окружающую среду.

Несмотря на успешное в целом развитие российско-китайского сотрудничества в топливно-энергетической сфере, необходимо четко понимать, что стороны руководствуются здесь собственными интересами, которые у донора — России и реципиента — Китая совпадают лишь частично. В данном контексте обратила на себя внимание состоявшаяся в Пекине в конце 2006 г. встреча министров энергетики ведущих мировых энергопотребителей — Китая, Индии, Япо-

нии, Республики Корея и США, ориентированная на поиск взаимодействия в сфере снижения чрезмерной зависимости от импорта нефти³⁵. Такая встреча свидетельствует, что модель российско-китайского сотрудничества в энергетической сфере требует постоянных корректировок и совершенствования.

Инвестиционное сотрудничество все еще отстает от общего уровня российско-китайских торгово-экономических отношений. В 2006 г. на инвестиции из России пришлось лишь 0,1% общего объема привлеченного Китаем иностранного капитала, а китайская доля в объеме привлеченных Россией иностранных инвестиций составила 0,9%. По состоянию на конец 2006 г. в России насчитывалось 730 проектов с участием китайского капитала с суммарным объемом инвестиций 935 млн долл. Россия вложила в экономику КНР около 600 млн долл.³⁶ Вместе с тем в этой весьма перспективной сфере наметились позитивные сдвиги. В ноябре 2006 г. подписано соглашение о взаимной защите инвестиций. Создана межправительственная рабочая группа по инвестиционному сотрудничеству, определившая 29 первоочередных объектов взаимодействия в недвижимости, лесопереработке и химической промышленности с предполагаемым суммарным объемом китайских инвестиций свыше 3 млрд долл.³⁷

Активизируется и *производственная кооперация* между двумя странами. В стадии реализации находятся несколько проектов сборки в России автомобилей китайских марок. Явно на подъеме сотрудничество в *банковской сфере*, где ведущую роль играют китайский Государственный банк развития и его российские партнеры — Внешэкономбанк и Внешторгбанк.

Имеющее значительные перспективы *двустороннее сотрудничество в освоении новых и высоких технологий* нуждается в улучшении финансирования (по крайней мере, с российской стороны), более четкой проработке вопросов защиты интеллектуальной собственности и отлаживании самого механизма оценки и внедрения технологий³⁸.

Серьезные подвижки уже происходят или намечаются в таких традиционных сферах двустороннего сотрудничества, как поставки из России в Китай вооружений, круглого леса, импорт из Китая товаров народного потребления.

После полутора десятков лет массового импорта российских *вооружений и военной техники*, прежде всего для военно-воздушных и военно-морских сил, их закупки Китаем в последнее время резко сократились. В период 1992—2006 гг. в Китай было поставлено военной техники и вооружений на 26 млрд долл. из общего объема российского оружейного экспорта в 58,4 млрд долл. При этом доля поставок в Китай снизилась с 70% российских экспортных поставок вооружения во второй половине 1990-х годов до ожидаемого в 2007 г. уровня в 17--20%³⁹. Сам факт определенной паузы налицо. Ряд экспертов видит в ней признаки долгосрочного сворачивания Китаем импорта вооружений из России. Другие предпочитают говорить о временном притормаживании, вызванном необходимостью освоить уже приобретенную технику и определиться со стратегией дальнейшего технического оснащения армии⁴⁰. На наш взгляд, выбор объемов, приоритетов и поставщиков в деле дальнейшей закупки вооружений Китаем зависит от множества факторов, и пока преждевременно предугадывать конечные результаты их воздействия на принятие Пекином конкретных решений в данной области. Однако огромные политические и технические заделы, наработанные Россией в военно-техническом сотрудничестве с КНР, позволяют довольно оптимистично оценивать его возможные масштабы в перспективе.

Экспорт из России в Китай круглого леса, составлявший в последние годы в стоимостном выражении порядка 2 млрд долл., может в ближайшее время заметно снизиться. Причина — разработка и введение в РФ по поручению Президента В.В. Путина комплекса мер, призванных сократить вывоз необработанной древесины и стимулировать лесопереработку на российской территории. В марте 2007 г. вступило в силу постановление Правительства РФ о ежегодном 30-процентном увеличении пошлин на экспорт необработанного леса на период до 2010 г.¹¹

Серьезные ограничения, введенные в начале 2006 г. на перевозку грузов “челноками” (необлагаемый сборами вес снижен с 50 до 35 кг, а допустимая частота пересечения границы увеличена с 1 раза в неделю до 1 раза в месяц), и последовавшее фронтальное наступление российских правоохранительных и таможенных органов на массовую практику “серой растаможки” импортировавшихся из КНР потребительских товаров (когда грузы декларировались не по реальной, а по заниженной стоимости) нанесло ощутимый удар по так называемой “народной торговле” между Россией и Китаем. В КНР выразили “понимание этих мер”, заявив в то же время о необходимости “предоставить определенный переходный период для надлежащего разрешения вопросов народной торговли”¹².

С “народной торговлей” отчасти связан и вопрос о временном пребывании на территории России трудовых мигрантов из КНР. С внесением в начале 2007 г. в российское иммиграционное законодательство поправок, запрещающих иностранным гражданам вести торговлю на розничных рынках, часть занимавшихся этой деятельностью граждан КНР покинули Россию. Однако массового характера такой отъезд не носил. Например, как сообщил начальник управления Федеральной миграционной службы по Хабаровскому краю В. Ефремов, “в Хабаровском крае ажиотажа с отъездом иностранцев на родину нет”. Среди тех, у кого документы были в порядке, в декабре (2006 г.) уехали 300 граждан КНР, в январе — 550. В январе 2007 г. из Хабаровского края выдворены 117 нелегалов из КНР¹³. С другой стороны, корректировка иммиграционного законодательства России не препятствует развитию цивилизованных форм привлечения в страну иностранной рабочей силы, в том числе из Китая.

Не секрет, что нынешние образы *России в Китае и Китая в России* в массовом сознании жителей двух стран пока еще во многом сотканы из стереотипов и клише прошлых лет (“великая дружба” 1950-х годов, конфронтация 1960-х — 1970-х годов) и весьма схематизированных и упрощенных дефиниций типа “Китай — конфуцианский”, “Россия — православная”, которые могут просто-напросто мешать правильно понимать и объективно оценивать сложные, многоуровневые особенности, цели и интересы страны-партнера.

Для формирования у граждан России и Китая правильного, адекватного реалиям образа страны-партнера принципиально важны углубление и диверсификация форм сотрудничества в гуманитарной сфере. Проведение национальных годов — шаг в правильном направлении, но нуждающийся, однако, в продолжении и развитии.

Резюмируя вышесказанное, отметим, что для России и Китая отношения друг с другом имеют в настоящее время и сохранят в обозримой перспективе важное многофункциональное значение.

— Выступая в качестве стратегических партнеров, Китай и Россия объективно способствуют сохранению и упрочению независимого и самостоятельного внешнеполитического курса двух стран.

— Будучи одной из немногих стран, толерантно относящихся к внутриполитическому устройству КНР, Россия объективно способствует сохранению Китаем избранного пути общественного развития; то же самое справедливо и применительно к роли Китая по отношению к России.

— Россия является важным торгово-экономическим партнером Китая, содействующим повышению уровня его энергетической безопасности и обороноспособности; для России торгово-экономические связи с КНР являются весомой альтернативой европейскому направлению и прямо способствуют достижению эффекта “экономики масштаба”.

— Будучи партнерами по ШОС, Россия и Китай объективно помогают друг другу в противодействии национальному сепаратизму, религиозному экстремизму и терроризму, в борьбе с наркотрафиком, в сохранении стратегической стабильности в критически важном регионе Центральной Азии.

— Представляя самостоятельные культурно-цивилизационные ареалы мирового масштаба, Россия и Китай объективно являются союзниками в усилиях по обеспечению культурно-цивилизационного разнообразия мира, в противодействии унификации мирового сообщества по тем или иным стандартам.

Следовательно, российско-китайские отношения стратегического партнерства имеют все объективные основания для долговременного углубления и развития, разумеется, при условии приложения обеими странами настойчивых постоянных усилий в этом направлении.

1. Титаренко М.Л. Предисловие // Российско-китайские отношения: Состояние, перспективы. М.: Институт Дальнего Востока РАН, 2005. С. 12.
2. Воскресенский А.Д. Россия и Китай: теория и история межгосударственных отношений. М.: Московский общественный научный фонд, 1999. С. 184. См. также: *Voskresenski A. Russia and China: A Theory of Inter-State Relations. London; New-York: RoutledgeCurzon, 2004. P. 122.*
3. См.: Русско-китайские договорно-правовые акты, 1689–1916 / Под ред. В.С. Мясникова. М., 2004. 696 с.; Мясников В.С. Договорными статьями утвердили: Дипломатическая история русско-китайской границы, XVII–XX вв. М.: Принт 1996.
4. См.: История Российской Духовной Миссии в Китае: Сб. ст. М.: Изд-во Свято-Владимирского братства, 1997. 416 с.
5. Прежде всего здесь следует назвать публикацию архивных материалов в серии “Русско-китайские отношения в XX веке: Документы и материалы”. Вышли в свет: Т. 4. Советско-китайские отношения, 1937—1945 (в двух книгах). М.: 2000; Т. 5 — Советско-китайские отношения, 1946–февраль 1950 (в двух книгах). М., 2005. Кроме того, завершилась публикация архивных материалов в пятитомной серии “ВКП(б), Коминтерн и национально-освободительное движение в Китае: Документы”, также подготовленной в Институте Дальнего Востока РАН.
6. См., например: Shen Zhihua zhubian. Zhongsu guanxi shigang (1917–1991). Beijing: Xinhua chubanshe. 2007 [История китайско-советских отношений (1917–1991)]. / [(Шэнь Чжихуа (гл. ред.)489 с.]
7. См., например: Кулик Б.Т. Советско-китайский раскол: Причины и последствия. М.: ИДВ РАН, 2000. 640 с.
8. См.: Сборник российско-китайских договоров, 1949—1999. М.: Терра-Спорт, 1999. С. 132—133.
9. Там же. С. 150—152.

10. Совместная Российско-Китайская декларация. Подписана в Москве 3 сентября 1994 года Президентом России Б.Н. Ельциным и Председателем КНР Цзян Цзэминем // Сборник российско-китайских договоров, 1949—1999. М., 1999. С. 271—273.
11. Там же. С. 333—337.
12. РК: Россия-Китай. Массовая газета. М., 2001. Август.
13. Zhongguo yu daguo guanxi yuce [Прогноз отношений Китая с ведущими странами] // Xiandai guoji guanxi. Пекин, 2007. № 1. С. 63.
14. Переговоры Ху Цзиньтао с В. Путиным. —<http://russian1.people.com.cn/31519/5523236.html>. Председатель КНР предложил также “вести совместное новаторство в научно-техническом сотрудничестве” и “стать гармоничными и дружественными партнерами в гуманитарном сотрудничестве”. Предложения Ху Цзиньтао, изложенные в сжатом виде и поданные как общая позиция двух стран, отражены в пункте 1 первого раздела Совместной декларации Российской Федерации и Китайской Народной Республики, подписанной Президентом России В. Путиным и Председателем КНР Ху Цзиньтао 26 марта 2007 г. в Москве. — См.: <http://www.kremlin.ru/text/docs/2007/03/120807.shtml>.
15. Подчас этот тезис прямо развивают и российские СМИ. Так, в статье К. Лантратова “Оружейная дружба”, опубликованной в “Коммерсантъ guide” “Китай”, утверждается, что в России “политические ограничения на поставку вооружения и военной техники в Китай сохраняются”. Напротив, такие ограничения отсутствуют в сотрудничестве с Индией, с которой “нет ни одного спорного вопроса”. (Коммерсантъ guide. 2007. № 40, 14 марта С. 35).
16. Переговоры Ху Цзиньтао с В. Путиным. —<http://russian1.people.com.cn/31519/5523296.html>.
17. Представитель МИД КНР о критике В. Путина в адрес США — <http://russian1.people.com.cn/31521/5398816.html>.
18. В каком направлении развиваются американо-российские отношения? — http://russian.xinhuanet.com/russian/2007-04/24/content_420126.htm.
19. Zhongguo shi ge “daguo” ma [Является ли Китай “державой”] // Shijie zhishi. Beijing, 2007. № 1. С. 16—27.
20. Так, согласно данным опроса общественного мнения, проведенного ВЦИОМ летом 2005 г., 34% опрошенных россиян охарактеризовали Китай как стратегического и экономического партнера, 22% — как союзника или дружественное государство. Как соперника оценили Китай 24% опрошенных, а как вероятного противника — 4%. Примерно такое же видение Китая сохраняется и на длительную перспективу. (Политический журнал. М., 2005. 15 авг. С. 67). Для сравнения: опрос Китайского социологического центра показал, что в марте 2006 г. Россию рассматривали как друга или союзника 11% опрошенных, как доброго соседа — 38% и как стратегического партнера — 42%. Напротив, о соперничестве двух стран говорило 6%, а о стратегическом противостоянии России и Китая — 1% опрошенных китайцев (Ковалев С. Год России в Китае в зеркале общественного мнения // Россия-Китай. XXI век. М., 2007. № 3. С. 25).
21. См., например: Кузык Б.Н., Титаренко М.Л. Китай-Россия 2050: стратегия соразвития. М.: Институт экономических стратегий, 2006. 656 с.; Россия и Китай: сотрудничество в условиях глобализации. М.: Институт Дальнего Востока РАН, 2005. 400 с.
22. Например, “другом России” считает Китай депутат Государственной Думы РФ Владимир Рыжков // Аргументы и факты. М., 2007. № 12. С. 5.
23. См., например: Лукин А. Лицом к Китаю: Россияне никак не отвыкнули смотреть на соседа свысока // Коммерсантъ. М., 2006. 9 ноября. С. 8. Существо проблемы удачно отражено в названии книги известного ученого-китаеведа В.Л. Ларина “В тени проснувшегося дракона” (Владивосток: Дальнаука, 2006. 242 с.).
24. Цыгичко В. Предисловие к русскому изданию // Менгес К. Китай: нарастающая угроза / пер. с англ. работы Menges Constantine. China: The Gathering Threat) М.: Независимая газета, 2006. С. 20.

25. Данные китайской и российской таможенной статистики. См.: Внешняя торговля России в 2006 г. // Бюллетень иностранной коммерческой информации (БИКИ). М., 2007. 20 февр. С. 2; Спецвыпуск "Китай" // Российская газета. М., 2007. 26 марта. С. А4.
26. Naiguan Tongji [Таможенная статистика] // Beijing, 2006. № 12. С. 27, 47—48, 69—70; Спецвыпуск "Китай" // Российская газета. 2007. 26 марта. С. А 12.
27. Заявления для прессы по итогам российско-китайских переговоров. — <http://www.kremlin.ru/text/appears/2007/03/120824.shtml>.
28. Россия готова к выходу на рынок гражданской авиации Китая. — <http://russian1.people.com.cn/31521/4998760.html>.
29. "Ростехнадзор" одобрил строительство нефтепровода до границы с Китаем // Время новостей. М., 2007. 5 апр.
30. Китай готовится к прокладке нефтепровода-связки с будущим ответвлением нефтепровода в рамках проекта ВСТО. — <http://russian1.people.com.cn/31518/5380322.html>.
31. "Роснефть" рассчитывает на успех в трубе. Компания готова загрузить вторую очередь ВСТО // Коммерсантъ. М., 2007. 21 апр.
32. Ребров Д., Скорлыгина Н. "Роснефть" предпочла китайских партнеров // Коммерсантъ. М., 2007. 30 марта.
33. В частности, эксперты полагают, что европейский уровень цен в 280—300 долл. за тыс. кубометров газа для Китая не приемлем. См.: Гриб Н. Газ в обмен на время: Газопровод "Алтай" может не заработать в 2011 году // Коммерсантъ. М., 2006. 16 сент.
34. Драчевский Л. Интервью агентству "Интерфакс-Китай". — http://www/interfax.ru/r/V/exclusive/260.html?menu=8&id_issue=11680013.
35. <http://russian1.people.com.cn/31521/5177559.html>.
36. <http://russian1.people.com.cn/31519/5498582.html>.
37. Ян Цзюнь. У наших отношений огромный потенциал: Интервью с заместителем министра коммерции КНР Юй Гуанчжоу // Китай. Пекин, М., 2007. № 4. С. 12—15 (на рус. яз.).
38. См.: КНР и РФ готовы увеличить масштабы сотрудничества в области технических инноваций. — <http://russian1.people.com.cn/31517/4763521.html>. По оценкам ряда российских экспертов, потенциал двустороннего сотрудничества в области технических инноваций в среднесрочной перспективе составляет 3—5 млрд долл. В рамках национальной выставки КНР в Москве в марте 2007 г. была проведена "Выставка научно-технических достижений и новаторства Китая".
39. Грицкова А. и др. Китай сложил российское оружие. Военно-техническое сотрудничество замедляется // Коммерсантъ. М., 2007. 7 мая.
40. См., например: Макиенко К. За 15 лет Китай потребил до половины всех российских военных поставок за рубеж. — http://www/interfax.ru/r/V/exclusive/260.html?menu=8&id_issue=11670270; Макиенко К. Поднебесная берет тайм-аут: Отношения России и Китая в сфере торговли оружием радикально меняются // Смысл. М., 2007. № 5. С. 84—88; "Торговля оружием между Россией и Китаем находится на спаде": Беседа А. Ломанова с канадским экспертом Чжан Ихуном // Время новостей. 2006. 25 сент.
41. Шарилова А. Финляндия уйдет из российского леса: Импортёры грозят России проблемами с ВТО из-за роста пошлин на вывоз древесины // Коммерсантъ. М., 2007. 19 марта.
42. Замминистра коммерции КНР призвал китайских бизнесменов в России изменить способ хозяйствования и стремиться к долгосрочному развитию своего дела. — <http://russian1.people.com.cn/31519/5432686.html>.
43. Приамурские ведомости. Хабаровск, 2007. 27 февр.

Роль России в шестисторонних переговорах по ликвидации ядерной угрозы на Корейском полуострове

© 2007

Л. Забровская

Предыстория формирования группы стран Северо-Восточной Азии, заинтересованной в мирном разрешении ядерного кризиса на Корейском полуострове, сложна и довольно продолжительна. Разделение Кореи на два враждебных государства делало международную ситуацию в этом районе мира крайне взрывоопасной. После 1991 г. военно-политическое присутствие России в СВА резко сократилось, что повлекло за собой появление планов враждебных государств ликвидировать КНДР путем "поглощения" ее Республикой Корея.

Ответом Пхеньяна было проведение комплекса мер по накоплению на экспериментальных ядерных реакторах плутония и попытки создания собственного ядерного оружия. Подобные действия вызвали протесты и серьезную озабоченность у соседних стран, а также США, которые предприняли ряд силовых и дипломатических мер по ликвидации ядерной угрозы на Корейском полуострове. Так, в 1994 г. в Женеве состоялись переговоры между КНДР и США, результатом которых стало рамочное соглашение, предусматривающее выполнение сторонами взаимных обязательств: КНДР должна была заморозить развитие своей ядерной программы, а США — установить с республикой дипломатические отношения и построить в ней атомную электростанцию. Однако впоследствии американское правительство под надуманным предлогом отказалось выполнять свои обещания, что вызвало обострение американо-северокорейских отношений.

Являющийся военно-политическим союзником КНДР Китай предпринял ряд попыток урегулировать американо-северокорейские противоречия дипломатическим путем. Однако проведенные в середине 90-х годов в Пекине трехсторонние переговоры между КНДР, США и Китаем, а затем и четырехсторонние переговоры между КНДР и Китаем с одной стороны, а также США и РК с другой стороны не принесли положительного результата.

Российский МИД еще в начале 90-х годов предлагал включить в переговорный процесс Россию и Японию как государства, граничащие с КНДР и кровно заинтересованные в мирном решении конфликтной ситуации. Однако другие страны Северо-Восточной Азии пытались решить проблему путем двусторонних встреч и не рассчитывали на результативность многосторонних переговоров. Только в июле 2003 г. Россия и Япония смогли принять участие в первом раунде шестисторонних переговоров по ликвидации ядерной угрозы на Корейском полуострове.

К началу 2007 г. шестерка заинтересованных стран СВА (Россия, Китай, США, Япония, РК и КНДР) провела в Пекине пять встреч, первые три из

которых фактически закончились безрезультатно, т.к. не было принято ни одного совместного коммюнике и не были намечены планы по мирному урегулированию взрывоопасной ситуации.

При анализе результатов пяти встреч шестерки государств следует прежде всего определить как широко афишируемые, так и скрытые цели, которые не разглашаются, но подразумеваются.

Китай является наиболее значимым участником встреч шестерки. По китайской инициативе, поддержанной Москвой, в Пекине начались шестисторонние переговоры.

Пока китайская челночная дипломатия не принесла ощутимого результата. Поэтому некоторые зарубежные аналитики пришли к выводу, что Китай не заинтересован в быстром решении взрывоопасного конфликта на Корейском полуострове. По всей видимости, китайские политики полагают, что такая ситуация может отвлечь внимание США и не позволит всецело сосредоточиться на военно-политической поддержке другого своего союзника в Восточной Азии — Тайваня, в политических кругах которого бродят идеи сепаратизма и стремление объявить остров независимой республикой. Китайские власти, поставившие цель «объединения родины» в ближайшем будущем, понимают, что при таком развитии событий процесс объединения Тайваня с Китаем станет нереальным. В связи с этим можно предположить, что скрытая цель Китая состоит в отвлечении США от Тайваня путем создания «горячих точек» в других районах мира.

США, принимая участие в шестисторонних переговорах, также не заинтересованы в полной ликвидации очага напряженности на Севере Корейского полуострова, т.к. в противном случае у них не будет основания сохранять свои военные базы на территории РК и Японии, вмешиваться во внутренние дела своих военно-политических союзников. Кроме того, продолжение конфликтной ситуации устраивает США еще и потому, что таковая, по мнению американских политологов, отвлечет силы и ресурсы Китая, затормозит экономический рост и ограничит его международную активность.

Одной из скрытых целей США является предотвращение сближения КНДР с соседями, прежде всего с РК и Японией, сохранение ее международной изоляции. Поэтому для нынешней администрации президента Буша наиболее приемлема ситуация «долгоиграющего» и управляемого конфликта¹.

Хотя КНДР и заявляет о жизненной необходимости развития своей ядерной программы в целях самообороны и получения электроэнергии, у северокорейских правящих кругов есть и другая важная цель. Она состоит в том, чтобы использовать ядерный кризис в качестве рычага давления на США для получения дипломатического признания со стороны ведущей мировой державы.

Установление официальных дипломатических отношений с США позволит Пхеньяну утвердиться во внутренней политике, выйти из международной изоляции и усилить свой вес в политической жизни региона. Эти цели вынуждают Пхеньян принимать участие в шестисторонних переговорах и вести диалог с американскими представителями.

РК является военно-политическим союзником Вашингтона и должна действовать в связке с США. Однако южнокорейские власти вынуждены считаться с антиамериканскими настроениями внутри страны и требованием демократически настроенной общественности расширять всесторонние контакты с КНДР, ориентироваться прежде всего на решение корейских общенациональных проблем, приближающих объединение родины. Поэтому южнокорейские власти рассматривают шестисторонние переговоры как удобную площадку для контактов с КНДР ради сближения точек зрения по другим актуальным для них вопросам.

Инициативы *Японии* также скованы союзническими обязательствами перед США. Цель ее участия в шестисторонних переговорах — ликвидация всех ядерных программ КНДР, т.к. последние рассматриваются японской общественностью как источник угрозы национальной безопасности.

Вместе с тем японское правительство вынуждено реагировать на требование своей общественности отыскать в КНДР следы японцев, похищенных в 1970-х гг. северокорейской разведкой. Хотя японские претензии по этому поводу не находят поддержки у других участников переговоров, считающих этот вопрос частной проблемой японо-северокорейских отношений, японские дипломаты не отказываются от участия в шестисторонних переговорах, видя в них одну из доступных возможностей повлиять на КНДР в целях свертывания ее ядерной программы и возвращения похищенных японцев на родину.

Россия занимает на шестисторонних переговорах позицию благоприятного для КНДР нейтралитета. Она является, пожалуй, единственным участником шестисторонних переговоров, не преследующим скрытых целей. Россия последовательно выступает против оказания какого-либо давления на КНДР. В отличие от США наша страна не заинтересована в противостоянии двух корейских государств и сохранении напряженности на Корейском полуострове, а наоборот, поощряет их сближение и дальнейшее развитие межкорейского диалога, считая, что воссоединение Кореи принесет мир в регион Северо-Восточной Азии.

Хотя влияние России на переговорный процесс невелико, и у нее нет средств воздействия на КНДР, какими располагает Китай, это и составляет преимущество российской позиции — она может стать непредвзятым координатором процесса по мирному разрешению конфликта на Севере Корейского полуострова. При выполнении посреднической миссии российским дипломатам необходимо учитывать, что конфликтующими сторонами — США и КНДР движут разные цели. Сближение позиций этих двух государств и станет основной задачей для посредника на переговорах.

При анализе всего комплекса проблем, обсуждаемых на шестисторонних переговорах, следует принимать во внимание, что в ходе их проведения происходит столкновение противоположных методов ведения переговорного процесса, характерных для стран европейской культуры и конфуцианской цивилизации. Зачастую приемы ведения переговорного процесса дальневосточной дипломатией имеют мало общего с принятыми в европейском международном праве принципами равноправия сторон, открытостью принятия решений, учетом мнения противоположной стороны, способностью идти на уступки, т.е. со всем тем, чего следует придерживаться двум или нескольким договаривающимся сторонам, пожелавшим прийти к какому-либо соглашению и неукоснительно выполнять его.

Как правило, на переговорах любого ранга дальневосточная дипломатия вынуждает противоположную сторону первой излагать свою точку зрения по обсуждаемой проблеме, считая, что “первым говорит более слабый” — весьма распространенная на Востоке точка зрения. Затем, узнав аргументацию противоположной стороны, представителям дальневосточной дипломатии проще найти слабые места, подвергнуть их сомнению и критике, выдвинуть весомые контраргументы.

Часто сознавая свою слабость или шаткость позиции по тому или иному вопросу, представители дальневосточной школы дипломатии стремятся искусственно нагнетать напряженность на переговорах, угрожая их сорвать или перевести в иную плоскость. Этот прием часто используется северокорейской дипломатией на шестисторонних переговорах.

Главным камнем преткновения на шестисторонних переговорах явилось требование КНДР признать за ней право на развитие атомной энергетики и завершить строительство атомной электростанции в г. Синпхо. Россия и Китай сочувственно отнеслись к такой постановке вопроса, считая это вполне оправданным мотивом для любого суверенного государства. Однако США и их союзники в США отказались продолжать строительство в КНДР дорогостоящей АЭС, оцениваемой в 4,6 млрд долл. К тому же США решили, что Пхеньяну «не нужны ядерные реакторы, т.к. ему предложен пакет экономических мер, которые должны восполнить его энергетические затраты»². В этом случае имелось ввиду южнокорейское предложение о ежегодном предоставлении КНДР 2 млн кВт электроэнергии. КНДР отказалась от такого предложения из-за опасения стать энергозависимой страной.

За прошедшее десятилетие Пхеньян и Вашингтон так и не смогли приблизиться к нормализации политических и экономических отношений, что в период глобализации и упрощения торгово-экономических связей поставило КНДР в положение страны-изгоя. США не предоставили КНДР специальных гарантий в форме договора, исключающего применение ядерного оружия, что имело для Пхеньяна первостепенное значение, учитывая недавний негативный опыт Ирака.

Между тем, правительство КНДР неоднократно предпринимало попытки дипломатического сближения с США. Так, в 2000 г. Пхеньян посетила госсекретарь США М. Олбрайт. В том же году в Вашингтоне побывала северокорейская высокопоставленная военная делегация и пригласила президента Б. Клинтона посетить КНДР с официальным визитом и т.д.

Однако пришедшая к власти республиканская администрация президента Дж. Буша-мл. не посчитала необходимым принять во внимание достижения администрации Клинтона, а напротив, заблокировала все прежние инициативы и договоренности США по корейскому вопросу, втайне надеясь, что после смерти Ким Ир Сена и последовавших затем стихийных бедствий американскому правительству не придется выполнять Рамочное соглашение 1994 г., предусматривавшее признание США суверенитета КНДР и установление с ней дипломатических отношений, а также выполнение ряда экономических обязательств.

Дальнейшие события вылились в обострение ядерной угрозы на Корейском полуострове, привели к противостоянию в американско-северокорейских отношениях и в целом сделали международную обстановку в США взрывоопасной. Все пять встреч представителей США и КНДР в рамках шестисторонних переговоров свидетельствуют о том, что обе стороны вполне могут вернуться к решениям рамочного соглашения 1994 г. и постараться выполнить хотя бы часть из заявленных в нем намерений.

Учитывая всю историю американско-северокорейского диалога по ядерной проблеме Корейского полуострова, следует отметить, что позиция КНДР является более четкой, последовательной и аргументированной, преследующей конкретные цели. Заслуживает внимания и требование КНДР к США заменить временное Соглашение о перемирии, которым завершилась Корейская война 1950—1953 гг., полноценным договором о мире между США и КНДР. «Замена механизма перемирия на мирный механизм на Корейском полуострове приведет к прекращению враждебной политики США в отношении КНДР, снимет вопрос о ядерной угрозе и автоматически вызовет денуклеаризацию Корейского полуострова», — говорится в заявлении МИД КНДР, сделанном перед началом четвертого раунда шестисторонних переговоров³.

Россия полностью поддержала это предложение КНДР. Договор о мире между США и КНДР содействовал бы углублению взаимопонимания сторон и снял бы опасения КНДР за свою безопасность. Его заключение — в интересах всех стран СВА, поскольку он мог бы ослабить напряжение в отношениях между двумя корейскими государствами и способствовал бы оздоровлению международного климата в регионе.

Линия поведения, выбранная американской дипломатией, страдает конъюнктурными подходами, является непоследовательной, зависящей от злободневных интересов отдельных лиц республиканской администрации. Такая позиция не только вредит установлению дружественных отношений между КНДР и США, но и не способствует закреплению наметившегося улучшения отношений между КНДР и американскими военно-политическими союзниками в СВА — РК и Японией.

Четвертый раунд шестисторонних переговоров выявил ряд существенных противоречий, главное из которых состояло в различном понимании сторонами процесса “денуклеаризации Корейского полуострова”. Так, США, Япония и РК понимали под этим полную ликвидацию всех, в т.ч. и мирных ядерных разработок на территории КНДР. Последняя же настаивала на своем праве развивать атомную программу в мирных целях, требуя при этом вывода всех ядерных вооружений не только с Юга Корейского полуострова, но и из американских военных баз, расположенных в Японии. Такие диаметрально противоположные взгляды могли бы привести к безрезультатному завершению и этого раунда шестисторонних переговоров. Однако стороны прервали заседание для проведения консультаций со своими правительствами и вновь встретились спустя месяц.

Настойчивость Пхеньяна в отношении сохранения гражданской части своей ядерной программы стала одним из основных обсуждаемых вопросов на переговорах. В довершение к этому делегации США и РК отвергли просьбу КНДР о возобновлении проекта КЕДО и завершении строительства АЭС в г. Синпхо. Более того, просьба КНДР натолкнулась на непреклонную позицию США, которые считают, что “эта страна не должна обладать даже гражданскими ядерными возможностями, поскольку любые ее ядерные программы... потенциально могут стать источником создания атомного оружия.”

В ответ на такое замечание министр иностранных дел КНДР Пэк Нам Сун заявил на региональном форуме АСЕАН о готовности своей страны “вернуться в ДНЯО и вернуть инспекторов МАГАТЭ на свои ядерные объекты”, что свидетельствует о готовности северокорейского руководства идти на уступки в решении ядерной проблемы Корейского полуострова.

На четвертой встрече шестерки также возникли споры об очередности проведения мер по решению ядерной проблемы. Так, США требовали, чтобы КНДР сначала ликвидировала свои ядерные реакторы и только после этого могла претендовать на получение экономической помощи. КНДР же настаивала на одновременном совместном разоружении в СВА и выводе американского ядерного оружия с Юга Корейского полуострова. Посредничество России в этом вопросе позволило несколько смягчить требование США, которые в конце концов согласились на осуществление мирной ядерной программы КНДР при условии одновременного ее возвращения в систему ДНЯО.

Помимо этого, Россия также заявила о своем намерении принять участие в предоставлении компенсационного пакета для КНДР, предложив поставлять ей электроэнергию и природный газ, а также принять участие в реконструкции построенных в эпоху СССР тепловых электростанций.

Российские экономические предложения и позиция на шестисторонних переговорах получили одобрение в северокорейском МИДе. Так, северокорейский посол в Москве Пак Ы Чун высоко оценил усилия России по урегулирова-

нию ядерного конфликта, отметив, что "поддержка России дает КНДР возможность осуществлять внутренние преобразования"⁶.

Четвертый раунд шестисторонних переговоров завершился подписанием 19 сентября 2005 г. Совместной декларации, но стороны так и не смогли договориться о практическом воплощении заявленных намерений. Шестисторонние переговоры фактически зашли в тупик, т.к. КНДР отказалась участвовать в последующих заседаниях, сославшись на ужесточение позиции США⁷.

На пятом раунде шестисторонних переговоров, начавшихся в ноябре 2005 г., все участники подтвердили приверженность сентябрьским договоренностям и выступили с новыми предложениями по денуклеаризации полуострова. Повесткой этого раунда должна была стать программа мер по реализации Совместного заявления. Однако этот раунд был прерван едва начавшись. Более года встречи шестерки государств не проводились из-за отказов КНДР принимать в них участие.

Главной причиной столь продолжительной паузы на шестисторонних переговорах стали обострившиеся противоречия между КНДР и США из-за замораживания северокорейских счетов в банке "Дельта Азия" в Макао. Важно при этом то, что несмотря на взаимные претензии, КНДР и США подтвердили свою готовность выполнять основные положения Совместной декларации от 19 сентября 2005 г. и руководствоваться принципом "обязательство в ответ на обязательство, действие в ответ на действие"⁸.

Дальнейшее развитие событий еще более обострило военно-политическую обстановку в СВА: в мае 2006 г. США и их союзники провели широкомасштабные военно-морские учения. В ответ на это КНДР осуществила запуск семи баллистических ракет в июле того же года и объявила о проведении подземного ядерного испытания 9 октября 2006 г. Эти события сделали затруднительным быстрое разрешение конфликта и достижение намеченных в Совместной декларации целей превращения Корейского полуострова в безъядерную зону.

Тем не менее, в декабре 2006 г. шестерка государств провела вторую встречу пятого раунда переговоров, которая была прервана по случаю рождественских праздников. На этой встрече стороны лишь обозначили свои позиции и выразили готовность продолжить переговоры.

На проведенных в феврале 2007 г. заключительных переговорах пятого раунда стороны договорились о создании пяти групп для решения конкретных задач по урегулированию ядерного кризиса на Корейском полуострове, смягчении японо-северокорейских и американо-северокорейских противоречий. Российским дипломатам было поручено возглавить группу по обеспечению стабильности и безопасности, что в перспективе позволит России получить опыт по координации решения вопросов о безопасности не только на Корейском полуострове, но и во всем регионе Северо-Восточной Азии. Кроме того, российское правительство, руководствуясь необходимостью ускорить ход переговорного процесса и внести свой вклад в международную экономическую помощь КНДР, решило списать северокорейский долг на 90%. Это снимет многие финансовые запреты для российского бизнеса в торговых контактах с КНДР, приведет к расширению российско-северокорейского обмена, который можно будет вести без предоплаты.

Как видно, международная обстановка в СВА продолжает оставаться напряженной, во многом из-за непреклонной позиции правительств КНДР и США. Россия готова взять на себя роль посредника на американо-северокорейских переговорах, поскольку у нее есть опыт консультаций с обеими соперничающими сторонами, и она заинтересована в сохранении мирной обстановки на Корейском полуострове.

В конце 2006 г. на международном симпозиуме в Токио по проблемам региональной безопасности глава российской делегации на шестисторонних переговорах Александр Алексеев отметил, что Россия “не возлагает вину на кого бы то ни было за задержку на переговорах шестерки” и считает, что их возобновлению могли бы помочь “компромиссы как со стороны КНДР, так и со стороны США”. Российский дипломат также подчеркнул, что шестисторонние переговоры “должны продолжаться, пока не будет достигнуто полное и окончательное решение всех вопросов, связанных с обеспечением свободного от ядерного оружия статуса полуострова”. По его мнению, также необходимо “нормализовать отношения между КНДР и США и создать благоприятные условия для социально-экономического развития КНДР”.

В СВА пока нет международной организации, которая бы регулировала возникающие конфликты. Возможно, шестисторонние встречи представителей России, КНР, Японии, США, РК и КНДР станут прообразом такой будущей организации, которая бы выполняла функции европейской ОБСЕ. Представляется целесообразным, чтобы такая международная организация обладала широкими полномочиями и могла бы гарантировать безопасность для отдельных стран СВА, что сняло бы с повестки дня угрозу развития атомных программ в военных целях (КНДР), в целях самообороны (Япония) или в научных целях (РК). Стоило бы также расширить состав участников таких встреч, пригласив, например, Монголию как страну, тяготеющую к сообществу государств Японского моря и также вынужденную заниматься северокорейскими беженцами.

Практика показывает, что уже назрела необходимость проведения рабочих встреч всех государств СВА на постоянной основе с тем, чтобы обсуждать и решать другие насущные и не терпящие отлагательств вопросы как, например, меры по пресечению распространения наркотиков, оказание гуманитарной помощи странам, пострадавшим от стихийных бедствий, расширение торгово-экономических контактов, регулирование территориальных споров и т.п. Такой постоянный форум стран СВА даст возможность участвующим сторонам обмениваться мнениями и вырабатывать общие решения. В этом случае форум стран СВА не будет зависеть от какой-либо одной страны и ее желания в нем участвовать.

Для усиления эффективности таких встреч и повышения роли других участников было бы целесообразно менять места их проведения и не придавать Пекину статус “дальневосточной Женевы”. Это тем более важно, что практика показывает — Китай не может объективно решать северокорейскую ядерную проблему в силу того, что сам имеет традиционные интересы на Севере Корейского полуострова и добровольно не позволит КНДР выйти из-под своей опеки.

1. Асмолов К. Ученые России и РК об актуальных проблемах Северной Кореи и международных отношениях // Проблемы Дальнего Востока. М., 2006. № 5. С. 169.
2. Пульс планеты. Азиатско-тихоокеанский регион (ИТАР/ТАСС). М., 2005. 24 авг. Л. “АК-7”.
3. Там же. 2005. 22 июня. Л. “АК-11”.
4. Там же. 2005. 2 августа. Л. “АК-9”.
5. Там же.
6. Асмолов К. Указ. соч. С. 168.
7. Пульс планеты. Азиатско-тихоокеанский регион (ИТАР/ТАСС). М., 2006. 20 окт. Л. “АК-12”.
8. Агарков В. К шестисторонним переговорам по ядерной проблеме // Дипкурьер. 2006. № 7. С. 40.
9. Там же.

Япония: проблема исторической ответственности

© 2007

В. Гринюк

Период правления в Японии правительств, возглавляемых премьер-министром Дз. Коидзуми (апрель 2001 г. — сентябрь 2006 г.), был временем похолодания в отношениях Японии с Россией, Китаем и государствами Корейского полуострова. Весной 2002 г. в Японии развернулись гонения против известного политика, депутата палаты представителей парламента М. Судзуки и нескольких ответственных работников японского МИДа, обвиненных в "двойственной дипломатии" и в "отсутствии твердости" в отношении России при формировании и проведении политики в связи с проблемой так называемых "северных территорий"¹. Следствие и судебные процессы по "делу М. Судзуки" вызвали в Японии рост антироссийских настроений. К осени 2002 г. достигло своего пика возмущение японской общественности властями КНДР из-за похищений японцев северокорейскими спецслужбами. Позднее возникли конфликты с Китаем и Южной Кореей по поводу оценок исторического прошлого в связи с посещением японскими руководителями храма Ясукуни и содержанием японских школьных учебников истории, а также вокруг проблемы островов Токто, которые находятся под контролем Республики Корея и на которые претендует Токио. В частности, после массовых антияпонских выступлений в Пекине 9 апреля 2005 г., когда демонстранты бросали камни в здание японского посольства и нападали на офисы японских компаний, резко ухудшилось отношение японцев к Китаю. В некоторых японских изданиях публиковались материалы, в которых говорилось о формировании в сознании японцев ощущения "враждебного окружения" их страны. По мнению бывшего главного аналитика МИД Японии М. Сато, принадлежавшего к так называемому течению "русской школы" и подвергнутого судебному преследованию в связи с "делом М. Судзуки", Япония втягивалась в "спираль шовинистического национализма". Для этого явления "характерна асимметричная структура сознания: остро воспринимается боль, которая была причинена твоей стране, твоей нации, но нет выраженных ощущений боли и страданий, которые принесли другим странам, другим нациям, и эти ощущения быстро угасают"².

Почему именно в указанное время в Японии наблюдалось усиление националистических настроений? Возможно, это связано со сложной морально-психологической обстановкой в японском обществе в этот период. Затянувшийся экономический спад, потеря Японией конкурентных преимуществ в экономическом соревновании с США и странами Восточной Азии на фоне экономического, политического и военного возвышения Китая. Вынужденное следование линии глобализации в ходе проводимых в стране реформ государственного управления

Гринюк Владимир Александрович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник ИДВ РАН.

и экономики, что во многом означало приведение японских реалий в соответствие с американскими образцами и утрату японской самобытности — все это вызвало распространение среди японцев негативных, пессимистических настроений. В этой ситуации оказались востребованными популистские шаги японского правительства, направленные на обострение национального самосознания, своеобразный ренессанс японизма в обществе.

Что касается “забывчивости” Токио о тех бедах и страданиях, которые пережили народы многих стран в результате агрессии колониальной политики японского милитаризма, то она давала о себе знать на протяжении всего послевоенного периода. Так, японские исследователи, авторы вышедшей в 1983 г. “Послевоенной истории японской дипломатии”, отмечали, что в процессе восстановления межгосударственных отношений между Японией и Республикой Корея в 1952—1965 гг. Токио не проявлял и тени раскаяния по поводу своего колониального господства на Корейском полуострове. Известно, что корейский народ подвергался национальному унижению, нещадно подавлялись культура и язык корейцев, политическому и экономическому гнету (у корейских крестьян захватывались и передавались японским переселенцам наиболее плодородные земли, хищнически эксплуатировались рыбные ресурсы и пр.). Во время войны на Тихом океане корейскую молодежь мобилизовали в японскую армию, более миллиона корейцев были переселены в Японию, на Южный Сахалин и в страны Юго-Восточной Азии, где они использовались на принудительных работах. Несколько десятков тысяч корейских женщин в качестве сексуальных рабынь обслуживали японских военных. Власти Японии жестоко подавляли выступления корейцев за национальную независимость. Но в ходе японо-южнокорейских переговоров с целью нормализации двусторонних отношений японская сторона пыталась оправдать действия императорских властей в аннексированной соседней стране и утверждала, что колонизаторы несли только благо местному населению и служили его прогрессу.³ В январе 1965 г. дипломат С. Такасуги, назначенный руководителем японской делегации на завершающем этапе переговоров, во время пресс-конференции в пресс-клубе Министерства иностранных дел говорил: “Посмотрите, какая ситуация сложилась в Южной Корее. Там в горах не сохранилось ни одного дерева. Причина в том, что Корея отделилась от Японии. Если бы Корея еще 20 лет была вместе с Японией, вероятно, положение было бы другим... Высказывания в том смысле, что Япония должна извиняться — своеобразные утверждения. Япония строила в Корее предприятия и дома, проводила лесопосадки. Изменение имен корейцев на японский лад тоже было хорошей мерой. Оно было направлено на уравнивание корейцев с японцами и не означало эксплуатации или подавления”⁴.

Министерство иностранных дел Японии попыталось объявить эти высказывания “не подлежащими публикации (“off record”), однако после того, как о них сообщил орган КПЯ “Акахата”, южнокорейские газеты поместили выступление Такасуги на первые полосы. Учитывая заинтересованность США в быстрейшем налаживании японо-южнокорейских связей в полном объеме, южнокорейская администрация президента Пак Чжон Хи постаралась замять инцидент, комментируя его как “трюк коммунистических сил”, направленный на срыв двусторонних переговоров.

В то время как слова С. Такасуги вызвали возмущение в Корее, японские средства массовой информации не уделили им внимания, поскольку большинство жителей “страны восходящего солнца” не видели в них ничего особенного. Как подчеркивали японские историки, большинство их соотечественников привыкли смотреть на соседей свысока, не считали их самостоятельными и равноправными

ми партнерами. Кроме того, писали ученые, “многие японцы рассматривали разгром своего государства во второй мировой войне как поражение в сражениях с Америкой, но не как крах агрессивной политики в отношении народов Восточной Азии”⁵ (выделено мной. — В.Г.)

В 1995 г. профессор Мэрилэндского университета Д. Квестер отмечал, что японцы по-прежнему с неохотой признают жестокость, которую их страна проявляла в ходе Второй мировой войны, а корейцы, живущие в Японии, сталкиваются с более сильными предрассудками со стороны коренного населения, чем американцы⁶. Сравнивая ситуацию в Германии и в Японии спустя 50 лет после окончания Второй мировой войны, политолог подчеркивал: “Японская система образования сделала гораздо меньше, чем германская, чтобы воспитать у японцев чувство вины в связи с той войной. Согласно результатам недавних опросов общественного мнения в Германии, большинство немцев рады поражению их страны во Второй мировой войне, но если бы опросы на ту же тему были проведены в Японии, то было бы напрасно рассчитывать на аналогичные результаты”⁷.

Нельзя утверждать, что правящая элита Японии ничего не делала для укрепления пацифистского имиджа своей страны и преодоления недоверия со стороны народов Восточной Азии. Конституция страны, содержащая положение об отказе от войны, пользуется заслуженным уважением в мире. Признание ответственности за серьезный ущерб, который Япония нанесла в прошлом китайскому народу, присутствовало в совместном японо-китайском заявлении по поводу восстановления отношений между двумя государствами в 1972 г. Заметный резонанс вызвало заявление премьер-министра Т. Мураяма 15 августа 1995 г. по поводу 50-летия окончания войны, в котором содержалось извинение за то, что Япония “своим колониальным господством и агрессией причинила огромный ущерб и страдания народам других, в особенности азиатских, стран”⁸.

Однако в позиции японского руководства присутствует двойственность. В период пребывания Дз. Коидзуми на посту премьер-министра Японии недоброй традицией стало ежегодное, 15 августа, в годовщину объявления императором Хирохито окончания военных действий японских вооруженных сил в ходе Второй мировой войны, официальное посещение руководителем правительства храма Ясукуни. Построенный в Токио в 1869 г. в качестве “особого императорского святилища”, этот храм был центром государственного синтоизма, служившего идеологической основой захватнической политики империалистической Японии. После войны храм был лишен государственного статуса и сейчас является автономным религиозным учреждением. Ясукуни — место “поклонения тем, кто принес высшую жертву во имя Родины”. В 1978 г. к перечню из примерно 2,5 млн лиц, которым посвящен храм, были добавлены имена четырнадцати казненных или умерших японских военных преступников. Экспозиция музея при храме Ясукуни прославляет прошлые деяния японской военщины по созданию “сферы совместного процветания великой Восточной Азии”. Поэтому в Китае, Республике Корея, КНДР и в других государствах Азиатско-Тихоокеанского региона визиты японских руководителей в этот храм расценивают как прямое оскорбление национальных чувств народов, пострадавших от японской агрессии и колонизации.

Конфликты между Японией и соседними азиатскими странами, связанные с Ясукуни и с содержанием школьных учебников, искажающих правду о захватнической политике японского милитаризма, показывают, что в японском обществе не произошло глубокого пересмотра подхода к милитаристскому и колонизаторскому прошлому страны. Действительно, сегодня только часть японского населения открыто трактует войну на Тихом океане как “оборонительную” и “освободительную” со стороны Японии. Но правда и то, что сентенции в оправда-

ние агрессии и колонизаторской политики Японии попадают на страницы японских школьных учебников. "Аннексия Кореи являлась юридически законным актом в соответствии с международной обстановкой того времени. "Великая восточноазиатская война" была призвана освободить азиатские народы от колониального правления западных стран", — говорится в учебнике по истории для средних школ, выпущенном в Японии в 2001 г.⁹ При этом демонстративные, вызывающие резкое неприятие в Пекине и Сеуле визиты премьер-министра Дз. Коидзуми в Ясукуни до недавнего времени пользовались широкой поддержкой в стране¹⁰.

Видный японский политик, в прошлом занимавший высокие посты в правительстве и в ЛДП, депутат палаты представителей парламента К. Като в статье, опубликованной в сентябре 2006 г. в журнале "Тюо корон", констатировал, что "Япония, подписав Сан-Францисский мирный договор, как государство на международно-правовом уровне признала ответственность за войну; тем не менее народ Японии на эмоциональном уровне не смог воспринять эту ответственность"¹¹. К. Като называет две причины такого положения. Во-первых, наличие деликатной проблемы, связанной с императором Японии: хотя война на Тихом океане велась именем императора, он не был предан суду Международного военного трибунала на Дальнем Востоке. Во-вторых, из-за трагедии атомных бомбардировок Хиросимы и Нагасаки у японцев сформировалось стойкое сознание пострадавшей стороны¹².

Видимо, причину отсутствия у многих японцев чувства исторической ответственности за колонизаторское и милитаристское прошлое Японии следует искать в тех процессах, которые происходили в Японии в период оккупации страны американскими войсками после Второй мировой войны. Тогда окончательно и бескомпромиссно порвала с милитаристским прошлым лишь левая часть японского общества — коммунистическая и социалистическая партии, профсоюзы, студенческие и другие демократические организации. Думается, что основательной и глубокой перестройке, "демилитаризации" общественного сознания большей части японцев помешала "холодная война".

С момента капитуляции Японии 3 сентября 1945 г. до вступления в силу Сан-Францисского мирного договора в мае 1952 г. страной управляла американская оккупационная администрация. В отличие от оккупации Германии, где нацистское правительство было распущено, и управление страной осуществлялось непосредственно союзными державами, создавшими Союзную военную администрацию для Германии, в Японии действовала косвенная система управления. Хотя оккупационные власти полностью контролировали все стороны жизни страны: внутреннюю и внешнюю политику, экономику, финансы, культуру, образование и пр., курс США, который должен был согласовываться с союзниками в рамках Дальневосточной комиссии и Союзного совета для Японии, проводился через японские правительственные кабинеты и государственный аппарат. На первом этапе оккупации, который продолжался до 1947 г., в Японии была проведена основательная чистка в отношении милитаристских элементов: были арестованы и преданы Международному военному трибуналу 28 главных военных преступников (политиков, военачальников, дипломатов), семеро из них были приговорены к смертной казни и повешены. Помимо Токийского процесса главных военных преступников в Сингапуре, Маниле, Гонконге, на острове Гуам, в Иокогаме военные трибуналы рассматривали дела подозреваемых класса В и С. По этим делам к смертной казни приговорили 937 чел., к пожизненному заключению — 358, к другим наказаниям более 3 тыс. чел. Широкие масштабы приняло административное преследование "нежелательных лиц". По указанию штаба главнокомандующего оккупационными войсками генерала Макартура японское

правительство уволило сотрудников репрессивных органов и устранило из сферы образования около 7 тыс. профессиональных военных и милитаристски настроенных педагогов. В категорию “нежелательных лиц” были также включены руководители Ассоциации помощи трону, Политической ассоциации Великой Японии, влиятельных промышленных компаний военного времени, экономических организаций, средств массовой информации, некоторые деятели культуры и пр. По официальной статистике всему спектру репрессивных мер (включая отстранение с занимаемых постов и запрет на занятие общественных должностей) подверглось свыше 200 тыс. чел.¹³.

Меморандумом штаба Макартура японскому правительству от 22 октября 1945 г. предписывался запрет на культивирование милитаристской и ультраправой идеологии, преподавание военных дисциплин и военного обучения в школах. В декабре 1946 г. последовало распоряжение оккупационных властей об отмене преподавания в школах, вплоть до составления новых учебников, таких предметов, как этика, история Японии и география, посредством которых насаждалась ультранационалистическая идеология среди учащихся¹⁴.

Однако линия оккупационной администрации США на демилитаризацию японского общества продолжалась недолго. Началась “холодная война”, причем в Азии противостояние между США и СССР протекало наиболее остро. Победы коммунистов в Китае и образование Китайской Народной Республики в 1949 г. резко изменили расстановку сил в пользу социалистического лагеря. В такой ситуации США кардинально пересмотрели свое отношение к Японии. Если к моменту окончания войны это было вражеское для Соединенных Штатов государство, заслуживавшее наказания, то к 1948 г. Япония приобрела значение важного союзника США в деле “сдерживания” коммунизма. Поэтому в 1945--1947 гг. США форсировали прогрессивные преобразования Японии: были провозглашены политические свободы, проведена широкая аграрная реформа, принята демократическая, пацифистская конституция, и пр., но в 1948—1952 гг. Америка проводила в Японии “обратный курс” свертывания демократических преобразований. Добиваясь консолидации японского общества на антикоммунистической основе, США и их оккупационная администрация в Японии уже не стремились воспитывать у японцев чувство ответственности за прошлое. Главнокомандующий сухопутными войсками США генерал Ройял в выступлении 6 января 1948 г. в Сан-Франциско отмечал: “Возникли частичные противоречия между первоначальным курсом на широкую демилитаризацию Японии и новым курсом, нацеленным на строительство самостоятельного государства. Новое направление оккупационной политики в отношении Японии предусматривает выращивание сильного японского правительства. Речь идет о том, чтобы построить достаточно мощную и стабильную демократическую систему, которая дала бы Японии возможность не только обеспечить собственную независимость, но и сыграть роль заслона в отношении опасности тоталитаризма, которая, возможно, в будущем возникнет на Дальнем Востоке”¹⁵.

В ходе осуществления “обратного курса” американская оккупационная администрация ограничивала деятельность левых политических партий и профсоюзов и проводила “чистку красных”. Наряду с этим с весны 1949 г. прекратилась практика отстранения от должностей и запретов на политическую и общественную деятельность для лиц, активно участвовавших в годы войны в проведении милитаристской политики. Началась их реабилитация в созданной штабом Макартура апелляционной комиссии (в начале 1951 г. ее функции были переданы японским властям)¹⁶.

Американская миссия по вопросам просвещения, посетившая Японию в августе 1950 г., прямо указала японскому правительству на желательность перестройки системы воспитания с тем, чтобы японские учебные заведения готовили людей, полностью подготовленных для борьбы с коммунизмом на Дальнем Востоке¹⁷. Правительство начало пересматривать учебные планы по общественным наукам, были внесены изменения в курс японской истории. В августе 1950 г. был издан новый учебник по социологии, содержание которого было выдержано в духе старого курса морали и этики. Показателем возрождения старого милитаристского духа явилось также возобновление выпуска и использование в школах во время занятий по физкультуре грампластинок с записью недавно еще запрещенных военных маршей¹⁸.

Незавершенность, "скомканность" процесса пересмотра японцами отношения к колониальному господству и войне, видимо, объясняет и то упорство, с которым Япония сегодня продолжает выдвигать территориальные притязания к нашей стране. Уверенности Токио придало и изменение позиции по вопросу территориального урегулирования, предпринятое Соединенными Штатами в ходе "холодной войны". Возвращение Южного Сахалина и передача Курильских островов Советскому Союзу предусматривались Ялтинским соглашением союзников от февраля 1945 г. Однако в связи с подписанием в 1956 г. Совместной советско-японской декларации Вашингтон использовал все свое влияние, чтобы не допустить заключения мирного договора между СССР и Японией с фиксацией территориального урегулирования по ялтинской схеме.

Протесты за рубежом по поводу отношения Японии к историческому прошлому в некоторых публикациях японской прессы объясняли национализмом, сознательно раздуваемым властями Китая и государств Корейского полуострова. Однако и в Соединенных Штатах зреет озабоченность внешнеполитической линией японского союзника. Во время переговоров с премьер-министром Дз. Коидзуми в Киото в ноябре 2005 г. президент Дж. Буш выразил беспокойство по поводу ухудшения японо-китайских отношений, хотя и воздержался от прямой просьбы отказаться от официальных визитов в храм Ясукуни¹⁹. Однако, как отмечал в интервью японскому журналу "Рондза" бывший заместитель обороны США по странам Азии и Тихого океана К. Кэмбелл, молчание правительства США не означает его поддержку линии Японии в этом вопросе. Многие американцы встревожены тем ущербом, который наносят имиджу Токио визиты официальных лиц в святилище, ранее служившее центром государственного синтоизма. Американские специалисты едины в своем отрицательном отношении к самому факту посещений — их разделяет только ответ на вопрос: как должны поступать США в этой ситуации? Часть американских экспертов полагает, что японское руководство должно по своей инициативе урегулировать конфликт с азиатскими партнерами; другие считают, что Вашингтону следовало бы открыто посоветовать союзнику отказаться от одиозных действий²⁰. В мае 2006 года, во время подготовки официального визита в США премьер-министра Дз. Коидзуми, глава комитета по международным вопросам палаты представителей конгресса Г. Хайд направил председателю палаты Д. Хастеду записку шокирующего содержания. В ней говорилось, что поскольку японский лидер намеревается выступить в зале заседаний конгресса, ему бы следовало провозгласить отказ от посещений храма Ясукуни. После атаки Японии на Пирл Харбор 7 декабря 1941 г. президент Франклин Рузвельт произнес в этом зале знаменитую речь "День позора". Если после выступления в этом же помещении японский премьер вновь появится в месте поклонения главным военным преступникам, это, подчеркивал Г. Хайд, вызовет в конгрессе чувство стыда и нанесет глубо-

кие психологические раны ветеранам Второй мировой войны. В конечном счете, в ходе визита Дз. Коидзуми в США в июне 2006 г. его выступление в конгрессе не состоялось²¹.

Поскольку проблема отношения японцев к своему прошлому вызывает внешнеполитические осложнения для Токио, голоса в пользу глубокого переосмысления истории звучат и в самой Японии. Серьезный шаг в этом направлении предприняла газета "Ёмиури". В августе 2006 г. газета опубликовала большую серию материалов под общим заголовком "Ответственность за войну", подготовленную специально созданной комиссией по изучению данной проблемы. В декабре 2006 г. эти материалы были выпущены в виде книги под заголовком "От инцидента у моста Марко-Поло до Пирл-Харбора. Кто несет ответственность?". В публикациях "Ёмиури" досконально рассматриваются действия конкретных японских политиков, дипломатов и военачальников, приведшие к эскалации агрессии Японии в Китае в 1930-х гг. и к развязыванию войны на Тихом океане в 1941 г. Трагическим итогом захватнической политики японских милитаристов стали более 3,1 млн погибших японцев, 35 млн убитых и раненых в Китае, более 22 000 погибших советских граждан, до 100 000 погибших американцев, десятки тысяч убитых и раненых англичан и голландцев²². Критическому анализу подвергнуты авантюристические шаги высшего военного командования и офицеров среднего звена императорской армии и флота, толкавших страну на гибельный путь. Вместе с тем поставлен вопрос и о вине тех руководителей страны, которые упустили шанс остановить войну и уменьшить жертвы народов Японии и противостоявших государств, когда невозможность военной победы императорских вооруженных сил стала очевидной. Журналисты "Ёмиури" возлагают ответственность и на депутатов японского парламента, безответственно "штамповавших" бюджеты военного времени, а также на работников средств массовой информации, раздувавших милитаристские настроения в массах.

Авторы аналитических материалов "Ёмиури" отмечают, что первой ошибкой Японии был "Маньчжурский инцидент" 18 сентября 1931 г. Тогда японская армия, обвинив китайскую сторону во взрыве железной дороги в районе г. Мукдена, оккупировала маньчжурские провинции Мукден и Гирич. Это стало толчком для расширения агрессии в Китае и привело к выходу Японии из Лиги наций в 1932 г. "Руководители японской армии и правительства страны в то время не смогли осознать подъем национализма в Китае, создавший основу для его объединения после Китайской революции 1911 г., — пишут японские журналисты. — Япония оправдывала свое вторжение в Китай утверждениями, что эта страна представляет собой "общество мародерствующих бандитов". В Японии в то время преобладало мнение, что у китайцев отсутствует способность создать современное государство"²³.

Серия аналитических материалов газеты "Ёмиури" содержит много интересных деталей и точных оценок. Однако вызывают вопрос установленные авторами хронологические рамки изучаемой проблемы. "Маньчжурский инцидент" сентября 1931 г. не был началом экспансии Японии в отношении Китая — скорее, это была веха на пути агрессии, которым японский империализм шел с конца XIX века. В этом отношении выглядит более корректным следующее суждение японского политика К. Като, изложенное в упомянутой выше статье: "В действительности Япония является для Китая стороной, виновной в нанесении этому государству вреда. В 1915 г., в ходе первой мировой войны, Т. Като, министр иностранных дел во втором правительственном кабинете С. Окума, предъявил Китаю пакет из "21 требования" с целью расширения выгод Японии. По этой причине восприятие китайцами Японии стало еще более негативным. После

этого Япония продолжала агрессию против Китая, и в 1931 г. дело дошло до “Маньчжурского инцидента”. Можно сказать, что в течение четверти века со времени русско-японской войны до “Маньчжурского инцидента” Япония неоднократно совершала роковые ошибки в своей политике”²⁴.

Наряду с обсуждением проблемы исторической ответственности Японии в прессе поднимается и вопрос о храме Ясукуни, поскольку его посещение японскими политиками вызывает резкие протесты за рубежом. Дополнительным импульсом к дискуссии на эту тему стало опубликование в июле 2006 г. информации о том, что покойный император Хирохито высказывал недовольство включением в перечень лиц, которым посвящен храм, имен главных японских военных преступников и по этой причине воздержался от посещений святилища. Высказываются различные соображения о том, как следует проводить общенациональные церемонии поминовения погибших в войнах. В настоящее время такие церемонии ежегодно проводятся в годовщину объявления императором Хирохито прекращения военных действий 15 августа 1945 г. Поминовения проходят в токийском зале “Нихон будокан” с участием императора, премьер-министра, руководителей двух палат парламента и председателя Верховного суда. Что касается содержания церемонии, то оно не нуждается в изменениях или дополнениях. Но поскольку основное назначение зала “Нихон будокан” — место проведения спортивных состязаний и концертов, и только раз в год помещение используется для траурной церемонии, некоторые эксперты предлагают построить для поминовения новое специальное здание на территории токийского кладбища Тидоригафути²⁵.

Широкий отклик в Японии и за рубежом вызвала опубликованная в июне 2006 г. в журнале “Фар истэрн экономик ревью” статья ветерана японской дипломатии, представителя течения “русской школы”, в прошлом заведующего Европейским департаментом МИД и посла Японии в Нидерландах К. Того (в августе 2006 г. эта статья была перепечатана японским журналом “Рондза”). К. Того призвал руководителей страны ввести мораторий на официальные посещения храма Ясукуни. Особый вес позиции автора придает то, что он является внуком Сигэнори Того — министра иностранных дел в правительствах Х. Тодзио и К. Судзуки; при первом Япония начала войну на Тихом океане, при втором — подписала капитуляцию. Сигэнори Того в качестве военного преступника класса А был приговорен Токийским трибуналом к 20-летнему заключению и в 1950 г. умер в тюрьме.

К. Того полагает, что введение моратория на посещение официальными лицами храма Ясукуни необходимо прежде всего для возобновления нормально-го диалога с Китаем. Япония должна сделать этот первый шаг, потому что именно она — виновная сторона, в прошлом нанеся огромнейший вред народам других государств. Проявив смиренность и терпение в отношении фактов истории, Япония укрепила бы свою моральную позицию. С другой стороны, считает бывший дипломат, независимо от отношений с другими государствами японцам необходимо честно рассмотреть факты своей истории и выработать общую точку зрения на прошлое. Каждый японец должен на индивидуальном уровне осознать ответственность всей страны за войну.

Используя мораторий как “паузу для передышки”, Япония, по мнению К. Того, могла бы выполнить несколько важных задач. Во-первых, изменить характер храма Ясукуни таким образом, который встретил бы наибольшее понимание и в Японии, и за рубежом (превратить храм в место поминовения всех погибших в войнах, устранив идеологическую окраску этого святилища). Во-вторых, развернуть в масштабе всей страны дискуссию об ответственности за войну

и выработать национальный консенсус по этому вопросу; по результатам дискуссии вынести заключение о том, как быть с идеологической окраской храма Ясукуни в части, касающейся его посвящению в том числе и военным преступникам. В-третьих, вновь исследовать период до Второй мировой войны в истории Японии и, установив, что было правильным и что — ошибочным, воссоздать на этой основе утраченную идентичность Японии. В качестве символа общей точки зрения японцев на свое прошлое учредить комплексный исторический музей. В-четвертых, добиться гармоничного выполнения двух государственных задач Японии после Второй мировой войны: воссоздать идентичность собственно Японии и обеспечить ее возвращение в Азию²⁶. Думается, что реализация такого мурого подхода содействовала бы примирению народов азиатских стран с Японией и повышению ее международного авторитета. Кроме всего прочего, это способствовало бы и широкому признанию важной положительной роли Японии в экономическом развитии Китая, Кореи и других стран Восточной Азии в послевоенный период, что тоже является объективным фактом истории.

На фоне дискуссии об исторической ответственности Японии, развернувшейся в прессе, руководство страны предприняло корректировку линии в отношении Китая и Южной Кореи. С. Абэ, в сентябре 2006 г. сменивший Дз. Коидзуми на посту премьер-министра Японии, предпринял усилия для восстановления диалога с лидерами КНР и Республики Корея. Новый руководитель японского правительства, будучи известен как политик правого толка в апреле 2006 г. так же совершил паломничество в храм Ясукуни (в то время С. Абэ занимал пост генерального секретаря кабинета министров). Тем не менее, выступая 5 октября 2006 г. в бюджетном комитете палаты представителей парламента, он высказался в поддержку прежних заявлений руководства страны, в которых содержались извинения за колониальное господство и агрессию Японии в отношении других стран.

Подчеркивая, что китайское и корейское направления являются приоритетом его внешнеполитической деятельности, премьер-министр С. Абэ свои первые зарубежные визиты совершил в Пекин и Сеул. 8 октября 2006 г. руководитель Японии прибыл в КНР и провел переговоры с Председателем КНР Ху Цзиньтао и Премьером Госсовета Вэнь Цзибао. Лидеры двух государств договорились строить “стратегические, взаимовыгодные отношения” с целью усиления сотрудничества и достижения широкого круга общих интересов. Относительно проблемы визитов в храм Ясукуни Абэ занял уклончивую позицию. Он объяснил, что посещал этот храм, чтобы “молиться за вечный мир”, а не для “прославления милитаризма”. Вместе с тем, поскольку, по словам премьера, “проблема Ясукуни приобрела политический и дипломатический характер”, он решил воздержаться от “комментариев по поводу того, будет ли посещать Ясукуни или нет”²⁷. В интересах развития отношений между КНР и Японией китайская сторона, похоже, если не приняла, то “стерпела” такой подход²⁸.

9 октября 2006 г. состоялись визит С. Абэ в Сеул и его встреча с президентом Республики Корея Но Му Хёном — первый саммит лидеров двух государств после 11-месячного перерыва. Хотя основной темой переговоров были ядерные испытания, проведенные КНДР как раз в день встречи (оба лидера были едины в их осуждении), руководители двух государств выразили согласие содействовать развитию японо-южнокорейских отношений, “направленных в будущее”. Вместе с тем, коснувшись темы храма Ясукуни, президент Республики Корея отметил необходимость для Японии дать честную оценку прошлому. Была достигнута договоренность провести второй раунд совместных исторических исследований с участием японских и корейских специалистов²⁹.

Таким образом, возобновлены политические контакты на высшем уровне Японии с Китаем и Южной Кореей. Руководство КНР и Республики Корея пошло на это, желая вывести из тупика отношения своих стран с Японией. Однако до восстановления доверия между Японией и ее соседями еще далеко. Так, комментируя повышение с 9 января 2007 г. статуса Управления национальной обороны Японии (УНО) до уровня министерства, официальный представитель МИД КНР Лю Цзянь Чао 18 января отметил, что новые шаги Японии в военной сфере “вызвали озабоченность соседних стран”, в том числе Китая. Дипломат пояснил, что “по историческим причинам Китай и другие страны — соседи Японии неизменно с большим вниманием следят за действиями этой страны в военной сфере”³⁰.

Новый повод для дискуссии об исторической ответственности Японии возник в связи с темой так называемых “женщин для утешения”. В январе 2007 г. в конгрессе США был выдвинут проект резолюции с требованием к правительству Японии принести официальные извинения тем женщинам из Кореи, Китая, Индонезии, Филиппин и других стран, которых императорские вооруженные силы во время Второй мировой войны вынуждали предоставлять сексуальные услуги японским военным. Таких сексуальных рабынь (“ианфу” — “женщин для утешения”) по некоторым данным насчитывалось несколько сот тысяч. В 1993 г. генеральный секретарь кабинета министров Японии Е. Коно выступил с официальным заявлением, в котором, в частности, говорилось: “В то время японская армия была прямо или косвенно вовлечена в учреждение и управление “пунктов обслуживания” и в организацию доставки женщин... Проведенное правительством изучение показало, что во многих случаях они были задержаны против их воли, путем обмана, насилия и пр., и что иногда административный или военный персонал принимал непосредственное участие в наборе “женщин для утешения””³¹. В 1995 г., в период пребывания у власти в Японии коалиционного правительства под руководством лидера Социал-демократической партии Японии Т. Мураяма, в стране был учрежден Фонд женщин Азии, который за счет японских частных предприятий выплачивал пособия бывшим “женщинам для утешения”³². Однако, ввиду того, что группа депутатов парламента от Либерально-демократической партии Японии настаивает на пересмотре заявления Е. Коно, поскольку якобы “неясные выражения” этого документа “ведут к недопониманию”, в упомянутом выше проекте резолюции конгресса США подчеркивалось, что в Японии наблюдается “сильное желание выхолостить или аннулировать заявление 1993 г.”³³ Премьер-министр Японии С. Абэ, отвечая 1 марта 2007 г. в парламенте на вопрос о группе депутатов от ЛДП, настаивавших на пересмотре заявления Е. Коно, высказался в том смысле, что не существует явных свидетельств насильственного принуждения женщин со стороны военных властей предоставлять сексуальные услуги. 5 марта С. Абэ, говоря в парламенте о шагах его кабинета министров в связи проектом резолюции конгресса США, утверждал, что этот документ содержит фактические ошибки, что правительство Японии не намерено приносить извинения “женщинам для утешения” даже в случае принятия резолюции конгрессом США. Разъясняя свою позицию, премьер-министр, с одной стороны, обозначил свою поддержку заявления Е. Коно, с другой — вновь утверждал, что “насилия в том смысле, что представители военных властей врываются в жилища женщин” и забирали их в дома терпимости, не было, что имело место посредничество гражданских лиц, склонявших женщин к проституции, то есть “принуждение в широком значении этого слова”³⁴.

В двусмысленном подходе японского премьера к конкретному аспекту милитаристского прошлого еще раз отразилось двойственное отношение япон-

цев к своей истории. Отсутствие в обществе единого мнения на этот счет проявилось и в разноречивых комментариях японской прессы. Так, газета “Ёмиури” защищала позицию, занятую премьер-министром С. Абэ, и утверждала, что заявление Е. Коно 1993 г. и проект резолюции, выдвинутый в конгрессе США в январе 2007 г., не основаны на фактах³⁵. В статье, опубликованной в номере этой газеты от 31 марта 2007 г., приводятся суждения И. Хата, профессора университета “Нихон”, о том, что система сервиса “женщин для утешения” представляла собой просто вариант “гражданской проституции в условиях поля боя”. Здесь же излагаются причины, по которым организовывались бордели для военнослужащих: чтобы предотвратить изнасилования женщин в оккупированных районах, не допустить распространения венерических заболеваний среди японских солдат и офицеров (“женщины для утешения” проходили регулярные осмотры военных медиков) и бороться против утечки военных секретов³⁶. Любопытна статья адъюнкт-профессора Международного центра исследований Японии С. Икэути, помещенная в “Ёмиури” 25 апреля. Признавая, что в свете моральных стандартов современного японского общества существование домов терпимости для японской императорской армии неприемлемо и постыдно, ученый вместе с тем утверждает: “заявления о том, что несколько сот тысяч женщин были насильственно принуждены заниматься проституцией, далеки от реальности”. По поводу проекта резолюции конгресса США автор пишет, что, за исключением горстки людей, американские политики и комментаторы, известные как хорошо сведущие в японских делах эксперты, и даже корреспонденты основных СМИ Соединенных Штатов в Японии, имеют лишь элементарные познания в японском языке. “Они, — сетует Икэути, — почти исключительно ссылаются на заявления двух историков левого толка и сразу выносят обвинительный приговор, не обращая внимания на широкий круг источников и материалов и игнорируя дискуссии, в которых принимают участие историки, представляющие разные части политического спектра”³⁷.

В то же время газета “Асахи” в редакционной статье от 9 марта подчеркивала: “Высказывания господина Абэ таят угрозу подорвать искренность, выраженную в заявлении Е. Коно. Они не только наносят ущерб позиции правительства, но и ведут к ослаблению доверия к Японии со стороны международного сообщества”³⁸. Это же издание опубликовало результаты исследований политолога Х. Хаяси, профессора университета “Канто гакуин”. Ученый привлек внимание к многочисленным документам китайского, индонезийского, голландского, датского и французского происхождения, свидетельствующим о прямом участии японских военных в насильственном обращении женщин в сексуальных рабынь. Эти документы были рассмотрены в ходе Токийского процесса главных военных преступников. “Поскольку Япония, подписав Сан-Францисский мирный договор, признала вердикт Токийского процесса, наша страна не может игнорировать важность этих документов”, — подчеркивает Х. Хаяси³⁹.

За рубежом высказывания японского премьер-министра по проблеме “женщин для утешения” вызвали однозначно негативную реакцию. Так, министерство иностранных дел Республики Корея 3 марта 2007 г. оценило заявление С. Абэ как “попытку приукрасить историческую правду”⁴⁰. Комментируя эту проблему в свете заявленного министром иностранных дел Японии Т. Асо в ноябре 2006 г. намерения проводить “дипломатию, ориентированную на ценности демократии, свободы и прав человека”, профессор Азиатско-Тихоокеанского центра стратегических исследований (США) Д. Фаус отметил: “Министр иностранных дел Японии утверждал, что в основе объявленного им курса лежат не только укрепление союза Вашингтона и Токио, но и усиление связей Японии с

соседними странами, такими, как Китай, Республика Корея и Россия. Поэтому руководство Японии должно продемонстрировать всей Азии искренность своей приверженности общемировым ценностям демократии, свободы, прав человека и верховенства закона, окончательно разорвав свои связи с прежними империалистическими ценностями¹¹. Однако, по-видимому, японское руководство к этому еще не готово. Для преодоления груза прошлого потребуется время, а также терпение, мудрость политиков и добрая воля народа Японии, а также государств — соседей и партнеров Страны восходящего солнца.

1. Подробно об этом см.: Гринюк В. Сато Масару. “Кокка но вана. Гаймусе но Расупутин то ебарэтэ” [Западня, устроенная государством. Меня называли Распутиным МИДа]. Токио: Синтеся, 2005. 400с. // Проблемы Дальнего Востока. 2005. № 5. С. 186—191.
2. Сато Масару. Миндзоку но вана [Западня национализма] // Сэкай. 2005. № 7. С. 89.
3. Автор не отрицает того, что Япония в процессе колониального господства над Кореей предпринимала определенные меры по индустриализации корейской экономики и ограниченной модернизации общества. На эту тему см.: Толстожулаков И.А. Исходные условия политической модернизации Южной Кореи: роль внешнего фактора // Корея — новые горизонты: Доклады, представленные на IX научной конференции корееведов России и стран СНГ. М., 29—30 марта 2005. С. 113.
4. Сэнго нихон гайкоси [Послевоенная история японской дипломатии]. Т. 2. Токио: Сансэйдо. 1983. С. 307.
5. Там же. С. 310.
6. *Quester G.H.* America, Korea and Japan. The Crusial triangle // *The Journal of Asian affairs.* The Research Institute For International Affairs. 1995. Vol. 1. No 2. P. 231.
7. *Op. cit.* P. 247.
8. *Цветова И.А.* Эволюция современной партийно-политической системы Японии. М.: ИДВ РАН, 2002. С. 64.
9. *Nishio Kanji.* The new history textbook. Tokyo: Fusosha, 2001. P.235. Цит.по: *Козельский Д.В.* Проблемы исторического прошлого в южнокорейско-японских отношениях и их урегулирование. Доклад на X научной конференции корееведов России и стран СНГ “Корейский полуостров и вызовы глобализации”. М.: ИДВ РАН, 2006. С. 240.
10. В июле 2006 г. по поручению правительства неназванные социологические службы провели негласный опрос общественного мнения об отношении граждан к посещению премьер-министром Дз. Коидзуми храма Ясукуни. Согласно результатам опроса, обобщенным в третьей декаде июля, больше половины респондентов выразили положительное отношение к визитам премьер-министра в храм. Однако в это время были опубликованы записи начальника Управления императорского двора А. Томита, из которых следовало, что покойный император Хирохито (отец нынешнего императора) был недоволен включением в перечень лиц, которым посвящен храм Ясукуни, имен главных военных преступников. Премьер-министр предположил, что эта новость может повлиять на настроения граждан, и поручил провести повторное исследование. На этот раз число японцев, порицавших премьер-министра за посещение святилища, превысило число сторонников таких посещений. Ввиду этого Дз. Коидзуми принял решение в оставшееся до визита в Ясукуни время активно разъяснять общественности “подлинный смысл” своих визитов в храм. (Ёмиури симбун. 2006. 16 авг.).
11. *Като Коити.* Тайбэй мондай ни нару маэни кайкэцусинакэрэбанаранай [Эту проблему необходимо разрешить, прежде чем она станет проблемой японо-американских отношений] // Тьюо корон. 2006. № 9. С. 208.
12. Там же.
13. История Японии, 1868—1998: Учебное пособие. Т. 2. М.: ИВ РАН, 1998. С. 497.
14. История Японии (1945—1975). М.: Наука. 1978. С. 17—18.

15. Цит. по: Кодза Нихонси [Курс лекций по истории Японии]. Т. 8. Токио: Токе дайгаку сьоппанся, — 1971. С. 159.
16. История Японии. 1868—1998. Учебное пособие. II. Москва. ИВ РАН. 1998. С. 533.
17. История Японии (1945—1975). М.: Наука. 1978. С. 112.
18. Там же. С. 114.
19. *Мотидзуки М.* Бэйкоку ва до митэйру ка? [Как на это смотрит Америка?] // Рондза. 2006. № 9. С. 66.
20. *Кэмбелл К.* Даматтэ иру кара бэйкоку сэйфу га сидзиситэ иру вакэ дэ ва най. [То, что правительство США сохраняет молчание, не означает его поддержки] // Рондза. 2006. № 9. С. 77.
21. *Мотидзуки М.* Указ. соч. С. 66.
22. Daily Yomiuri. 12006. 15 авг.
23. Там же.
24. *Коити К.* Тайбэй мондай ни нару маэни кайкэцусинакэрэбанаранай [Эту проблему необходимо разрешить, прежде чем она станет проблемой японо-американских отношений] // Тюо корон. 2006. № 9. С. 208.
25. *Есано Каору.* Тидоригафуту дэ дзэнкоку сэμποцуся цуйтосики о окнау [Национальные церемония поминовения погибших в войнах следует проводить в Тидоригафуту] // Тюо корон. 2006. № 9. С. 205.
26. *Того Кадзухико.* Сюсе но сампай ни мораториаму о [Ввести мораторий на посещения премьер-министром храма Ясукуни] // Рондза. 2006. № 8. С. 65.
27. *Przystup J.J.* Institute for National Strategic Studies. National Defence University. Japan-China relations: Ice Breaks at the Summit. — http://www.csis.org/media/csis/pubs/0604qjapan_china.pdf.
28. Там же.
29. *Kang D.* (Dartmouth College), *Ji-Young Lee* (Georgetown University). Abe's ascension. — www.csis.org/media/csis/pubs/0604qjapan_korea.pdf.
30. <http://russian.people.com.cn/31521/5306153.html>.
31. Abe's Comfort Women Remarks: What Was He Thinking? by Ralph A. Cossa and Brad Glosserman. Pacific Forum CSIS. Honolulu, Hawaii. 2007. March 13. Pac Net Number 12.
32. Асахи симбун. 2007. 7 марта.
33. Ёмиури симбун. 2007. 7 марта.
34. Асахи симбун. 2007. 5 марта.
35. Ёмиури симбун. 2007. 7 марта.
36. Ёмиури симбун. 2007. 31 марта.
37. Ёмиури симбун. 2007. 25 апр. Следует отметить, что ведущаяся в Японии дискуссия по поводу исторического прошлого весьма идеологизирована, и “ревизионисты”, склонные “поправлять” историю, часто применяют слова “левый” и “марксистский” в качестве негативных определений. В этой связи можно напомнить, что в Японии именно представители левых сил, марксисты, прежде всего члены компартии и левые социалисты, были наиболее бескомпромиссными и самоотверженными борцами против милитаризма.
38. Асахи симбун. 2007. 9 марта.
39. Асахи симбун. 2007. 16 апр.
40. Асахи симбун. 2007. 5 марта.
41. Japan's New “Values-Oriented Diplomacy”: A Double-Edged Sword by David Fouse. Pacific Forum CSIS. Honolulu, Hawaii. March 16, 2007. Pac Net Number 12A.

Вооруженные силы Японии: современное состояние и перспективы развития

© 2007

А. Шлындов

(Окончание. Начало в ПДВ №4, 2007 г.)

Создание американо-японской региональной системы противоракетной обороны (ПРО Театра военных действий)

В процессе модернизации Сил самообороны Японии обращает на себя внимание акцент на укрепление сил и средств ПВО, особенно привлекаемых в интересах противоракетной обороны.

Такой акцент стал естественной реакцией на идущие форсированными темпами северокорейские работы по созданию ядерного оружия и средств его доставки в виде МБР, а также быстрое наращивание возможностей китайских стратегических ядерных сил. В "Белой книге по обороне Японии" ("Defense of Japan"), изданной в июне 2006 г., указывается, что японское правительство еще в декабре 2003 г. приняло решение о разработке и развертывании совместной с США системы ПРО. Реализация этого решения позволит соответствующим образом парировать ракетную угрозу в отношении Японии и одновременно находиться под защитой американских сил ядерного сдерживания¹.

Для решения задач ПРО предполагается усилить боевые возможности эсминцев, оснащенных системой ПВО "Иджис", а также существенно улучшить тактико-технические характеристики зенитно-ракетной системы (ЗРС) PAC-3, доведя их до уровня, требуемого для эффективного поражения баллистических ракет и их боевых блоков, а в составе объединенной наземно-морской группировки войск (сил) ПВО/ПРО — для создания зон боевых действий (размеров прикрываемого района), обнаружения средств воздушно-космического нападения на разных участках траектории их полета.

В стандартной комплектации корабельная противовоздушная система "Иджис" включает вертикальную пусковую установку Mk41, которая может использоваться для запуска боеприпасов различного назначения от зенитных управляемых ракет (ЗУР), до противолодочных ракет и торпед, а также многофункциональную радиолокационную станцию кругового обзора AN/SPY-1 и аппаратуру управления огнем. Типовым боеприпасом системы "Иджис" является ЗУР "Стандарт".

Последние версии системы "Иджис" представляют собой интегрированную боевую информационно-управляющую систему, которая может применяться не только для решения задач ПВО, но и для нанесения ударов по кораблям, подводным лодкам и береговым целям. Корабли, оснащенные такой модернизированной системой, могут применяться в качестве боевых платформ системы противоракетной обороны (ПРО), способной осуществлять уничтожение баллистических ракет малой и средней дальности, используя ЗУР "Стандарт" SM-3.

Агентство по противоракетной обороне Министерства обороны США и компания "Локхид Мартин" заключили контракт на сумму 979,1 млн долл. в целях дальнейшей долговременной разработки и развития системы ПВО/ПРО "Иджис". Усовершенствования, которые планируется выполнить на следующей фазе модернизации системы, включают разработку аппаратных средств и программного обеспечения для процессора РЛС AN/SPY-1, что позволит существенно увеличить возможности по обнаружению и сопровождению баллистических ракет. Кроме того, в процессе модернизации предполагается оснастить "Иджис" дополнительной компьютерной подсистемой, состоящей из нескольких быстродействующих вычислительных устройств и предназначенной для увеличения ее боевых возможностей. Указанная подсистема будет включаться во все модернизируемые комплексы боевого управления надводных кораблей, главным образом эскадренных миноносцев УРО, оснащенных системой "Иджис" в стандартной комплектации.

Дальнейшее расширение боевых возможностей эсминцев Морских сил самообороны Японии, оснащенных системой "Иджис", наземных зенитно-ракетных систем (ЗРС) РАС-3 планируется начать с 2008 финансового года.

Одновременно предполагается модернизировать наземные системы ПВО баз (BADGE) путем придания им противоракетных возможностей. Предполагаемая система ПРО должна быть эшелонированной, способной с достаточной эффективностью перехватывать боевые блоки баллистических ракет на среднем (промежуточном) участке их траектории в верхних слоях атмосферы и в ее нижних слоях при подлете к объекту поражения. В первом случае предполагается использовать боевые возможности эсминцев, оснащенных модернизированной системой "Иджис", во втором — применять комплекс сил и средств противоракетной обороны объектов РАС-3².

Система ПРО, помимо средств поражения баллистических ракет (боевых блоков) на разных участках траектории, должна иметь аппаратуру, способную засекать пуски баллистических ракет, а также вести наблюдение, рассчитывать их траектории и давать данные целеуказания. Для решения этой задачи предусматривается использовать модернизированные версии имеющихся грунтовых РЛС, а также недавно разработанные новые корабельные РЛС типа F-PS-XX, действующие в сантиметровом диапазоне и способные с высокой эффективностью не только засекать воздушные и космические цели, но и идентифицировать их, отличая истинные боеголовки от ложных. Краткосрочный план создания ПРО предусматривал уже к концу 2006 г. поставить на боевое дежурство первую систему ПВО (ПРО) "Пэтриот" РАС-3 с задачей развертывания к концу 2011 г. полноценной системы ПРО, состоящей из 4-5 эсминцев с модифицированной в интересах ПРО, системой "Иджис", 16 пусковых установок ракет РАС-3, четырех новых корабельных РЛС FPS-3, объединенных единой системой управления. Средства, выделенные в 2006 финансовом году на создание системы ПРО в размере 139,9 млрд иен позволяют нарастить боевые возможности системы "Ид-

жис", закупить необходимое для проведения испытаний количество ракет SM-3, а также провести сами испытания и принять на вооружение новую РЛС предупреждения и контроля FPS-XX³.

В связи с продолжающимся распространением ракетных технологий японские специалисты считают, что необходимо учитывать возможность оснащения баллистических ракет средствами преодоления ПРО, такими как фальшивые боеголовки, применение аэрозольной защиты, отражающих поверхностей, маневрирующих боеголовок. Все это, по их мнению, требует постоянного совершенствования технологий ПРО, а также расширения зоны прикрываемой этой системой, повышения эффективности противоракет, в т.ч. путем увеличения их поражающих возможностей за счет усиления кинетической энергии.

В дальнейшем рекомендуется ориентироваться на состояние разработок и темпы развертывания системы национальной ПРО США.

Что касается совместных японо-американских исследований по программе создания системы ПРО, следует отметить, что в декабре 2005 г. правительство Японии приняло решение о совместной разработке элементов этой системы. На основе данных, полученных в ходе предыдущих исследований, уже сделаны первые шаги в указанном направлении. Начались совместные работы японских и американских специалистов в интересах расширения боевых возможностей РЛС и системы боевого управления ПРО. С 1999 г. они проводят совместные разработки по созданию противоракеты, оснащенной кинетической боеголовкой. Эта ракета морского базирования предназначена для поражения боевых блоков баллистических ракет на среднем участке траектории их полета. 9 марта 2006 г. японские и американские разработчики провели первое испытание прототипа такой ракеты. По программе совместного создания противоракеты с кинетической боеголовкой японская сторона является одним из головных разработчиков четырех компонентов ракеты-перехватчика SM-3, инфракрасной системы обнаружения и захвата цели, кинетической боеголовки и ее обтекателя, защищающего два первых элемента от аэродинамических и тепловых воздействий, твердотопливного двигателя второй ступени⁴.

Важным шагом на пути создания совместной системы ПРО стало определение на территории Японии точек развертывания РЛС системы предупреждения (слежения). В качестве оптимальной точки выбрана база Воздушных сил самообороны Сираки в префектуре Аомори. Первая РЛС вступила в строй весной 2006 г. Американские системы PAC-3, доработанные для выполнения функций ПРО, предполагается развернуть на существующих американских базах на территории Японии.

Одновременно ведутся работы по совершенствованию законодательной базы применения системы ПРО. В частности, в парламент были внесены поправки в Закон о силах самообороны, разрешающие следующие действия при одновременном усилении гражданского контроля за их осуществлением: когда Министр обороны устанавливает, основываясь на предварительных данных о траекториях полета баллистических ракет, что они направляются в сторону Японии, он с разрешения премьер-министра может отдать приказ об их уничтожении. Кроме того, могут иметь место случаи, когда в ходе быстро меняющейся обстановки у министра обороны не будет времени на получение санкции премьер-министра. Эта ситуация может возникнуть в случае непреднамеренного пуска баллистических ракет или задержки обнаружения приближающегося боевого блока. Глава военного ведомства имеет право заранее подготовить список мер, осу-

ществляемых при чрезвычайной ситуации, получить разрешение главы правительства на их реализацию и на этом основании заблаговременно отдать приказ соответствующим формированиям Сил самообороны на перехват и уничтожение боеголовок баллистических ракет, когда будет установлено, что они направляются в сторону Японии.

Согласно заранее установленной процедуре на случай чрезвычайных ситуаций, общее руководство совместной противоракетной операцией эсминцев УРО Морских сил самообороны, оснащенных системой ПВО-ПРО "Иджис", и наземной группировки сил и средств ПРО (зенитно-ракетные системы "Пэтриот" РАС-3, РЛС системы предупреждения и контроля), находящихся в составе Воздушных сил самообороны, возлагается на командующего (начальника штаба) последних. При этом на командующего Сухопутными силами самообороны возложена главная ответственность за ликвидацию последствий удара прорвавшихся баллистических ракет⁵.

Для эффективной организации и проведения совместной операции по перехвату баллистических ракет требуется четкое взаимодействие с командованием сил США в Японии, а также между правительствами двух стран. Решения о соответствующих мерах по улучшению такого взаимодействия были согласованы в ходе работы японо-американского консультативного комитета (2+2) в октябре 2005 г.

По заявлению премьер-министра Японии С.Абэ, ожидается, что в ближайшем будущем будет решен вопрос о том, чтобы Силы самообороны Японии имели возможность перехватывать ракеты противника, нацеленные не только на японскую территорию, но и на США⁶.

Проблема ядерного вооружения Японии

Широковещательные заявления некоторых японских представителей после проведенного Северной Кореей ядерного испытания о том, что национальная конституция не противоречит ядерному вооружению страны и обеспечивает возможность отказа Токио от "трех безъядерных принципов", звучащие на фоне подготовки официальных документов, содержание которых затрагивает перспективу создания в Японии ядерного оружия, следует скорее всего расценивать как политический блеф, а не реальные намерения⁷.

Японские правящие круги не могут не учитывать сохраняющуюся в японском народе стойкую "ядерную аллергию". Кроме того, лицам, ответственным за принятие решений в области обеспечения национальной безопасности Японии, нельзя отказать в политическом благоразумии и дальновидности. Они не могут не отдавать себе отчета в том, что в случае ядерного вооружения Японии уровень ее безопасности будет существенно снижен. Это связано с тем, что все старые ядерные державы взяли на себя твердые международные обязательства, гарантирующие отказ от применения ядерного оружия против безъядерных государств. И, наконец, самое существенное обстоятельство: угроза ответ-

□ Группа правительственных экспертов Японии изучила вопрос о возможности разработки и производства в стране ядерных боеприпасов. В подготовленном ими документе под названием «О возможностях производства в стране ядерного оружия» говорится, что Япония располагает технологиями и оборудованием для обогащения урана и переработки отработанного ядерного топлива. По расчетам экспертов, как пишет газета «Санкэй симбун», для создания боеголовки потребуется от 3 до 5 лет работы нескольких сотен специалистов. Проект обойдется в 200—300 млрд. иен (1,7—2,5 млрд. долл. США).

ного ядерного удара против любого авторитарного государства, где, как правило, не считаются с уровнем потерь ради достижения тех или иных политических или военных целей, не дает гарантии от ядерного шантажа в отношении Японии, являющейся демократической страной, в которой человеческая жизнь считается высшей ценностью. Более того, ядерный статус Токио снимет моральные препоны и создаст пропагандистскую базу, обосновывающую не только угрозу, но и само применение ядерного оружия против Японии.

Оборонный бюджет и финансирование военного строительства

Касаясь финансирования военного строительства следует отметить, что начиная с 1990-х гг. темпы роста оборонного бюджета значительно замедлились. Доля военных расходов в ВВП страны за 10 лет ни разу не превысила 1%. Что касается общей доли расходов на оборону в государственном бюджете, то она стабильно удерживается на уровне, не превышающем 6,5%. Согласно данным "Белой книги по обороне Японии" за 2006 г. ("Defense of Japan", 2006), доля военных расходов в государственном бюджете 2005 г. составляла довольно внушительную цифру порядка 50 млрд долл. США, но в процентном отношении являлась одной из самых невысоких среди развитых стран мира. На социальное обеспечение военнослужащих ассигнуется более 19%⁷.

В 2004 г. военный бюджет Японии составил 4,8764 трлн иен. По сравнению с предыдущим финансовым годом он уменьшился на 1%⁸. В 2006 финансовом году военный бюджет Японии по сравнению с 2005 г. сократился еще на 0,8% — с 4,83 трлн иен (43,9 млрд долл. США) до 4,81 трлн иен. При этом на содержание личного состава тратилось 44,4%, на закупку вооружения и военной техники — 18,1%, на военные НИОКР — 3,5%, на содержание жилищного фонда — 3%, на боевую подготовку и обучение — 18,8%⁹.

Научно-исследовательская база японских вооруженных сил

Научно-теоретические разработки оперативно-стратегического уровня, военно-доктринальные установки и другие основополагающие документы, касающиеся строительства Сил самообороны, их развития, основных параметров, вопросы стратегии, оперативного искусства, боевого применения войск (сил), оценка военно-политической и стратегической обстановки в мире и в отдельных его регионах — все это рождается в недрах Национального института оборонных исследований Министерства обороны Японии. Научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы (НИОКР) военно-технического характера организуются, ведутся и координируются Институтом научно-технических исследований и разработок (ИНТИР) Министерства обороны и находящимися в его ведении научно-исследовательскими центрами, а также рядом государственных и частных НИИ и лабораторий, принадлежащих, главным образом, промышленным корпорациям. Технологические разработки осуществляются в основном промышленностью.

С 1977 г. в УНО (Министерстве обороны) установлен порядок перспективного планирования НИОКР военного назначения. Управления МССО, ВССО и СССО разрабатывают соответствующие планы на десятилетний период, а Институт научно-технических исследований и разработок — на пятилетний срок с обязательным ежегодным отчетом о ходе их выполнения.

Непосредственно в ведении ИНТИР находятся пять научно-исследовательских технических центров (НИТЦ), которые занимаются вопросами формулирования тактико-технических требований к разрабатываемым системам вооружения и военной техники, осуществляют тактико-технический и экономический анализ и обоснование, участвуют в разработке, производстве и испытаниях новых образцов ВВТ.

Первый научно-исследовательский технический центр специализируется на разработке и испытаниях стрелкового, артиллерийского вооружения, боеприпасов, кораблей и их систем оборудования и эксплуатации; второй — на исследованиях и разработках в области тылового обеспечения войск (сил), в том числе в сфере создания новых комплектов питания, экипировки, перевязочных средств, медицинского оборудования, средств радиохимической и биологической защиты; третий — на исследованиях и разработках авиационной техники и систем вооружения, в частности, самолетов истребительной авиации, вертолетов, самолетов вертикального взлета и посадки, дистанционно-пилотируемых летательных аппаратов (ДПЛА), авиадвигателей различных типов, управляемых ракет, включая зенитные средства, четвертый — на исследованиях и разработках бронетанковой, инженерной и автотранспортной техники; пятый — на исследованиях и разработках военно-морских вооружений, в том числе средств противолодочной обороны, гидроакустического и навигационного оборудования, глубоководных бомб, морских мин, торпед и др. Особое внимание ИНТИР и находящихся в его ведении научно-исследовательских технических центров, а также соответствующих структур промышленных корпораций уделяется работам по созданию перспективных средств радиоэлектронной борьбы, гибридных систем управления ракетами, аппаратуры целеуказания и наведения ракет и торпед.

В настоящее время доля вооружения и военной техники отечественной разработки и производства, в том числе выпускаемых по иностранным лицензиям, составляет, по оценочным данным, приблизительно 95%. Около 5% авиационного оборудования, а также радиоэлектронных средств для военно-морских сил импортируется из США.

Сегодня в военном ведомстве Японии активно прорабатывается новая концепция, определяющая облик японских вооруженных сил XXI в. и получившая условное наименование "Информационная революция в военном деле".

По мнению занятых в ее создании авторитетных военных экспертов, наиболее развитые в научно-техническом и технологическом отношении страны с начала 1990-х гг. вступили в переходный период от индустриального этапа развития к информационному. В этих условиях одним из важнейших ресурсов, определяющих совокупную мощь государства, одним из компонентов которой является его военная мощь, становится степень овладения информационными технологиями. Наибольших успехов на этом поприще добились США и некоторые европейские страны. Японии по ряду параметров информационной революции, в частности, по уровню применения информационных технологий в вооруженных силах, не удалось занять лидирующее положение. Именно поэтому упомянутая концепция призвана определить пути преодоления наметившегося отставания.

Японские специалисты считают, что на современном этапе количество средств вооруженной борьбы, охватываемых процессом информатизации, постоянно возрастает и будет возрастать в перспективе по мере повышения технологического уровня и расширения сфер применения электронной составляющей вооружения и военной техники. Радиоэлектронные средства становятся к тому

же объектом радиоэлектронной борьбы. Исходя из такого понимания, японские эксперты определяют базовую задачу в ходе реализации “концепции информационной революции в военном деле”: создание и внедрение в вооруженные силы высокоорганизованных информационных и информационно-противодействующих систем, обеспечивающих возможность в реальном масштабе времени получать, обрабатывать и надежно передавать необходимые оперативные данные, а также находить слабые места в управлении войсками и оружием противника, осуществлять проникновение в его компьютерные сети, системы командования, контроля, связи и разведки, навигации (ориентации), сенсорную аппаратуру с целью нарушения их работы и вывода из строя или вброса ложных данных, способствующих его дезинформации и введению в заблуждение. То есть предполагается осуществлять активное информационно-компьютерное воздействие на информационный ресурс потенциального противника. Одновременно указанные информационные и информационно-противодействующие системы должны сами обладать способностью нейтрализовать действие средств информационной войны противника, в итоге обеспечивая боевое превосходство. Киберпространство, таким образом, предлагается рассматривать как поле боя, равное наземному, воздушному, водному и космическому.

В качестве одной из первоочередных целей концепция определяет создание автоматизированных систем управления войсками и оружием, которые смогут существенно облегчить работу командирам всех уровней и обеспечить большую экономию времени при принятии решений. Кроме того, элементы этой системы, объединенные с оружейными разведывательно-ударными (РУК) и разведывательно-огневыми (РОК) комплексами, смогут в реальном масштабе времени обеспечивать разведку, включая данные целеуказания и гарантированное поражение объектов противника. На долгосрочную перспективу японские специалисты ставят задачу создания искусственного интеллекта и разработку систем вооружения и военной техники с его использованием.

Серьезное внимание уделяется совершенствованию уже стоящих на вооружении систем. В частности, предполагается около 112 млрд иен выделить на модернизацию истребителей F-15, в ходе которой их планируется оснастить новыми РЛС, авионикой, ракетным вооружением. Активизируются НИОКР по созданию собственного истребителя-невидимки.

На нынешнем этапе в течение 2007—2008 гг. планируется приступить к разработке новых ракетных комплексов классов “воздух — воздух” и “воздух — поверхность”. Эти системы должны обладать способностью поражать цели при наведении на излучение радиолокационных станций (РЛС), систем связи и других радиоэлектронных средств. Ракеты будут иметь более широкие возможности по сравнению с классическими антирадарными системами, смогут более эффективно поражать не только наземные и корабельные РЛС, но и самолеты дальнего радиолокационного обнаружения и управления авиацией (ДРЛО и У), штабы, командные пункты, узлы связи и пр. По свидетельству японского военного эксперта Х. Сирота, ракеты будут оснащены аппаратурой анализа частот, позволяющей выделять среди множества различных излучений именно те, которые исходят от цели. Сами ракеты не будут излучать радиоволны, что затруднит их обнаружение и перехват¹⁰.

С апреля 2007 г. в Японии началась разработка нового поколения многоцелевых подводных лодок с дизель-электрической силовой установкой. Они будут оснащены суперсовременным электронным, гидро-акустическим и навига-

ционным оборудованием, и, обладая значительно большей живучестью и боевой устойчивостью, станут еще более малочисленными, чем подлодки предыдущего поколения. Реализация проекта рассчитана на 10 лет. В течение первых пяти лет будут осуществляться научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы, примерная стоимость которых оценивается более чем в 42 млн долл. США. Испытания экспериментальной модели должны быть проведены в 2014 г. Ввод в боевой состав подлодки нового образца намечен на 2016 г.¹¹

Военное производство и система закупок

В Японии нет системы корпораций, занятых исключительно производством вооружения и военной техники (ВВТ). Иначе говоря, военно-промышленного комплекса в нашем понимании там не существует. ВВТ выпускаются японскими компаниями наряду с гражданской продукцией, которая является профилирующей и явно преобладает в общем объеме и стоимости.

Военное производство, включая выпуск ВВТ, базируется на прочной общеэкономической основе, развитой индустрии и научно-техническом и технологическом потенциале страны. В целом Япония, за незначительными исключениями, может полностью удовлетворить количественные и качественные потребности национальных вооруженных сил в вооружениях и военной технике и как в мирное время, так и в угрожаемый период.

Правительство Японии ставит перед национальной промышленностью задачу наладить собственное производство и выпуск всех типов современных вооружений и военной техники (за исключением оружия массового поражения и средств его доставки), необходимых для удовлетворения потребностей Сил самообороны в условиях их качественного реформирования, при сокращении до минимума зависимости оснащения японской армии от американских поставок.

Вооружение и военная техника, а также оборудование и предметы материально-технического обеспечения войск производятся по заказам Министерства обороны. Большое влияние на распределение этих заказов имеет военно-промышленный комитет “Кэйданрэн”. Этот комитет посредничает в связях военного ведомства с компаниями, выпускающими военную продукцию, разрабатывает рекомендации правительству по вопросам оснащения вооруженных сил, организации военного производства, исследований и разработок военного назначения.

Претендовать на получение солидных оборонных заказов может лишь незначительная часть японских компаний. На долю 20 из них приходится 75% поставок ВВТ. В этом списке — девять крупнейших фирм: “Мицубиси дзюкоге”, “Кавасаки дзюкоге”, “Исикавадзима Харима дзюкоге”, “Мицубиси дэнки”, “Тосиба”, “Хитати”, “Сумитомо”, “Мицуи”, “Нихон Сэйки”, обладающих солидным опытом развертывания производства вооружения и военной техники со времен Второй мировой войны. Они берут на себя 52,2% общего количества заказов Сил самообороны (впрочем, эта цифра нестабильна и может повышаться или понижаться в тот или иной год на 2—3%). Одна только “Мицубиси дзюкоге” с ее 40 основными и дочерними фирмами, выпускающими бронетанковую, авиационную, ракетно-артиллерийскую и военно-морскую технику, обеспечивает более трети оборонного производства. Вместе с тем обращает на себя внимание то обстоятельство, что даже у этих крупнейших генеральных подрядчиков военного ведомства Японии на долю оборонной продукции приходится менее 13,5% объема их общего производства.

Выводы

Военная доктрина Японии имеет четкую оборонительную направленность. Она ориентирует национальное военное строительство и строительство вооруженных сил на обеспечение надежной обороны государства. Ее отличает реалистический подход к оценке угроз и вызовов военного характера, на основе которой определяются как оптимальная численность личного состава вооруженных сил и их структура, так и соотношение между видами ВВТ и средствами различного назначения, в наибольшей степени соответствующие возможным боевым задачам и вариантам обстановки. Адекватная оценка угроз позволяет правильно определить необходимый состав группировок войск (сил), их структуру и дислокацию, а также рациональное распределение ресурсов на главных потенциально-опасных направлениях, не выходя за рамки оборонной достаточности. В японских Силах самообороны преобладают оборонительные системы ВВТ.

На вооружении Сил самообороны Японии нет бомбардировочной авиации, ударных (стратегических, оперативно-тактических) ракетных комплексов, авианосцев, крейсерских подводных лодок, дальнобойного высокоточного оружия (ВТО), разведывательно-ударных (разведывательно-огневых) комплексов и других систем оружия, объединяющих поражающие средства с системами обеспечения и функционирующих в реальном масштабе времени. Ракетное оружие в основном представлено ракетами специального назначения (зенитными, противокорабельными, противотанковыми).

Акцент на создание системы ПРО не нарушает оборонительного характера японского военного строительства. Противовоздушная/противоракетная оборона олицетворяет собой оборонительную систему. Она является наиболее эффективной из всех систем оборонительного вооружения и военной техники по уровню предотвращаемого ущерба и, соответственно, отличается наивысшими показателями соотношения "эффективность/стоимость".

Япония имеет значительные противолодочные силы, которые также относятся к категории оборонительных. Они обладают достаточным для выполнения поставленных перед ними задач комплектом сил и средств. Их личный состав хорошо обучен и профессионально подготовлен. В ходе проведения совместных операций с ВМС США, а в отдельных случаях и самостоятельно, они способны с достаточной степенью эффективности обнаружить и уничтожить часть уже немногочисленных и не самых современных подводных лодок российского Тихоокеанского флота (ТОФ). Возрастает их угроза для действий ракетных подводных крейсеров стратегического назначения (РПКСН) Военно-морского флота России, в первую очередь в плане затруднения выхода их и других кораблей ТОФ в открытый океан из Японского моря. Воспрепятствовать развертыванию подводных сил России в позиционных районах, надежно заперев их в Японском и Охотском морях, без поддержки ВМС США они еще не в состоянии.

Если иметь в виду огромную протяженность океанских коммуникаций, по которым в Японию поставляются жизненно важные для нее энергоносители, сырье и продовольствие, наличие большого количества морских проливов, проход через которые в кризисных ситуациях может быть перекрыт, и, соответственно, учитывать необходимость патрулирования обширных акваторий с целью обеспечения свободы международного судоходства, то можно сделать вывод о том, что многоцелевые подводные лодки морских сил самообороны Японии с дизель-электрической силовой установкой и торпедным вооружением в количестве, яв-

но не превышающем минимально достаточного уровня для обеспечения охраны (контроля) региональных морских коммуникаций, не могут существенно угрожать безопасности России. И в этом смысле можно согласиться с выводом известного российского военно-морского эксперта вице-адмирала В. Дорогина, утверждающего, что "для России, даже при наличии территориальных претензий, подводный флот Японии не может представлять серьезной угрозы". Тем не менее, в случае привлечения подводных лодок для проведения противолодочных операций или для обеспечения блокады морских проливов, японские подводные силы могут представлять для России довольно существенную угрозу, которая имеет тенденцию к возрастанию.

Формирование компонента ПРО морского базирования с задачей перехвата баллистических ракет на среднем участке их траектории на основе модернизированной корабельной системы "Иджис" существенно расширяет сферу оперативного применения и спектр оперативных задач военно-морских сил Японии, в мирное время, угрожаемый и военный периоды, кардинально повышая их роль и значение в обороне государства. Впервые на японские Морские силы самообороны возлагается задача по отражению воздушно-космического нападения, то есть прикрытия от ударов баллистических ракет всей территории страны, ее населения, центров государственного и военного управления, промышленных районов, объектов жизнеобеспечения, военной и гражданской инфраструктуры.

Силы самообороны с их нынешней численностью и уровнем подготовки личного состава, количеством ВВТ и боевыми возможностями, качеством функционирования систем управления войсками и оружием обеспечивают требуемый военной доктриной страны уровень оборонной достаточности. По насыщенности современными ВВТ, доля которых в общем количестве состоящих на вооружении систем составляет около 50% и приближается к соответствующему показателю для стран НАТО, а по некоторым параметрам (например, качество военно-морских вооружений) достигает уровня США, Силы самообороны Японии соответствуют облику вооруженных сил наиболее развитых государств мира.

Финансирование вооруженных сил в полной мере обеспечивает решение задач поддержания военной мощи страны на уровне оборонной достаточности и не является обременительным для государства, позволяя концентрировать необходимые ресурсы в интересах решения экономических и социальных задач.

Органы управления войсками (силами) всех степеней укомплектованы личным составом с оптимальным приближением к штатам военного времени и в достаточно высокой степени автоматизированы и компьютеризированы.

Важным фактором, обеспечивающим четкое функционирование вооруженных сил, является высокоразвитый комплекс коммуникационных структур, охватывающий всю территорию страны.

В случае мобилизационного развертывания экономики Япония способна в полном объеме удовлетворять потребности в любых специалистах. Крупные предприятия базовых отраслей промышленности могут в оптимальные сроки перейти на выпуск военной продукции.

Вместе с тем необходимо указать на следующие обстоятельства, имеющие прямое отношение к состоянию японского военного потенциала.

Во-первых, Япония практически не имеет собственных месторождений полезных ископаемых и полностью зависит от импорта сырьевых ресурсов, особенно энергоносителей.

Во-вторых, производственные мощности страны ввиду их высокой концентрации, наличия общих систем коммуникаций и ряда других особенностей не обладают достаточной живучестью.

В-третьих, несмотря на то, что в Силах самообороны Японии налажена эффективная система боевой и специальной подготовки личного состава во всех родах войск (сил) и службах, обеспечивающая высокий уровень использования боевых возможностей ВВТ, она все же недостаточна для подготовки необходимого в военное время резерва специалистов всех профилей, особенно для обслуживания и управления высокосложными видами ВВТ, не говоря уже о поголовной военной (военно-технической) подготовке всего подлежащего призыву в военное время контингента.

В-четвертых, помимо несовершенства системы профессиональной подготовки и накопления резерва военнообязанных, для японской системы обеспечения безопасности характерны недостаточная устойчивость от мобилизовывания войск, довольно слабое развитие нормативной базы и механизма комплектования вооруженных сил и поставок техники из частного сектора, которые чреватые весьма серьезными негативными последствиями в случае кризисного развития обстановки или военного конфликта.

В-пятых, судя по масштабам проводимых Силами самообороны Японии учений и маневров в условиях, приближенных к боевым, удовлетворительная степень реализации потенциальных возможностей ВВТ достигнута лишь в составе войсковых формирований тактического звена. Совместное применение ВВТ видами вооруженных сил и родов войск, а также проведение совместных операций не отработаны и, несмотря на предпринимаемые в последнее время усилия по устранению этого недостатка, по всей видимости, пока еще не отличаются высокой эффективностью.

В-шестых, Япония обладает сравнительно ограниченной научно-экспериментальной и опытно-конструкторской базой, непосредственно работающей в интересах обеспечения военных целей государства и его вооруженных сил, и вынуждена в связи с этим определенную часть ВВТ закупать в США или производить по иностранным лицензиям.

-
1. www.mod.go.jp/e/publications/wp2006/pdf/
  2. Ibid.
  3. Ibid.
  4. Defense of Japan. 2004. Tokyo, 2004. P. 430.
  5. www.mod.go.jp/e/publications/wp2006/pdf/
  6. РБК daily. 2006. 15 нояб.
  7. www.mod.go.jp/e/publications/wp2006/pdf/
  8. Defense of Japan. 2004. Tokyo, 2004. P.126—127.
  9. Солдаты России. 2006. № 11. 2006. С. 50.
  10. .Время новостей. 2006. 18 окт.
  11. Там же.

Российский Дальний Восток

Российское Дальневосточье в системе хозяйственных связей со странами АТР

© 2007

О. Савка, В. Чудесов

Определенная самостоятельность регионов России начала проявляться в конце 1991 г. прежде всего в сфере внешнеэкономических связей. Одним из первых нормативно-правовых актов, открывших в этой сфере дорогу дальневосточным регионам, стал Указ Президента РСФСР от 15 ноября 1991 г., п. 1 которого гласил: "разрешить всем зарегистрированным на территории РСФСР предприятиям и их объединениям независимо от форм собственности осуществление внешнеэкономической деятельности без специальной регистрации"¹.

Внешнеэкономическое сотрудничество стало основным фактором, компенсирующим отдаленность Дальневосточных регионов от европейской части России. Во внешнеторговом обороте дальневосточных субъектов РФ на ведущее место вышли страны Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР), на долю которых приходится до 90% внешнеторгового оборота.

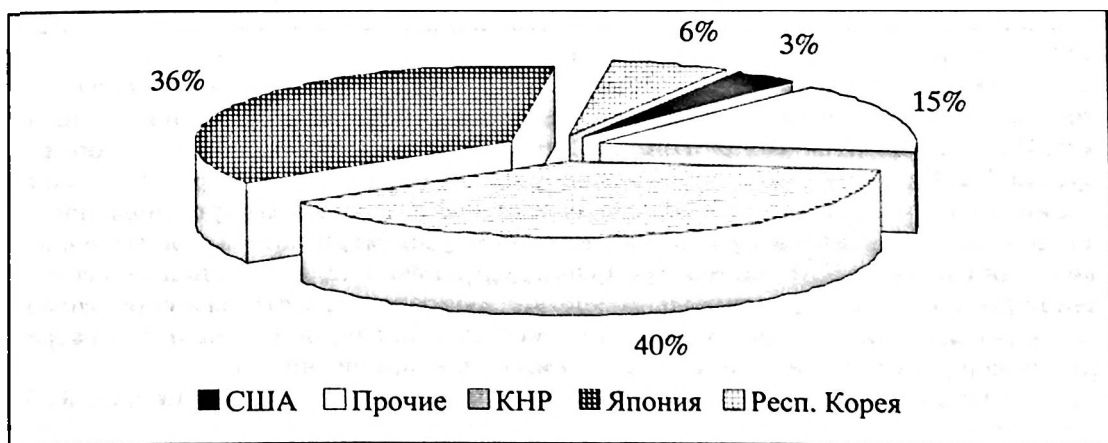

Рисунок 1. Доля стран АТР в товарообороте дальневосточных субъектов в 1993 г.

Савка Ольга Геннадьевна, аспирантка Дальневосточной Академии государственной службы (ДВАГС).

Чудесов Валерий Владимирович, доктор исторических наук, профессор кафедры политологии и политического управления ДВАГС.

Каждый край и область региона имеют свои особенности. Так, географическое положение Амурской области благоприятствует развитию сотрудничества с КНР: линия соприкосновения Приамурья с Китаем протянулась на 1234 км, а областной центр Благовещенск и город Хэйхэ провинции Хэйлунцзян разделяет река Амур, ширина которой в этом месте — около 800 метров. Ныне транспортное сообщение области с Китаем осуществляется круглогодично: средствами речного транспорта в летнее время и автомобильным — в зимнее. В период ледостава перевозки осуществляются суднами на воздушных подушках. Правильствами РФ и КНР 26 июня 1995 г. было подписано Соглашение² о совместном строительстве мостового перехода через р. Амур между Благовещенском и Хэйхэ, однако реализация проекта затруднена из-за отсутствия необходимых финансовых средств.

Пик внешнеторгового оборота Амурской области приходится на 1993 г. — 407,6 млн долл. США. Амурские предприятия и организации стали пионерами в развитии торговых связей, которые в начале 1990-х гг. осуществлялись преимущественно в форме бартерного обмена. При том область осуществляла самостоятельно торговлю не только “для себя”, но и выполняла посреднические услуги по экспортно-импортным операциям между регионами России и Китая. Это подтверждает и анализ структуры экспорта: вывозились удобрения, автомобильные шины, древесина, лом черных и цветных металлов, машины и оборудование, тракторы, автомобили, речные суда и запчасти. Приток китайских товаров позволил смягчить образовавшийся к тому времени в России товарный вакуум. В обмен из Китая получали продукты питания (рис, сахар, муку), одежду, обувь и пр. товары. После принятия ряда ограничительных мер и повышения таможенных пошлин Благовещенской таможней внешняя торговля Амурской области резко сократилась. До 2000 г. наблюдался ее спад, но с 2001 г. показатели начали расти, достигнув в 2005 г. 271,6 млн долл., экспорт вырос на 52,8% в сравнении с предшествующим годом, составив 157,3 млн долл., импорт возрос на 86,1%, составив 114,3 млн долл. Рост оборота произошел в основном из-за увеличения экспорта изделий из черных металлов и импорта овощей и фруктов. Среди торговых партнеров Амурской области наибольшая доля внешнеторгового оборота в 2005 г. пришлась на Китай (81,7%) и Японию (8,7%)³.

Основные статьи экспорта Амурской области — древесина⁴ (преобладают необработанные лесоматериалы) и изделия из нее, черные металлы и изделия из них. Из КНР ввозятся овощи и фрукты, текстильные изделия, оборудование, игрушки. В г. Хэйхэ открыто торгово-экономическое представительство администрации Амурской области. Основные направления его работы: установление и поддержание контактов с правительственными, коммерческими, общественными организациями КНР; организационная подготовка и информационное обеспечение поездок в КНР различных делегаций Амурской области; оказание содействия российским гражданам, находящимся на территории г. Хэйхэ при разрешении конфликтов с тамошними службами и учреждениями.

Одно из важных направлений сотрудничества — туризм. В Амурской области действуют две туристические ассоциации, 7 ведущих туркомпаний области⁵ получили полномочия осуществлять безвизовый групповой туризм с КНР. Правовой базой для него служит соответствующее двустороннее соглашение.

Сдерживающий фактор для развития въездного туризма в Амурской области и по всему Дальнему Востоку — слабо развитая инфраструктура (ограниченное количество мест в гостиницах, низкий уровень гостиничного сервиса, дороговизна транспортных услуг).

Приморский край непосредственно граничит с двумя северо-восточными провинциями КНР — Хэйлунцзян и Цзилинь. Сотрудничество с ними развивалось в рамках соглашений об установлении торгово-экономических и культурных связей с указанными провинциями (июнь 1995), а также соглашений о торгово-экономическом сотрудничестве, подписанных администрацией Приморского края с народным правительством провинции Цзилинь (февраль 1999) и с Народным правительством провинции Хэйлунцзян (август 2000)⁶.

Вдоль российско-китайской границы на территории края действуют 5 автомобильных грузопассажирских пунктов пропуска (Марково — Хулинь, Турий Рог — Мишань, Полтавка — Дуннин, Пограничный — Суйфэньхэ, Краскино — Хуньчунь), и два железнодорожных (Гродеково — Суйфэньхэ и Махалино — Хуньчунь).

Во всем российском Дальневостоche Приморский край — наиболее активен в сфере внешнеэкономической деятельности. В течение 1990-х гг. внешняя торговля была наиболее динамичной сферой его экономики. Ей край обязан сохранением положительной динамики экономического роста. Темпы роста внешней торговли в 2,5—3 раза превышали рост промышленного производства и инвестиций. На территории края внешнеэкономической деятельностью в 2004 г. занимались около 2500 участников. Более 80% экспортно-импортных грузопотоков осуществляется морским транспортом, при этом более половины перевозок приходится на долю иностранных судоходных компаний⁷.

Приморский край осуществляет торговлю с 80 странами. 80% товарооборота приходится на КНР, Республику Корея, США и Японию. В 1993—1998 гг. внешнеторговый оборот предприятий и организаций края имел тенденцию роста. Так, за 1994—1997 гг. он вырос вдвое и в 1997 г. превысил 2 млрд долл. США. По этому показателю Приморский край занял тогда 4-е место по России вслед за Москвой, Санкт-Петербургом и Калининградской областью. В 1998—2000 гг. наблюдалось сокращение объемов товарооборота. Самым неблагоприятным оказался 1999 г., когда внешнеторговый оборот края снизился до 1,23 млн долларов, однако с 2000 г. тенденция роста возобновилась, и в 2004 г. был достигнут показатель в 2,763 млн долл.⁸

Основная причина спада экспорта в 1998—1999 гг. — финансовый кризис, вспыхнувший в августе 1998 г. А значительное увеличение экспорта после 2000 г. произошло благодаря росту поставок за рубеж вольфрамовой руды и ее концентратов, боросодержащего сырья, судов. В экспорте края преобладают сырьевые товары: рыба и морепродукты, лесоматериалы (преимущественно необработанные), черные и цветные металлы, их отходы и лом. Основные статьи дохода от экспорта ныне — рыба и морепродукты, транспортные услуги, древесина.

За последние годы работа предприятий рыбной отрасли края приобрела ярко выраженную экспортную ориентацию. Основные их усилия направляются на организацию промысла продукции, пользующейся спросом на внешних рынках.

С 2002 г. КНР стабильно лидирует среди партнеров Приморского края. Туда экспортируется почти треть его лесоматериалов. Более 60% потребляемых в Приморском крае мяса, овощей, фруктов и риса — китайского происхождения.

Приморский край в 2005 г. занял в Дальневостоche 1-е место по объему внешнеторгового оборота (3811,1 млн долл. или 26,7% от общего товарооборота Дальневостоche). Объем экспорта Приморского края тогда составил 1409,8 млн долл. (на 32% больше, чем в 2004 г.). Увеличение произошло в основном за счет сырьевых поставок (рыбы и морепродуктов — на 33%, металлов и изделий из них — на 40%, минеральных продуктов — вдвое). В номенклатуре импорта преобладают продовольствие и промтовары народного потребления. Импорт При-

морского края в 2005 г. вырос по сравнению с предшествующим в 1,4 раза, составив 2401,3 млн долл. В том числе импорт текстиля и изделий из него, обуви выросли на 59%, продовольственных товаров — на 52%, продукции химической промышленности — на 51%, машин, оборудования и транспортных средств — на 37%.

В целях дальнейшей активизации края в системе международных связей тамошней администрацией утверждена целевая программа приграничного сотрудничества⁹, основная задача которой, как гласит документ, — создание условий международного сотрудничества, обеспечивающего интенсивное социально-экономическое развитие края и способствующего поддержке конкурентоспособных позиций производителей товаров на международных рынках, а также формирование условий для развития приграничной транспортно-информационной инфраструктуры, обеспечивающей увеличение объемов грузопотоков и расширение связей субъектов хозяйственной деятельности Приморского края.

Распоряжением губернатора Приморского края от 30.11.2001 г. создана рабочая группа по торгово-экономическому и научно-техническому сотрудничеству с провинцией Хэйлунцзян, а распоряжением губернатора края от 08.07.2004 г. учреждена российская часть совместной российско-китайской рабочей группы по совершенствованию приграничного торгово-экономического сотрудничества между Приморским краем и провинцией Хэйлунцзян¹⁰.

Приморский край активно участвует во многих международных выставках и ярмарках, проводимых в городах Китая — Харбине, Даляне, Шанхае, Тяньзине, где предприятия и организации края имеют возможность выставить свою продукцию. В 2005 г. в Приморском крае открыто Владивостокское отделение Генконсульства КНР в г. Хабаровске, призванное служить консультационным и координирующим центром по визированию российских граждан, выезжающих в КНР, содействовать развитию туристических, экономических и культурных связей.

В октябре 2005 г. официально открылось представительство народного правительства г. Суйфэньхэ во Владивостоке. Одна из его задач — оказание содействия китайским гражданам, в том числе и туристам, в решении проблем, возникающих во время их пребывания в России, а также продвижение китайских туристических услуг на российский рынок. А два месяца спустя Представительство оповестило, что отныне разовые и годовые визы для въезда в Китай можно получить за умеренную плату непосредственно на автомобильном и железнодорожном пунктах пропуска Суйфэньхэ—Пограничный на основании факсовой копии приглашения китайской стороны.

С Республикой Корея торгово-экономическое сотрудничество Приморья началось с 1991 г.¹¹ Год спустя во Владивостоке открылось ее Генеральное консульство. Как оказалось, РК считает Россию в целом (и Приморье в частности) одним из приоритетных направлений своей внешнеэкономической деятельности. Один из конкретных шагов — открытие в апреле 1997 г. в Пусане российского бизнес-центра, главной задачей которого стало обеспечение российских деловых партнеров необходимой информацией, содействие в поиске партнеров, организации деловых переговоров. Во Владивостоке открыто представительство Корейского государственного агентства содействия развитию торговли и инвестиций. В Находке строится корейский технопарк, во Владивостоке создан корейский колледж, в разные города Южной Кореи протянулось пять авиалиний. Наконец, подписано соглашение об установлении побратимских связей между Приморским краем и корейской провинцией Южный Кенсан¹².

Давний торговый партнер Приморского края — Япония. Во Владивостоке с 1993 г. открыто ее Генеральное консульство, аккредитовано около 10 представительств японских компаний. Японский центр во Владивостоке, открытый в ок-

тябре 1996 г., обеспечивает новые возможности для обучения приморцев методам японского менеджмента.

Администрация Приморского края продолжает плодотворное сотрудничество с Японской ассоциацией по торговле с Россией и Восточной Европой, начатое с 1993 г. в рамках российско-японского "Проекта оказания содействия развитию малого предпринимательства в России". Результатом этого стало создание при вузах Владивостока шести российско-японских учебных центров (деревообработки, передовых технологий, металлообработки, по обучению малому и среднему бизнесу в области пищевых технологий, менеджмента, рыбопереработки). Расширяются культурные и научные связи. Значительно активизировались молодежные обмены, что связано с подписанием в 1999 г. российско-японского соглашения о создании Центра молодежных обменов. Наконец, во многих Дальневосточных субъектах действуют общества российско-японской дружбы¹³.

Специфичны отношения со странами АТР и у Еврейской автономной области (ЕАО). Ее внешнеторговый оборот мал по сравнению с другими субъектами Дальнего Востока, что обусловлено прежде всего объемами промышленного производства и численностью населения. Определенный рост, произошедший в 2000 г., был вызван тем, что из области было экспортировано бывшее в употреблении технологическое оборудование на сумму почти 2,5 млн долл. Затем произошло значительное снижение.

Основные статьи экспорта ЕАО — древесина, продовольствие и сельхозпродукты (соя), металлы, машины и транспортные средства. Почти половину импорта составили транспортные средства, машины и технологическое оборудование для организации новых производств и технического перевооружения, техника для производства геологических работ, лесозаготовок и лесопереработки, строительства и производства стройматериалов. Наиболее активный участник внешней торговли — ООО "Сэньхэ-Лесопромышленность" (со стопроцентным китайским капиталом), занимающееся заготовкой и переработкой древесины.

На снижение объемов внешней торговли повлияли и такие факторы, как спад промышленного производства, значительный рост транспортных тарифов, рост цен внутреннего рынка, низкая платежеспособность большинства субъектов хозяйственной деятельности, значительное увеличение таможенных пошлин.

ЕАО активно развивает сотрудничество с приграничными районами провинции Хэйлунцзян: с городами Цзямусы, Хэган, Ичунь. На территории ЕАО имеется три контрольно-пропускных пункта: "Нижнеленинское", "Амурзет" и "Пашково". Систематичными стали двусторонние визиты делегаций на уровне правительств приграничных территорий. Результатами таких встреч стало более 60 двусторонних документов¹⁴. В июне 1999 г. был создан Торгово-экономический совет Народного правительства г. Хэган и правительства ЕАО.

Активны контакты в сфере образования. Среди учебных заведений области лидер в международном сотрудничестве — Биробиджанский государственный педагогический институт (с 2005 г. — Дальневосточная социально-гуманитарная академия), плодотворно сотрудничающий на основании заключенных договоров с университетом г. Цзямусы, Хэганским педагогическим колледжем, Даляньской академией международного бизнеса, Пекинским государственным институтом искусств¹⁵.

В области здравоохранения международные связи осуществляются в форме семинаров, встреч, выставок по организации медицинской помощи и лекарственному обеспечению.

В 2001 г. был подписан протокол переговоров о культурном сотрудничестве между городами Хэган и Биробиджан. В VI и VII Международных фестивалях ев-

рейской культуры, проходивших в Биробиджане, приняли участие артисты из г. Хэган, которые исполняли песни на еврейском языке. В октябре 2001 г. подписано соглашение о побратимских связях между городами Хэган и Биробиджан.

Правительство ЕАО и Народное правительство г. Ичуня в марте 2004 г. подписали соглашение "Об открытии представительства г. Ичунь в Еврейской автономной области"¹⁶.

Другое соглашение заключено в феврале 2004 г. правительством ЕАО с Народным правительством г. Цзямусы: "Об открытии представительства правительства г. Цзямусы в ЕАО"¹⁷.

Основные партнеры Хабаровского края по внешнеэкономической деятельности — КНР, Япония, Республика Корея, США. С началом российских реформ его внешнеэкономическая ориентация заметно усилилась. Если в 1991 г. доля экспорта в экономике края составляла 2,5%, в 1992 г. — 7,3%, то в 1996 г. — уже свыше 27%¹⁸. Еще больше росла доля импорта потребительских товаров, особенно продовольствия. Наиболее значительный рост проявился в экспорте услуг, производстве военного машиностроения, олова и меди, нефтепродуктов. При этом в традиционном экспорте, основанном на природноресурсном потенциале края, происходит вымывание продукции первичной переработки сырья с возвратом к вывозу необработанного сырья. Это характерно для отраслей специализации Хабаровского края — лесной и рыбной промышленности, а также черной металлургии. Если исключить особую статью экспорта — военную технику, то преобладающая его часть — сырье. Но не развивать обрабатывающий сектор региона — значит превращать регион в сырьевой придаток стран Азиатско-тихоокеанского региона Хабаровского края.

Значительное увеличение внешнеторгового оборота наблюдалось в 2005 г. (на 55%), когда его объемы достигли 3555 млн долл. Экспорт тогда увеличился за счет роста поставок: нефтепродуктов — на 77%, лома и отходов черных металлов — на 60%, рыбы и морепродуктов — на 27,9%. Импорт Хабаровского края в 2005 г. составил 580 млн долл., (прирост — 82,2%)¹⁹.

Наиболее емким рынком для продукции Хабаровского края является Япония. Основная часть поставок — природные ресурсы (как правило, в необработанном виде). Значительную долю традиционно занимает лесопродукция. Крупнейший экспортер пиломатериалов в Японию — предприятие "Ванино-Тайрику" со стопроцентным японским капиталом. По Хабаровскому краю в 2000 г. на долю Японии приходилось 60% экспортных поставок необработанного леса, тогда как 26% поставок шло в Китай и 14% — в Республику Корея. Но уже в 2002 г. ситуация изменилась — доля Китая возросла до 60%, а Японии — сократилась до 28%²⁰. Япония традиционно является крупнейшим покупателем рыбопродукции. Ее компании закупают в крае минтай, ракообразных, икряную сельдь, икру лососевых и осетровых рыб. Основные статьи импорта Хабаровского края из Японии — машины, механическое оборудование и запчасти к ним (в основном, бульдозеры, экскаваторы, автопогрузчики).

Хабаровск связан побратимскими связями с г. Ниигата, Хабаровский край — с префектурой Хэго, префектурой Аомори, г. Ванино — с Исикари.

Активную роль в области межрегионального торгово-экономического сотрудничества с Японией играет возглавляемая губернатором Хабаровского края В.И. Ишаевым Ассоциация "Дальний Восток и Забайкалье".

Сотрудничество в области привлечения иностранных инвестиций получило на Дальнем Востоке развитие в конце 1980-х гг. Количество действующих предприятий с иностранными инвестициями в 1989—1991 гг. возросло почти 15-кратно, в то время как по России в целом — только в 3,7 раза²¹. Развитию этого сотрудничества

способствовало принятие в 1991 г. закона об иностранных инвестициях²². Принципиальное значение для сотрудничества в этой сфере имело принятие Государственной Думой в июне 1999 г. соответствующего федерального закона²³.

По числу регистрируемых предприятий с иностранным капиталом в российском Дальневосто́чье в 2004 г. лидировали Китай (40%), США (14%), Республика Корея (11%) и Япония (10%). Основное размещение предприятий с китайскими инвестициями: в Амурской области, ЕАО, Приморском и Хабаровском краях.

Если в первой половине 1990-х гг. иностранные инвестиции концентрировались в сфере торговли и услуг, то в начале XXI в. выявилась тенденция вовлечения их в производственный сектор. В 2004 г. в него уже было вложено 95% иностранных инвестиций, преимущественно на экспорт — в отрасли топливно-энергетического комплекса, горнодобывающей и лесной промышленности.

В 2005 г. рост иностранных инвестиций по сравнению с предыдущим составил 17%. Наиболее притягательной оказалась для иностранных инвесторов Сахалинская область, куда в 2005 г. было вложено 81,9% всех иностранных инвестиций Дальневосточного федерального округа (в 2004 г. — 77,4%). В развитие экономики Республики Саха (Якутия) было вложено 11,3% (16,4%), Хабаровского края — 4,1% (1,9%), Приморского края — 0,5% (1,9%), Камчатской области — 0,5% (0,8%) и Магаданской — 0,1% (0,7%). Доля Амурской области составила 1,6% от всех иностранных вложений в округ.

Таблица 1.

Динамика поступления иностранных инвестиций²⁴ (млн долларов США)

	2000	2001	2002	2003	2004	2005
Российская Федерация, млн долларов США	10958	14258	19780	29699	40509	53651
Дальневосточный федеральный округ	577,16	766,84	1141,46	2846,81	5072,48	5934,67
Республика Саха (Якутия)	159,57	144,47	291,27	596,75	834,39	669,01
Приморский край	78,06	108,55	57,25	62,69	97,89	30,38
Хабаровский край	27,20	19,89	33,34	27,44	96,21	245,55
Амурская область	4,53	0,20	5,23	16,00	42,72	95,33
Камчатская область	29,44	78,37	42,67	52,77	39,64	28,07
Магаданская область	27,73	26,42	4,58	7,46		28,09
Сахалинская область	250,56	388,90	706,67	2083,90	3927,14	4861,56
Еврейская АО	0,06	0,13	0,43	0,53	0,47	1,86

Уровень развития благоприятного инвестиционного климата существенно зависит от ситуации в регионе, а следовательно, от политики местных властей. В регионах Дальневосто́чья принимаются и совершенствуются специальные инвестиционные законы.

В 2000 г. принят закон Хабаровского края об инвестиционной деятельности²⁵. Им определены меры краевой государственной и муниципальной поддержки инвестиционной деятельности в крае, разработана система льгот и гарантий (в том числе правовых) для субъектов инвестиционной деятельности. В июне 2003 г. на расширенном заседании Правительства Хабаровского края были утверждены основные направления инвестиционной политики в Хабаровском крае²⁶. Здесь созданы Консультативный совет по иностранным инвестициям при главе администрации края, а также первое на Дальнем Востоке Агентство по привлечению иностранных инвестиций²⁷.

Амурской области не удалось привлечь к себе внимание крупных инвесторов. Потенциальные китайские инвесторы испытывают огромные трудности, сталкиваясь с неразвитостью механизмов реализации и защиты их интересов, отсутствием сервисных структур, обслуживающих процесс вхождения в российский бизнес.

Инвестиционная привлекательность регионов складывается из инвестиционного потенциала и инвестиционных рисков²⁸. Согласно данным рейтингового агентства "Эксперт РА", которые проводит журнал "Эксперт" (№ 44, ноябрь 2005 г.), Амурская область по инвестиционному потенциалу²⁹ в 2005 г. занимала 54-е место среди регионов Российской Федерации (в 2004 г. — 50-е). По инвестиционному риску — 68-е место (в 2004 г. — 53-е).

Здесь на 2004 г. было создано 114 предприятий с иностранными инвестициями, но фактически работают только 26, в том числе 21 — с китайским капиталом³⁰.

В области приняты и действуют законодательные акты, способствующих привлечению инвестиций, среди них — закон "Об инвестиционной деятельности в Амурской области", постановление губернатора "О фонде развития производства Амурской области".

По-прежнему одним из самых привлекательных для иностранных инвесторов в регионе является Приморский край. Это связано с близостью к японскому, корейскому и китайскому рынкам, наличием железных дорог и незамерзающих портов; выходом транспортной инфраструктуры на Транссибирскую магистраль; высоким образовательным уровнем населения и специальной подготовки рабочих и инженерно-технического персонала. Привлекательности региона способствуют также развитая судостроительная, авиастроительная и оборонная промышленность; высокий потенциал рыбодобывающей и рыбообрабатывающей индустрии; большие запасы деловой древесины; значительные запасы полезных ископаемых.

До 1997 г. процесс поступления инвестиций в край из-за рубежа нарастал, но в 1998 г. произошло их снижение. По данным Приморского комитета статистики на 01.01.2005 в крае было зарегистрировано 595 предприятий с иностранными инвестициями. Большинство из них создано при участии КНР, США, Республики Корея и Японии. Основные направления деятельности предприятий: торговля, строительство, грузовые перевозки, общепит, гостиничный сервис, сельское хозяйство, лесопереработка.

Администрация Приморского края свою задачу видит в создании благоприятного инвестиционного климата для поступления зарубежного капитала. По информации Государственной регистрационной палаты при Министерстве Юстиции РФ Приморский край занимает 3-е место в России по количеству зарегистрированных и внесенных в Государственный реестр предприятий с иностранными инвестициями, уступая только Москве и Республике Ингушетия. Таковых на территории края зарегистрировано к началу 2004 г. и внесено в Государственный реестр 1125, или 3/4 от общего числа в Дальневосточном регионе³¹. Приморский край занимает 3-е место в России и по числу действующих совместных и иностранных предприятий, уступая лишь Москве и Санкт-Петербургу.

В Еврейской автономной области в 2005 г. были приняты закон "О государственной поддержке инвестиционной деятельности, осуществляемой в форме капитальных вложений, на территории Еврейской автономной области", постановление губернатора "О предоставлении государственной поддержки инвестиционных проектов на территории Еврейской автономной области", распоряжение губернатора "О создании инвестиционного совета Еврейской автономной области"³².

Практически все инвестиции поступают в ЕАО из Китая, проявляющего интерес к ее природным ресурсам. (разведка и добыча нефти, марганца, золота и

железной руды, заготовка и переработка леса). Китайские компании инвестируют также в сельское хозяйство. Они арендуют почти 13 тыс. га земли, где выращивают овощи, пшеницу, ячмень, рис, кукурузу на зерно, а в основном сою. По данным на 2004 г. в ЕАО зарегистрировано 96 предприятий с иностранными инвестициями, но действуют из них примерно 50%³³.

В целом, можно даже говорить об определенном соперничестве региональных инвестиционных законодательств в создании более благоприятных условий для деятельности иностранных инвесторов.

1. Указ Президента РСФСР от 15 ноября 1991г. № 213 "О либерализации внешнеэкономической деятельности на территории РСФСР" // Российская газета. М., 1991. 19 ноября.
2. Соглашение о совместном строительстве мостового перехода через р. Амур в районе городов Благовещенск — Хэйхэ от 26 июня 1995 г. между Правительством РФ и Правительством КНР. — <http://www.mid.ru>
3. Амурская область — Китай: сферы сотрудничества. Благовещенск: Амурстат, 2006. С. 9.
4. Начиная с 1998 г. Китай осуществляет программу сохранения лесов: запрещаются рубки в истоках крупных рек и ограничена заготовка в северо-восточном Китае. Для стимулирования его ввоза Правительство Китая отменило монополию на импорт необработанной древесины и установило нулевые пошлины на ввозимую древесину и пиломатериалы.
5. Амурская область — Китай: сферы сотрудничества. Благовещенск: Амурстат, 2006. С. 50.
6. Справки, отчеты о состоянии внешнеэкономических и международных связей в Приморском крае за 1995—2000 гг. // Текущий архив администрации Приморского края.
7. Справки, отчеты о состоянии внешнеэкономических и международных связей в Приморском крае за 2004 г. // Текущий архив администрации Приморского края.
8. Справки, отчеты о состоянии внешнеэкономических связей в Приморском крае за 1994—2004 гг. // Текущий архив администрации Приморского края.
9. Краевая целевая "Программа международного и приграничного сотрудничества Приморского края на 2004—2010 гг." // Текущий архив администрации Приморского края
10. Справки, отчеты о состоянии внешнеэкономических и международных связей в Приморском крае за 2001—2004 гг. // Текущий архив администрации Приморского края.
11. Дипломатические отношения между Россией и Республикой Корея были установлены только в сентябре 1990 г. во время встречи министров иностранных дел в Нью-Йорке. В декабре 1990 г. состоялся официальный визит в нашу страну президента Республики Корея Ро Дэ У, по итогам которого подписаны Декларация об общих принципах отношений, а также межправительственные документы, регулирующие вопросы торгово-экономического экономического сотрудничества.
12. Государственный Архив Приморского края (ГАПК). Ф.1694. Оп.1. Д.99. Л.12.
13. "Владивостокское общество дружбы с Японией" зарегистрировано в 2001 году, однако деловые и дружеские контакты активистов Общества с Японией насчитывают около 10 лет. "Владивостокское общество дружбы с Японией" является общественной организацией и входит в состав общероссийского общества "Россия — Япония". Деятельность Общества направлена на развитие и укрепление добрососедских отношений, взаимопонимания, доверия, дружбы и сотрудничества между Японией и Россией.
14. Отчеты о состоянии международных связей Еврейской Автономной области за 1993—2005 гг. // Текущий архив правительства ЕАО.
15. Государственный архив Еврейской автономной области (ГАЕАО). Ф.302. Оп.3. Д.3. Л4-5.
16. Об открытии представительства г. Ичунь в Еврейской автономной области: соглашение между Правительством Еврейской автономной области РФ и Народным правительством г. Ичунь провинции Хэйлуцзян КНР от 4.03.2004 г. // Собрание законодательства Еврейской автономной области. 2005. № 9.

17. Об открытии представительства правительства г. Цзямусы в ЕАО: соглашение между правительством ЕАО РФ и Народным правительством г. Цзямусы провинции Хэйлунцзян КНР от 5.02.2004 г. // Собрание законодательства Еврейской автономной области 2005. № 1.
18. Основные направления внешнеэкономической политики администрации Хабаровского края на 1999—2000 годы // Архив Губернатора и правительства Хабаровского края.
19. Внешнеэкономические связи территорий Востока России. 2005 год. // Текущий архив Межрегиональной Ассоциации экономического взаимодействия "Дальний Восток и Забайкалье"
20. Левингаль А.Б. Развитие внешнеэкономических связей Дальнего Востока России: проблемы и перспективы / А.Б. Левингаль // Проблемы Дальнего Востока. 2004. № 2. С. 70.
21. Дальний Восток России: экономическое обозрение.[текст] / под ред. д.э.н., проф. П.А. Минакира. Институт экономических исследований ДВО РАН, 1995. С. 81.
22. Закон "Об иностранных инвестициях в РСФСР" № 1545-1 от 4 июля 1991 года // "Ведомости СНДи ВС РСФСР" от 18.07. 1991 г. № 29 СТ.1008.
23. Федеральный закон "Об иностранных инвестициях Российской Федерации" от 9 июля 1999 г. // Собрание Законодательства РФ. 1999. № 28. Ст.3493.
24. Амурская область — Китай: сферы сотрудничества [текст]. Благовещенск: Амурстат. 2006. С. 24.
25. Закон Хабаровского края "Об инвестиционной деятельности в Хабаровском крае" // Архив Губернатора и правительства Хабаровского края.
26. Основные направления инвестиционной политики Правительства Хабаровского края на 2003-2006 гг. и до 2010 года // Текущий архив правительства Хабаровского края.
27. Агентство имеет свой сайт — <http://www.fipa.khv.ru>, на котором размещена информация об инвестиционной деятельности в крае, а также предложения к сотрудничеству.
28. Инвестиционный потенциал (инвестиционная емкость области) определяется значениями восьми частных потенциалов: ресурсно-сырьевого, трудового, производственного, инновационного, институционального, инфраструктурного, финансового и потребительского. Инвестиционный риск характеризует вероятность потери инвестиций и дохода от них. См: Амурская область Китай: сферы сотрудничества. Благовещенск: Амурстат. 2006. С. 53.
29. В разрезе составляющих инвестиционного потенциала Амурская область среди регионов РФ в 2005 году по трудовому потенциалу (трудовые ресурсы и их образовательный уровень) занимала 58 место; потребительскому (совокупная покупательная способность населения) — 58 место; производственному (совокупный результат хозяйственной деятельности населения в регионе) — 60 место; финансовому (объем налоговой базы и прибыльность предприятий региона)— 61 место; инновационному (уровень внедрения достижений научно-технического прогресса) — 71 место; инфраструктурному (экономико-географическое положение региона и его инфраструктурная обеспеченность) — 65 место; природно — ресурсному (средневзвешенная — обеспеченность балансовыми запасами основных видов природных ресурсов) — 12 место; туристическому — 66 место.
30. Амурская область — Китай: сферы сотрудничества. Благовещенск: Амурстат. 2006. С. 24
31. Справки о поступлении инвестиций за 2004 г. // Текущий архив администрации Приморского края
32. <http://www.eao.ru/?p=424><http://www.eao/?p=424>
33. Справки, отчеты о состоянии внешнеэкономических связей в ЕАО за 2004 г. // Текущий архив правительства ЕАО.

Государство и право

Развитие законодательной базы районной национальной автономии в Китае

© 2007

Т. Лазарева

В последнее время в китайской печати стало появляться все больше материалов, посвященных увязке "национальной работы" (*миньцзу гуицзо*), т.е. практики решения национального вопроса, с установкой о построении гармоничного общества, выдвинутой Ху Цзиньтао.

Как отмечают китайские средства массовой информации, от результатов проведения национальной работы зависит стабильность государства и сплоченность всех национальностей страны. В настоящее время главным фактором влияния на национальные отношения является отставание в темпах развития районов проживания неханьцев от ханьских провинций. Ускоренное развитие экономики национальных районов, по мнению китайского руководства, — единственный путь решения проблемы отсталости, что позволит кардинально улучшить ситуацию в деле сплочения национальностей.

Выступая на Всекитайском совещании глав местных комитетов по делам национальностей (2005 г.) председатель Государственного комитета по делам национальностей Ли Дэчжу остановился на вопросах ускорения развития национальных районов, что отвечает требованиям самих неханьцев.

Ли Дэчжу обратил внимание на то, что если длительное время не решать проблему увеличивающегося разрыва в уровнях развития национальных районов и передовых ханьских провинций, то в результате могут возникнуть весьма негативные последствия и в плане реализации сяожана, и в психологическом дисбалансе у национальных кадров и масс, в попытках внутренних и внешних враждебных сил воспользоваться теми или иными негативными явлениями с подрывными целями. Он призвал внимательно отнестись ко всем вопросам ускорения развития национальных районов, искать новые идейные подходы к решению проблем. Если в Китае как многонациональном государстве, — отметил Ли Дэчжу, — не будет "великой сплоченности национальностей", не будет и социальной гармонии и стабильности.

В связи с этим, большие надежды возлагались на планы большого освоения Запада, так как в Западном Китае проживает большая часть неханьского населения. Из всех 30 автономных национальных округов КНР 27 находятся в западных регионах. Поэтому большое освоение западных регионов является не только стратегией экономического развития всей страны в XXI в., но и важным направлением в национальной работе и в определенной мере в решении национальных проблем.

“Стратегия осуществления большого освоения Запада” была выдвинута 22 сентября 1999 г. IV пленумом ЦК КПК 15-го созыва. Китайские исследователи отмечают, что освоение Запада является чрезвычайно сложной задачей и рассчитано на достаточно длительный период времени, так как требует тщательной подготовки, продуманного планирования. Еще в 1999 г. Цзян Цзэминь не раз говорил, что условия для ускоренного развития центральных и западных регионов уже налицо, что “отныне это должно стать большой стратегической задачей партии и государства”¹.

Стержнем освоения западных регионов должно стать экономическое строительство с наиболее полным учетом местных особенностей и, в частности, использованием ресурсных преимуществ этих районов. Наличие таких преимуществ отличает эти районы от передовых восточных. Но по состоянию экономики, науки и техники, образования, культуры, жизненного уровня эти районы намного уступают восточным. И в условиях рынка ликвидировать это отставание непросто. В настоящее время в Китае активно прорабатываются конкретные меры по наиболее рациональному решению этих проблем.

Таким образом, одной из главных задач является сокращение разрыва между национальными районами и развитыми провинциями Китая, создание условий для ускоренного социально-экономического развития районов проживания неханьских национальностей. Большое освоение Запада, как отмечается китайскими авторами, должно способствовать дальнейшему усилению сплоченности национальностей, укреплению социальной стабильности и безопасности в пограничных районах².

В выступлениях руководящих деятелей КНР подчеркивалось, что институциональной гарантией построения социалистического общества должна быть система районной национальной автономии, всякие сомнения или даже отрицание этой системы опасны и ошибочны. Поэтому задача на ближайшие годы состоит в совершенствовании этой системы. Такое совершенствование должно осуществляться на базе последовательной реализации Закона КНР о районной национальной автономии.

Эта точка зрения также нашла отражение и в докладе Вэнь Цзябао о работе правительства на 5-й сессии ВСНП 10-го созыва 5 марта 2007 г. Так, Вэнь Цзябао призвал “целиком и полностью претворяя в жизнь Закон о районной национальной автономии, крепить и развивать межнациональные социалистические отношения равноправия, сплочения, взаимной помощи и гармонии”³.

Напомню, что принятый сессией ВСНП (1984 г.) и вошедший в силу 1 октября 1984 г. Закон о районной национальной автономии был полностью основан на соответствующих положениях Конституции 1982 г. и на тот период времени являлся прогрессивным правовым документом⁴. Произшедшие в стране в последние годы серьезные перемены изменили, как подчеркивают китайские исследователи, саму государственную ситуацию (*гоцин*). Выявились определенные недостатки Закона, хотя концептуально он и был признан вполне приемлемым, но в то же время он уже не отвечал требованиям современности. Кроме того, со

времени принятия в 1982 г. Конституции КНР в нее трижды вносились изменения, и это также требовало соответствующих корректировок Закона. Наконец, необходимо было значительно усилить Закон в плане его направленности на ускорение процессов экономического и культурного развития национальных районов. Все это настоятельно требовало его пересмотра, внесения в его текст соответствующих поправок, уточнений и дополнений.

Вот почему в повестке дня законодательного строительства на рубеже XXI в. встал вопрос о его пересмотре.

В новой редакции Закон КНР о районной национальной автономии был принят 20-й сессией ПК ВСНП 9-го созыва 28 февраля 2001 г.⁵

Новая версия Закона о районной национальной автономии включает 74 статьи (было — 67). В ряд статей введены дополнения, изменены многие формулировки, некоторые положения расширены с тем, чтобы привести Закон в соответствии с теми большими переменами, которые произошли в стране в связи с переходом к рынку.

Наибольшее количество изменений коснулось Главы III, посвященной правам самоуправления, и Главы VI, в которой излагаются полномочия и обязанности вышестоящих государственных органов в их взаимоотношениях с районами национальной автономии.

Сохранен без изменений характер Закона, относящегося к категории основных законов (*цзибэнь фалюй*). Это означает, что многие его положения формулируются в виде общих принципов, иначе говоря, без той степени конкретизации, которая требуется для их реализации в различных по местным условиям районах национальной автономии (а их, напомним, насчитывается 159). Прежний вариант Закона не был снабжен в достаточной мере подобными сопутствующими правовыми актами. И это затрудняло его исполнение, на что в прошлом в КНР не раз обращалось внимание. С целью устранения этого недостатка, в Главу VIII нынешней редакции Закона введена новая статья (статья 73), обязывающая Госсовет и его ведомства обеспечивать разработку дополняющих Закон сопутствующих законодательных установлений, регулирующих порядок и механизм реализации Закона о районной национальной автономии.

Важным моментом пересмотренного Закона является сохранение концептуально-теоретических основ системы районной национальной автономии. Иначе говоря, у районной национальной автономии, с одной стороны, по-прежнему сохраняется административный статус, не допускающий привнесения признаков государственности. С другой стороны, в целом сохраняются неизменными и рамки самоуправления, не позволяющие квалифицировать существующую систему как широкую автономию. То есть принцип районной национальной автономии как автономии административной, исключающей признание права неханьских национальностей КНР на самоопределение, сохраняется в прежнем виде.

В тексте раздела "Введение", появились новые установки, касающиеся направления проводимых в стране реформ и строительства социализма с китайской спецификой, утвердившихся в КНР в последние годы ушедшего века. В частности, в тексте данного раздела присутствуют упоминания о "теории Дэн Сяопина", "реформах и открытости", "развитии социалистической рыночной экономики", "усилении социалистического демократического и правового строительства", а также об "усилении строительства социалистической духовной цивилизации".

Наиболее существенные изменения внесены в статьи, касающиеся финансовой поддержки, увеличения вложений капиталов, с целью способствовать

ускорению экономического и социального развития национальных районов. Особое внимание обращено на наращивание помощи бедным национальным районам. Оговаривается необходимость поощрять развитие экономики “необщественных форм собственности” (статья 26). Статьей 35 устанавливается право районов национальной автономии “учреждать местные коммерческие банки”, местные “кредитные организации на кооперативных началах”, руководствуясь при этом общим законодательством.

В новой редакции Закона обращено особое внимание на вопросы инвестирования капиталов, банковской поддержки национальных районов, создания в них базовой инфраструктуры, создание рынков, коммерческих банков, городских и сельских кредитных организаций (см., например, ст. 56, 57 и др.).

Важным явилось включение в новую редакцию Закона о районной национальной автономии ст. 65 о необходимости предоставления дотаций районам национальной автономии, из которых на протяжении многих лет осуществлялся вывоз природных ресурсов в другие районы страны без какой-либо компенсации со стороны государственных органов.

В текст Закона также добавлено важное положение, направленное на борьбу с бедностью. Как говорил в “пояснениях” по проекту пересмотренного Закона заместитель председателя ПК ВСНП Темур Давмат (октябрь 2000 г.), бедные национальные районы все еще охватывают значительные территории и численность бедного населения в них велика. Расходы национальных районов из года в год превышают доходы. Им приходится существовать за счет государственных дотаций⁶. Статья о борьбе с бедностью включена и в “Установления Госсовета о проведении в жизнь “Закона КНР о районной национальной автономии” (2005 г.), о чем речь пойдет ниже. О нищенском существовании многих неханьских национальностей еще в 2005 г. говорил и председатель Государственного комитета по делам национальностей Ли Дэчжу. Таким образом, эта проблема остается в числе нерешенных и, на наш взгляд, решение ее в ближайшей перспективе по-прежнему будет актуальным.

Большой блок вопросов посвящен образованию и культуре. Здесь прежде всего нужно отметить, что согласно статье 37, устанавливается девятилетнее школьное образование в качестве обязательного (в Законе о районной национальной автономии 1984 г. обязательным считалось шестилетнее начальное образование). Согласно этой статье органам самоуправления вменяется в обязанность “использовать многообразные формы для распространения общего среднего образования высшей ступени и среднего профессионального и технического образования, а также, с учетом условий и потребностей, развивать высшее образование”. Здесь же конкретизируются меры, касающиеся совершенствования организации школьного образования в скотоводческих и горных районах, испытывающих экономические трудности и имеющих малочисленное население.

Кроме того, в новой редакции Закона государство обязуется усилить поддержку делу образования, науки и техники, культуры, здравоохранения и физической культуры неханьцев (ст. 64, 71). Не остался без внимания вопрос подготовки учителей из представителей неханьских национальностей. По Закону на развитие национальной литературы, искусства, интенсификацию строительства в области культуры значительно увеличиваются ассигнования со стороны государства.

Таковы наиболее существенные нововведения и отличия от Закона 1984 г., нашедшие отражение в новой редакции Закона КНР о районной национальной автономии. При сравнении очевидно, что новый Закон выгодно отлича-

ется от его первоначальной версии, и по своей сути нацелен на ускоренное развитие национальных районов, указывает пути преодоления трудностей и сокращения разрыва между национальными районами и экономически развитыми районами страны. Новая редакция Закона, безусловно, является одним из важнейших достижений национально-правового строительства в КНР. И можно согласиться с утверждениями китайских руководителей, что принятие прересмотренного Закона КНР о районной национальной автономии 2001 г. — важный шаг в укреплении единства Китая, усилении сплоченности национальностей и сохранении социальной стабильности.

В то же время, как показал ход событий, процесс совершенствования системы районной национальной автономии продолжает сталкиваться с целым рядом имеющихся старых и возникающих в ходе проведения национальной политики новых моментов. По-прежнему основное влияние на характер межнациональных отношений оказывает экономический фактор, т.е. наличие дисбаланса в уровнях развития различных провинций. Большая часть неханьских народных масс продолжает находиться в состоянии бедности. По словам председателя Государственного комитета по делам национальностей Ли Дэчжу, в национальных районах страны продолжают иметь место трудности с едой (*чифань нань*), с учебной детей школьного возраста (*шан сюэ нань*), с медицинским обслуживанием (*кань бин нань*) и целый ряд других негативных явлений, сопутствующих бедности.

Другой немаловажный фактор, влияющий на общую ситуацию в национальных районах и в стране целом, связан с положением в Тибете и Синьцзяне (двух крупнейших по территории автономных района страны), в которых нерешенные социальные вопросы являются благодатной почвой для подрывной деятельности сепаратистских сил и создания неблагоприятной ситуации. Наличие подобных факторов, проблема межнациональной сплоченности по-прежнему является предметом постоянного внимания КПК. Уровень сплоченности, насколько можно судить, все еще не удовлетворяет китайское руководство и дело сплочения продолжает оставаться одной из наиболее животрепещущих проблем, решение которой связано с вполне понятными объективными трудностями. Положительным моментом, безусловно, является постановка решения этой проблемы во главу национальной политики, наличие программы действий, поддерживающей стабильность в стране.

В связи с этим, немаловажным событием явилось обнародование “Установлений Госсовета о проведении в жизнь “Закона КНР о районной национальной автономии”. Указ 435 Госсовета относительно обнародования “Установлений” был подписан премьером Госсовета Вэнь Цзябао 19 мая 2005 г. и с 31 мая 2005 г. вступил в действие¹.

“Установления” состоят из 35 статей, в которых даются предписания народным правительствам всех ступеней, вышестоящим правительствам (по отношению к районам национальной автономии), народным правительствам районов национальной автономии, народным правительствам провинциальной ступени, /центральный/ государственным органам, вышестоящим финансовым органам о проведении ими конкретных мероприятий в сфере национальной политики.

Статья 1 гласит: “Установления” разработаны и призваны содействовать “ускорению экономического и социального развития районов национальной автономии, усилению сплоченности национальностей, стимулированию совместного процветания всех национальностей на основе “Закона о районной националь-

ной автономии”, пресекать действия, подрывающие сплоченность национальностей и ведущие к их расколу. “Защита единства отечества и сплоченности национальностей, — записано в документе, — является долгом и обязанностью граждан”.

Документ охватывает все стороны жизни национальных районов страны — политику, экономику, культуру, образование, здравоохранение, сохранение национальных языков и письменностей, сохранение и культивирование национальных обычаев, различных сторон быта и уклада жизни, издание литературы на языках неханьских национальностей, подготовку кадровых работников, учителей, владеющих как путунхуа, так и местными диалектами, рабочих различных специальностей, а также социальную сферу, включая обеспечение беднейших слоев неханьского населения одеждой и питанием.

В данной публикации не ставится цель охарактеризовать и проанализировать все статьи “Установлений”, акцент будет сделан лишь на некоторых, которые, как представляется, дадут наиболее полное представление об этом документе.

В частности, большой блок статей “Установлений” связан с экономическими и финансовыми мероприятиями, направленными на развитие национальных районов, на преодоление в них бедности.

Так, статьей 5 предписывается вышестоящим народным правительствам и находящимся в их компетенции ведомствах при разработке долгосрочных планов экономического и социального развития в обязательном порядке учитывать мнения районов национальной автономии и ведомств, осуществляющих национальную работу, поддерживать и помогать им в расширении строительства инфраструктуры, освоении людских и природных ресурсов, расширении открытости внешнему миру, упорядочению и оптимизации экономической структуры, рациональному использованию природных ресурсов, в усилении экологического строительства и охраны окружающей среды, ускорении развития экономики, образования, науки и техники, культуры, здравоохранения, физической культуры, в реализации всестороннего, скоординированного, непрерывного развития.

Как записано в “Установлениях”, стратегия реализации государством масштабного освоения Запада “стимулирует ускоренное развитие районов национальной автономии”. Причем подчеркивается, что автономным образованиям, не входящим в рамки действия программы освоения Запада, будет оказываться поддержка, “сопоставимая с той, которая предусматривается политикой в районах Запада”.

При этом оговаривается, что при строительстве объектов инфраструктуры, определяемых государством и требующих долевого фондового участия районов национальной автономии, доля фондового участия последних соответствующим образом снижается. Освобождаются от участия в комплексных фондах уезды районов национальной автономии, входящие в категорию бедных и пользующиеся государственными дотациями, а также уезды, испытывающие финансовые трудности, и те, которые не в состоянии выдержать большую финансовую нагрузку. Особо подчеркивается, что при строительстве объектов инфраструктуры, относящихся к внутреннему ведению, доля финансирования определяется центральным и провинциальным народными правительствами в соответствии с общей сметой расходов, а при строительстве объектов, находящихся в ведении центра, доля финансового участия определяется центральными финансовыми органами.

Развитию торговли в приграничных районах и в районах проживания неханьских национальностей посвящены ст. 12—14. В них говорится, что государ-

ство поддерживает развитие торговли в национальных районах, придерживается политики преференций в отношении развития производства продукции, в которой нуждаются представители неханьских национальностей, продукции традиционных промыслов, поощряет развитие технико-экономического сотрудничества приграничных районов с соседними странами, а также приграничную торговлю. Приграничным районам национальной автономии разрешается создавать торговые районы приграничной торговли с санкции Госсовета.

Целый блок вопросов посвящен проблемам образования и культуры (ст. 19—25). Согласно этим статьям, государство обязано “распространять обязательное девятилетнее школьное образование, искоренять неграмотность у молодежи и взрослых, постоянно улучшать условия работы школ, всемерно создавать в районах национальной автономии системы заочного обучения”; в развитых районах в средних общеобразовательных школах создавать специальные группы для лиц неханьских национальностей.

Государство также обязуется “поддерживать районы национальной автономии в развитии профессионального образования с учетом местных особенностей, в развитии среднего образования высшей ступени и современного образования, рассчитанного на перспективу, в содействии развитию базового образования, образования взрослых и профессионального образования на селе”.

С этой целью в статье 20 “Установлений” финансовым органам Центра предписывается учреждать специальные дотационные фонды для поддержки дела образования неханьских национальностей, а местным финансовым органам соответственно распределять эти фонды.

Отдельная статья посвящена получению высшего образования представителями неханьских национальностей, условиям их поступления в высшие учебные заведения страны, по которым в отношении неханьских национальностей проводится особая политика “послабления при начислении им баллов во время сдачи экзаменов в высшие учебные заведения”. (Напомним, что подобная политика преференций при поступлении в высшие учебные заведения проводилась в Китае в 90-х годах, в настоящее время с переходом на платное обучение во многих вузах страны эта мера не действует. Политика преференций связана со слабостью базового образования в национальных районах и значительным разрывом в развитии среднего и высшего образования в районах национальной автономии и внутренних провинциях страны. Включение в “Установления” этого положения, как представляется, откроет доступ многим представителям неханьских национальностей к получению высшего образования (*Прим. авт.*). Кроме того, рекомендуется создавать подготовительные и национальные группы при институтах национальностей и общеобразовательных школах высшей ступени в масштабах всей страны, которые позволят неханьцам улучшить знание китайского языка, на котором ведется преподавание в ведущих вузах страны.

Согласно статье 22 “государство обеспечивает всем национальностям свободу употребления и развития собственных языков и письменностей”, “распространяет общеупотребительный язык *путунхуа* и стандартную китайскую иероглифику”, “поощряет граждан различных национальностей в национальных районах изучать языки и письменности друг друга”.

Далее в этой же статье говорится, что государство способствует “постепенному распространению в районах национальной автономии “двуязычного обучения” на языках неханьских национальностей и ханьском языке, изданию учебных

пособий и литературы на языках малых народностей, помогает в подготовке преподавателей, владеющих и ханьским, и местными национальными диалектами.

Следующие статьи предписывают государству и вышестоящим народным правительствам создавать системы научно-технического обслуживания, системы распространения научных знаний, поддерживать развитие дела культуры неханьских национальностей в районах национальной автономии, переводческую деятельность и издание литературы на языках неханьских национальностей, развитие прессы и издательского дела, налаживание радиовещания, кинофикации, телевидения на языках неханьских национальностей, сохранять наследие нематериальной и материальной культуры малых народностей.

Специальной статьёй вышестоящим народным правительствам предписывается осуществлять руководство в выработке планов подготовки специалистов различных профилей и специальностей из представителей неханьских национальностей. В этой же статье отмечается, что государство "поощряет и поддерживает" специалистов, направляющихся в районы национальной автономии для работы, создает им необходимые для проживания и работы условия, а приезжающим с семьями и детьми в районы национальной автономии, расположенные в отдаленных местностях и в высокогорных районах с тяжелыми условиями, создает условия для работы членов их семей и учебы детей.

В "Установлениях" определенное место уделено созданию системы здравоохранения. Так, в статье 26 вышестоящим народным правительствам рекомендуется:

- наращивать финансовые вложения в создание системы общественного здравоохранения в районах национальной автономии,
- принимать эффективные меры по профилактике и контролю инфекционных заболеваний,
- создавать и совершенствовать сельское медицинское обслуживание,
- снижать расходы на медицину бедных народных масс,
- повышать уровень здоровья всех национальностей.

Представляет интерес Положение, по которому вышестоящим народным правительствам предписывается вырабатывать политику преференций, поощрения районов национальной автономии при проведении планового деторождения.

Контроль за выполнением "Установлений", за результатами проведения их в жизнь, как явствует из ст. 30, возлагается на народные правительства соответствующей ступени. Последние в свою очередь с учетом текущей ситуации отчитываются перед Госсоветом.

За нарушение финансовой дисциплины, за использование не по назначению финансовых средств, выданных на развитие экономики национальных районов, за халатное исполнение служебных обязанностей предусматриваются различные административные наказания, вплоть до привлечения к уголовной ответственности. Подобные меры распространяются на аппарат административных органов народных правительств всех ступеней, на лиц, непосредственно причастных к указанным правонарушениям.

Таково содержание "Установлений Госсовета о проведении в жизнь "Закона КНР о районной национальной автономии". Из вышеизложенного видно, что документ значительно конкретизировал и расширил многие статьи Закона о районной национальной автономии 2001 г., что безусловно, будет способствовать дальнейшему совершенствованию системы районной национальной автономии.

С целью популяризации и разъяснения основных положений “Закона КНР о районной национальной автономии” Госсоветом КНР в том же году (2005 г.) опубликована Белая книга “Осуществление районной национальной автономии в Китае”, которая знакомит читателей с историей создания и развития в Китае системы районной национальной автономии. В частности, в книге говорилось, что принятие в 1984 г. Закона о районной национальной автономии и введение его в действие явилось значительным шагом вперед по сравнению с прежним законодательством, что положило начало разработке на местах положений об автономии, в которых конкретизировался порядок реализации прав и полномочий, предоставленных государственным законодательством органам самоуправления, а также регулировалась их организационная деятельность¹.

В Белой книге подчеркивалось, что система районной национальной автономии рассматривается в КНР в качестве главного канала реализации национальной политики партии государства. Особенность этой системы, осуществляемой в КНР, заключается в наличии у нее чисто административного характера и отсутствии каких-либо признаков государственности. Эти качества призваны служить сохранению территориального единства страны. Все единицы национальной автономии считаются неотъемлемыми частями КНР, что закреплено в законодательном порядке. В то же время, располагая правами административного самоуправления, местные органы власти в районах национальной автономии обеспечивают малым народам возможность самостоятельно решать многие внутренние вопросы своего жизнеустройства с учетом собственных традиций и специфики. Сообщалось, что в настоящее время в КНР насчитывается 5 автономных районов (соответствующих провинциям), 30 автономных округов и 120 автономных уездов. Кроме того, еще имеется 1173 национальных волостей. Столь значительное число автономий — следствие особенностей территориального распределения национальностей, многие из которых рассредоточены по различным регионам Западного Китая.

Кроме того, было указано, что оказание помощи районам национальной автономии в ускорении их развития является юридическим долгом страны. Приводятся примеры экономических достижений в развитии национальных районов в деле претворения в жизнь стратегии крупномасштабного освоения западных районов Китая. Как говорится в Белой книге, до образования КНР районы, где сегодня действует национальная автономия, характеризовались отсталостью производства и низким уровнем жизни. За истекшие 50 с лишним лет социальные условия проживающих в районах национальной автономии граждан “изменились до неузнаваемости”.

Здесь также отмечалось, что Китай непрерывно увеличивает финансовую поддержку районов национальной автономии, уделяет большое внимание охране окружающей среды, принимает специальные меры по развитию образования, ликвидации нищеты и расширению открытости и связей с внешним миром.

Подводя итог вышеизложенному, следует обратить внимание на тот факт, что ввод в действие пересмотренного Закона о районной национальной автономии (2001 г.), обнародование “Установлений Госсовета о проведении в жизнь “Закона КНР о районной национальной автономии” (2005 г.), а также публикация Белой книги “Осуществление районной национальной автономии” (2005 г.), несомненно, способствуют совершенствованию системы районной национальной автономии, потенциальные возможности которой в полной мере еще не раскрыты, популяризации этих важных для национальных районов законодательных ак-

тов. Национальная работа являет собой сложный комплексный конгломерат, затрагивающий политику, экономику, культуру, религию, обычаи, социальные стороны жизни, и является залогом межнациональной сплоченности и стабильности в государстве. Но насколько можно судить по китайским материалам, национальная работа все еще не удовлетворяет китайское руководство. Столь пристальное и широкое внимание к положению в национальных районах, на наш взгляд, свидетельствует об озабоченности китайского руководства состоянием и положением дел в районах проживания неханьских национальностей. Несмотря на стремительный экономический рост, Китай, на наш взгляд, еще не в состоянии поднять экономику национальных районов, реально повысить культурный, образовательный и социальный уровень малых народностей страны.

Решение национальных проблем — это долговременная и сложная задача для руководства не только Китая, но и руководителей многих других государств мира. Оно диктуется различными условиями, и нельзя прогнозировать сроки их решения. Ясно лишь одно, что китайское руководство предпринимает усиленные действия по сохранению целостности страны, стабильности в государстве и находится в поисках путей их разрешения.

1. Миньцзу вэньти яньцзю. 2001. № 8. С. 16—17.
2. Миньцзу вэньти яньцзю. 2001. № 1. С. 61—62.
3. Жэньминь жибао. 2007. 5 марта.
4. Чжунхуа Жэньминь Гунхэго миньцзу цюйюй цзычжи фа [Закон КНР о районной национальной автономии] // Жэньминь жибао. 1984. 4 июня.
5. Чжунхуа Жэньминь Гунхэго миньцзу цюйюй цзычжи фа [Закон КНР о районной национальной автономии]. Пекин, 2001. С. 12—33.
6. Даамат Т. Гуаньюй “Чжунхуа Жэньминь Гунхэго миньцзу цюйюй цзычжи фа сючжэньань (цаоань)” дэ шомин [Пояснения по “Исправленному проекту Закона КНР о районной национальной автономии” [23 октября 2000 г.] // Там же. С. 34—44.
7. Вэнь Цзябао. Гоуюань шиши “Чжунхуа Жэньминь Гунхэго миньцзу цюйюй цзычжи фа” жогань гуйдин” [Установления Госсовета о проведении в жизнь “Закона КНР о районной национальной автономии”] // Жэньминь жибао. 2005. 27 мая.
8. Для сведения, по данным, опубликованным в 1992 г., в КНР вступили в действие 25 положений об автономии автономных округов и 82 положения об автономии автономных уездов (Миньцзу туаньцзе. 1992. № 3. С. 10) (при наличии в стране в указанный период 157 единиц районов национальной автономии различных ступеней (Жэньминь жибао. 1994. 22 сентября). Таким образом, к началу 90-х годов у районной национальной автономии появилась правовая база, которой в прошлом она никогда не располагала.

Правовое обеспечение государственно-административного управления современной Японии

© 2007

Н. Анисимцев

Деятельность исполнительной власти, государственно-административного управления (далее — ГАУ) носит многогранный характер и нуждается в различных формах обеспечения — право, финансы, информация. В этой деятельности исполнительная власть является не только объектом политического управления со стороны законодательной власти, но и сама выступает как активный субъект правового обеспечения ГАУ. Хотя в последние десятилетия в России подзаконная нормоустановительная деятельность органов исполнительной власти неоднократно подвергалась критике, в Японии этот вид управленческой деятельности, напротив, играл и играет значительную и благотворную роль.

Правовое обеспечение ГАУ является первым по важности управленческим процессом. К нему относятся и нормоустановительная, и регулирующая деятельность исполнительной власти, методы и процедуры правоприменительной деятельности.

Правовая система Японии в целом принадлежит к "континентальной системе": базовые нормы учреждения, организации и функционирования исполнительной власти страны определяются на основе Конституции 1947 г. и принимаемых парламентом законов (хорицу). Определенное значение имеют и судебные прецеденты, их значение существенно в определении методов и процедур ГАУ.

Судя по данным Ц. Инако, в Японии примерно 2/3 общего количества законов посвящены регулированию административной сферы¹.

Формы административной нормоустановительной деятельности

В современных условиях административно-управленческая деятельность характеризуется постоянным расширением сфер компетенции, растущей специализацией по видам деятельности, сферам, регионам. Правовые акты парламента — законы — не могут, не успевают учесть и тем более предпринять многие управленческие проблемы и решения. Поэтому в Японии широко развито так называемое "административное нормоустановление" (гёсэй-риппо), представляющее собой делегированное законодательство, или подзаконное нормоустановление.

Статья 73 Конституции Японии допускает помимо законов, издаваемых парламентом, "издание правительственных указов в целях проведения в жизнь положений настоящей Конституции и законов".

Анисимцев Николай Владимирович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра исследований Японии Института Дальнего Востока РАН.

Виднейший японский ученый-административист Сионо Хироси² предлагает следующую классификацию форм административно-правового регулирования процесса ГАУ. Это — административное нормоустановление, административные акты, административные договоры, административные планы, “административное руководство”.

Административное нормоустановление. В порядке административного нормоустановления органы исполнительной власти могут издавать “нормоустановительные предписания” (хоки-мэйрэй; далее — НП) и “административные правила” (гёсэй-кисоку).

Нормоустановительные предписания обладают внешними последствиями, они определяют отношения между субъектом административной власти и гражданским обществом, вносят самостоятельное содержание в права и обязанности граждан (помимо установленного законом), могут быть объектом рассмотрения и обжалования в суде.

НП основываются непосредственно на законе. По содержанию это регулирующие положения общего назначения, подлежащие в дальнейшем конкретному применению.

Существуют различные видовые классификации НП. Наиболее важное значение имеет подразделение НП по их отношению к закону (хорицу); а именно (выделяются “порученные предписания” (инин-мэйрэй) и “исполнительные предписания” (сикко-мэйрэй). “Порученные предписания” имеют материально-правовое содержание, касающееся прав и обязанностей граждан. Они призваны дополнять и конкретизировать содержание законов. К примеру, во исполнение закона о предотвращении загрязнения атмосферы издан указ канцелярии, устанавливающий предельно допустимые нормы выбросов в атмосферу. Поскольку порученные предписания касаются непосредственно прав и обязанностей граждан, они обязательно, как и законы, должны публиковаться. По форме порученные предписания обычно являются правительственными указами (сэйрэй), указами канцелярии кабинета (фурэй), министерскими указами (сёрэй), иногда извещениями (кокудзи).

“Исполнительные предписания” также относятся к типу НП, но по содержанию они не дополняют или уточняют материально-правовое содержание закона, а характеризуют процедуру исполнения закона.

“Административные правила” (гёсэй-кисоку) существенно отличаются от нормоустановительных предписаний. Они не имеют внешних последствий, не затрагивают непосредственно права и обязанности частных лиц, а предназначены регулировать внутренние нормы учреждения и функционирования административных субъектов. Они не имеют характера закона, и потому могут издаваться административными субъектами относительно свободно. Споры, связанные с административными правилами, обычно не подлежат судебному разбирательству.

Административными правилами охватываются вопросы регулирования деятельности любых административных органов, должностных лиц и учащихся, отдельных организаций. По содержанию они обычно предназначены для установления правил особого порядка (бубунтэки-гицудзё), например, правил функционирования учреждения; критериев комментирования (кайсяку-кидзюн), призванных обеспечить единообразное управление; критериев дискреции (сайрё-кидзюн), показывающих в каких случаях какие именно законы должны применяться; правил выплат (кюфу-кидзюн), поскольку закон не устанавливает, кому и какие суммы надлежит выплачивать; руководящих программ (сидо-ёко), призванных направлять административную опеку (“административное руководство”) государственных и региональных программ. По форме административные правила оформляются как инструкции (кунрэй), циркуляры (цутацу), программы (ёко). Из-

редка административные правила оформляются в виде извещения (кокудзи) (но извещения чаще обладают характером нормоустановительного предписания).

Административные акты. Административное правоприменительное действие, которое образует непосредственный эффект в конкретном случае, называется "административный акт" (гёсэй-кои). Административный акт является реализацией власти административного субъекта, он имеет конкретный, индивидуальный характер и предназначен для изменения прав и обязанностей сторон в процессе ГАУ.

Огава Масатоси приводит такие примеры административного акта: запрещение (киндзи), разрешение (кёка), освобождение (от налога и т.п.) (мэндзё), предоставление привилегии (токкё), санкция (нинка), подтверждение (какунин), нотариальное засвидетельствование (косё), уведомление (цути), принятие на рассмотрение (дзюри) и др.³

Административное действие, будучи, с одной стороны, конкретизацией норм закона и подзаконных административных предписаний и правил, с другой стороны, всегда предполагает возможность некоторой самостоятельности исполнителя: исполнитель объективно вынужден принимать самостоятельные решения в своей правоприменительной деятельности. Поэтому административное действие характеризуется той или иной степенью дискретности.

В современной Японии предпринимаются и меры по сокращению общего объема регулирования (лицензирования и проч.), что должно повлечь и сокращение применения административных актов.

Административные договоры. В Японии, как и других странах мира, все более широкое, растущее применение в административном процессе приобретают административные договоры (гёсэй-кэйяку).

Административный договор представляет собой форму административного действия, соглашение двух и более правовых субъектов, основанное на нормах права. Это может быть соглашение административных субъектов между собой, а также, соглашение административного субъекта с гражданскими субъектами. Обязательно одной из его сторон всегда является субъект публичного права.

Административная инстанция, как правило, устанавливает, изменяет и прекращает свои отношения прав и обязанностей с частными лицами в одностороннем, властном порядке. Однако в послевоенный период в связи с общей либеральной эволюцией норм государственной деятельности получили распространение нормы и практика достижения административных целей на основе не одностороннего, властного подхода, а на основе добровольных соглашений, заключаемых как с субъектами гражданского права, так и между субъектами публичной власти.

Например, если для строительства дороги, дамбы, парка требуется земля, то власти приобретают землю не путем принудительного отчуждения, а путем свободной покупки в соответствии с нормами гражданского права.

Административные договоры применяются в различных специальных сферах административного управления. Договоры широко распространены в сфере так называемого "подготовительного администрирования" (дзюмби-гёсэй), под которым понимаются приобретение земель и материальных ценностей для административной деятельности, управление государственным и муниципальным имуществом. В подготовительном администрировании применяемые административные правила обычно регулируют внутриадинистративные отношения, а отношения с "внешним", гражданским обществом регулируются на основе договоров. Административные договоры применяются и в "платном администрировании" (кюфу-гёсэй), "регулирующем администрировании" (кисэй-гёсэй).

Договоры применяются и между административными субъектами.

Теория административных договоров в Японии считается мало разработанной, тем не менее, количество административных соглашений в практике ГАУ растет. Это означает тенденцию к ограничению административно-командного регулирования и расширение сферы действия либеральных принципов гражданского общества.

Административные планы. Одним из инструментов ГАУ Японии является “административное планирование” (гёсэй-кэйкаку). Административным планированием называется форма административного действия, заключающаяся в установлении административными органами тех или иных целей, имеющих публичное значение, и в определении средств и способов для их достижения.

Планирование в мирное время стало активно применяться государством в период 1950-х гг. Первым был “Пятилетний план самостоятельности экономики”, разработанный кабинетом Хатояма, за ним последовал “Новый долгосрочный план экономического развития” кабинета Киси, а в 1960-м г. кабинетом Икэда был принят “План удвоения национального дохода”. Также, в 1962 г. был принят план комплексного развития страны, и в развитие его — закон о содействии строительству новых промышленных городов; на их основе начался бум развития регионов, появились многочисленные двусторонние планы центра и регионов. С того времени планирование более-менее постоянно присутствует в практике ГАУ Японии. И сегодня в Японии многие общенациональные задачи направляются государственными планами: к примеру, с 1997 г. действовал принятый кабинетом “Основной план развития информатизации администрирования”, с 2001 г. осуществляется “Приоритетный план “Электронная Япония”.

Административное планирование имеет различные виды. К примеру, Мурамацу Митио предлагает несколько видовых классификаций планов⁴. Временная классификация выделяет планы краткосрочные (годовые), среднесрочные (трехлетние), долгосрочные (десятилетние). Классификация по сфере/объекту регулирования различает общие планы, экономические, социальные планы, планы по благосостоянию и культуре, просветительские и административные планы, планы организационные, кадровые, финансовые, оборонные и т.п. Классификация по результату/цели — планы конкретные и перспективные и т.п.

Планирование выполняет в Японии различные функции. Так, А.Я. Певзнер⁵ отмечал три функции планирования в Японии. Во-первых, информационно-просветительная функция, основывающаяся на прогнозе; во-вторых, функция долгосрочного обязательства, базирующаяся на реализации плана государственным сектором; в-третьих, функция согласования интересов.

Относительно характера планирования некогда было распространено мнение, что планирование в буржуазном обществе имеет лишь индикативный характер. К примеру, Кобаякава Мицуо характеризует планирование как “более-менее систематизированное предвидение... помимо того, что установлено в форме закона или указа”⁶. Сходную точку зрения о сугубо индикативном характере планирования в Японии высказывает и Аоки М.⁷

Приведенные мнения не беспочвенны. В условиях либерального режима и рыночной экономики планирующая деятельность правительства неизбежно ограничивается. Такими ограничителями являются не только объективные пределы научного знания и способности предвидения, но и идейно-политические настроения общества, законные ограничения властных полномочий администрации и т.д. Но планы в буржуазном обществе имеют не только “индикативный” характер, они могут иметь и характер закона, властного распоряжения. Планы правительства, поскольку они распространяются на деятельность административных субъектов, имеют характер обязательный для административных органов.

Если же речь идет о государственных планах комплексного развития государственной территории, благоустройстве городов и поселков, строительстве магистралей, то эти планы не имеют обязательной силы для частных лиц, они должны проходить согласования.

Поскольку административное планирование затрагивает права и законные интересы частных лиц, при разработке планов должно учитываться мнение частных лиц, планирование координируется с интересами общественности. При этом применяются такие процедурные формы учета и согласования интересов как “официальные извещения” (кококу), “обзоры” (дзюран), “письменное представление мнений” (икэнсё-но тэйсюцу), созыв “публичных слушаний” (котёкай) и “комиссий” (сингикай).

Для частного сектора экономики планы носят индикативный характер.

Тем не менее, административные планы позволяли привнести в государственно-административную деятельность рациональность, значительно поднять ее эффективность и результативность, придать ей социальную направленность.

В настоящее время, когда в Японии осуществляется масштабная административная реформа, бывшее управление экономического планирования ликвидировано, теперь при канцелярии кабинета функционирует новый орган — “Консультативный совет по экономической и финансовой политике”, возглавляемый премьер-министром, он призван стать проводником планов и инициатив премьера на стратегических направлениях экономической политики.

“Административное руководство”. Своеобразным инструментом административного процесса в Японии является “административное руководство” (гёсэй-сидо). Этот институт традиционен и характерен для практики администрирования в Японии, хотя активно изучаться он начал только с конца 1940-х гг. Считается, что именно институт “административного руководства” составляет национальное своеобразие японского административного стиля. Правда, среди японских исследователей (например, Фудзита Токиясу) есть мнение, что аналогичная практика “неформальных административных действий” существует и в других странах — в США, в ФРГ⁸.

В Японии “административное руководство” имеет универсальное распространение в различных сферах управления. В нем воплощается исторически сложившаяся патерналистская традиция, когда обе стороны административного управления — субъект и объект — стремятся к установлению неформальных отношений сотрудничества. Подобная практика часто оправдывает себя и в современных условиях: она позволяет сторонам неформально, “точно” применять формальные методы руководства (административное нормоустановление, административные акты, административные договоры), гибко реагировать на ситуацию, действовать заручившись согласием обеих сторон.

“Административное руководство” является формой административного действия, когда административный субъект для достижения официальных административных целей побуждает объект административного воздействия к совершению определенных деяний (действие/бездействие), не имея к тому обязывающей силы закона. Фактически это управляющие рекомендации со стороны административных органов или должностных лиц, которые могут быть приняты или не приняты по своему усмотрению теми, кому адресованы. Поскольку “административное руководство” базируется не на праве, а на добровольном сотрудничестве сторон, то оно не имеет внешних последствий и не может быть предметом судебной тяжбы. Конфликты разрешаются иными способами.

С другой стороны, хотя вступление сторон в отношения “административного руководства” имеет добровольный характер, но в случае отказа частного предпринимателя от него, административный орган в свою очередь может при-

нять соответствующие меры, а именно: административный орган имеет право "убеждать", в случае отказа следовать рекомендациям он может отказать предпринимателю в предоставлении деловой информации, в получении разрешения, лицензии, санкции и даже опубликовать в прессе информацию (с целью оказания психологического нажима), что данный предприниматель отказался принять "административное руководство".

Именно эту сторону (условную "добровольность") "административного руководства" отметили отечественные исследователи, например, А.А. Макаров¹. Но у него есть и другая, не менее существенная особенность — "административное руководство" часто имеет индивидуальный, конкретный, "точечный" характер. Руководящий административный орган предоставляет объекту руководства не общую информацию, раскрывающую политику данного органа, а дает информацию, предназначенную для конкретного адресата. К примеру, чиновник может порекомендовать сельскохозяйственному производителю сменить культуру — поменять рисоводство на овощеводство, а также дать сопутствующие технологические и экономические советы.

В силу названных особенностей — "добровольность" и конкретность — "административное руководство" можно перевести и определить по смыслу как административную опеку.

Функционально "административное руководство" подразделяется на несколько видов. Яmanoути Кадзуо выделяет два вида "административного руководства"¹⁰. Сионо Хироси к ним добавляет третий вид¹¹. "Регулирующее административное руководство" (кисэйтэки-гёсэй-сидо) осуществляется с целью регулирования деятельности частного предприятия, например, ради защиты природной среды или в вопросах регулирования уровня зарплат. "Помогающее административное руководство" (дзёсэй-гёсэй-сидо) заключается в помощи частному лицу путем предоставления ему необходимой деловой информации. "Координирующее административное руководство" (тёсэйтэки-гёсэй-сидо) служит для разрешения споров между частными лицами. Названные виды не исключают друг друга, они могут взаимно сочетаться.

Также, административные рекомендации нередко сочетаются с другими административными мерами: меры "административного руководства" часто предшествуют каким-либо репрессивным или поощрительным административным актам, административным мерам реагирования.

Руководство может осуществляться и в устной, и в письменной форме. Рекомендации могут принимать форму "увещевания" (канкоку), "предупреждения" (кэйкоку), "совета" (дзёгон), "требования" (ёсэй), "посредничества" (тюкай).

В контексте общей модернизации управления властью приняты и меры упорядочения "административного руководства". Принятый в декабре 1993 г. Закон об административных процедурах¹² реформирует и нормы "административного руководства", повышая ответственность чиновников и расширяя права гражданских субъектов (см. подробнее далее).

Методы обеспечения правоприменительной деятельности административных органов

В послевоенной Японии сложилась и функционирует развитая система правовых инструментов обеспечения практического исполнения задач государственно-административного управления.

Названная система правовых инструментов включает в себя систему принуждения к исполнению административных обязанностей, нормы безотлагательного исполнения, административное обследование, различные административные процедуры.

Принудительное исполнение. Государственно-административное управление по своей сущности обладает односторонним властным характером. Поэтому во всех странах мира предусмотрены меры принуждения к исполнению административных обязанностей. Но эти системы мер имеют и национальные особенности: в отличие от США, где приоритет отдается так называемому “судебному исполнению”, т.е. принуждению при посредничестве решений суда, в Японии действует система “административного исполнения”. Система “административного исполнения” сформировалась в Японии еще в “эпоху Мэйдзи”, она характеризуется акцентом на праве административных органов непосредственно осуществлять принуждение.

Важная особенность системы принудительного исполнения административных обязанностей заключается в том, что ее методы имеют перспективное, а не ретроспективное действие: они обращены в будущее, нацелены на решение конкретных административных задач, а не на установление справедливости в связи с ранее совершенным нарушением. В этом заключается значительное отличие системы принудительного исполнения административных обязанностей от административных наказаний.

Основными видами принудительного исполнения административных обязанностей в Японии считаются “замещающее исполнение”, “непосредственное принуждение”, “исполнительский штраф”, “принудительное взимание/конфискация”, а также, ряд менее значительных методов.

“*Замещающее исполнение*” (дайсикко) возникает, когда обязанное исполнять административные обязанности лицо не исполняет свой долг, и тогда административный орган берет на себя исполнение обязательств, либо поручает их исполнение третьему лицу, а средства, необходимые для их исполнения, взыскиваются с лица, которое должно было исполнять административные обязанности.

“*Непосредственное принуждение*” (тёкусэцу-кёсэй) возникает, когда административная цель не достижима посредством замещающего исполнения или, в чрезвычайной ситуации, оно представляет собой непосредственное применение силы к личности и имуществу гражданских лиц, которые должны исполнять административные обязанности.

“*Исполнительский штраф*” (сикко-бацу) является способом косвенного принуждения, которое применяется, чтобы принудить лицо к исполнению административного долга, его следует отличать от “административного наказания”. Первоначально в адрес соответствующего лица направляется уведомление о наложении мелкого штрафа, если административный долг и после этого не исполняется, то осуществляется принудительное взимание средств. В послевоенный период значение данного метода падает, ныне основная сфера его применения — штрафы за экологические нарушения.

“*Принудительное взимание/конфискация*” (кёсэй-тёсю) в администрировании осуществляется в связи с денежными долговыми правами государства в отношении частного лица. Это вид непосредственного принуждения. Оно представляет собой процесс наложения ареста на имущество должника, реализацию имущества через открытые торги и распределение выручки от продажи его.

Меньшее значение имеет ряд других методов обеспечения исполнения административных обязанностей.

“*Отказ в поставках*” (кюфу-кёхи): частное лицо за неисполнение обязанностей может быть подвергнуто отказу в поставках электроэнергии, воды и т.п.

“*Официальное опубликование*” (кохё) считается разновидностью косвенного принуждения. Оно применяется в случае отказа от “административного руководства”, а также неисполнения административных обязанностей для привле-

чения к нарушителю внимания общественности, и тем самым оказывая на него психологического нажима.

“Залог” (катёкин) — когда правительственный Комитет по честным и справедливым сделкам для обеспечения надежности исполнения обязательств поручает внести определенную сумму как залог.

“Дополнительный налог” (касандзэй) применяется против нарушений налогового законодательства, в случае искажения сведений в налоговых декларациях, недекларирования доходов, неуплаты налогов.

Все перечисленные методы представляют собой систему принуждения к исполнению административных обязанностей, они призваны заставить тех или иных лиц исполнять возложенные на них административные обязательства.

Другой смысл имеют нормы “безотлагательного исполнения” (сокудзисикко). Безотлагательное исполнение есть система осуществления административных целей не путем возложения обязанностей на партнера, а путем непосредственного применения силы административным органом, поэтому оно тесно связано с “безотлагательным принуждением” (сокудзи-кёсэй).

Безотлагательное принуждение широко применяется в работе полицейских. А именно — в мероприятиях по защите граждан и имущества, для предупреждения и пресечения преступлений, при осмотре на месте и т.п. Применение принуждения к личности узаконено и при подозрении на психические и венерические, инфекционные и эпидемиологические заболевания, в случае приема и принудительной депортации иностранцев, также, в случае, когда другая сторона оказывает властям сопротивление. Безотлагательное принудительное исполнение предусмотрено специальными законами и в отношении имущества (в случае пожаров и стихийных бедствий, при временном изъятии (оружия), это и конфискация имущества (алкоголя, к примеру), и выброс некачественного продовольствия и т.п.

Важное значение в административной работе имеют “административные обследования” (гёсэй-тёса). Административным органам для правильного применения административных принципов необходима объективная информация, ее можно получить с помощью обследований. Административное обследование, как правило, предшествует административным решениям.

Существуют различные виды административных обследований: это могут быть опросы (сицумон), инспекция (кэнса), сбор информации (сюкё).

Обследования имеют различный эффект, если характеризовать взаимосвязь результатов обследования с конкретными административными решениями. В отдельных случаях данные обследования непосредственно становятся основой административных действий. К примеру, результаты фискального обследования являются основанием для конкретных мер по налогообложению. И наоборот, к примеру, результаты статистического обследования положения страны используются для установления квот на публичных выборах, но исследование не превращается автоматически в конкретное административное решение, т.е. такие обследования не создают непосредственно правовых последствий.

Административные обследования различаются и по форме действия в отношении стороны — объекта обследования. Существует вид “обследование по усмотрению” (инин-тёса), предусматривающий добровольность предоставления информации для участников опроса. В некоторых опросах обязательность предоставления информации гарантируется наказанием, существуют и обследования, при проведении которых признается исполнение с помощью физической силы. (Характерно, что ранее обследования вообще рассматривались в японской административной науке как разновидность безотлагательного принуждения, но ныне, с учетом отличий по их целям и степени срочности, административное обследование рассматривается обособленно).

Правила административных процедур

Порядок совершения административной работы в известной степени определяется и правилами административных процедур (*гёсэй-тэцудзуки*).

В Японии нет единого и всеохватывающего закона, определяющего все основные процедурные нормы. Регулирование осуществляется на основе отдельных законов и прецедентов. Подобное положение вызывало и в Японии, и за рубежом растущую критику: процедурное законодательство традиционно считается правовым ограничением произвола властей и гарантиями соблюдения прав граждан. Поэтому в декабре 1993 г. японскими властями был принят в качестве общего закона “Закон об административных процедурах”¹³.

Однако Закон не охватывает все процедурные проблемы, он касается лишь проблем, с которыми граждане сталкиваются непосредственно в своих отношениях с властью. Он определяет процедуры “мер реагирования”, “административного руководства” и “уведомлений”.

“Меры реагирования” (или “ответные меры”) (*сёбун*) представляют собой правовые действия, поводом и объектом которых являются иски, обращения граждан по административным вопросам.

К ним относятся процедуры *реагирования на прошения* (*синсэй*) граждан о предоставлении им каких-либо прав, например, разрешений, лицензий, санкций. К мерам реагирования относятся “ограничительные/неблагоприятствующие меры” (*фуриэки-сёбун*): они возлагают на граждан определенные обязанности и ограничивают их права (например, лишение лицензии, квалификации, статуса, увольнение и т.п.). Закон обязывает административный орган уведомлять граждан о содержании планируемых ограничительных мер заблаговременно, устанавливать и публиковать критерии принятия подобных мер.

Закон оговаривает и *процедуры выслушивания* (*тёмон, тёбун, симмон*): лицам, подвергшимся ограничительным мерам, предоставляются права на получение предварительного уведомления и выслушивание, на ознакомление с документами.

Процедура объяснения (*бэммэй*) также возникает в связи с принятием ограничительных мер, но только мер с более легкой степенью репрессии, нежели для процедуры выслушивания: адресат мер может просто представить в административную инстанцию для своей защиты объяснительные письма и документы, но при этом не предполагается участие третьих лиц в процессе рассмотрения жалобы, не действует право ознакомления с документами.

Закон реформирует и *нормы вышеупомянутого “административного руководства”* (*гёсэй-сидо*). “Административное руководство” применяется в Японии на всевозможных стадиях административного управления. Оно представляет собой институт, сущность которого — патерналистская опека. “Руководство” хотя и устанавливается по свободному согласию двух сторон, но допускается и практика “убеждения” — за отказ от руководства может последовать и дискриминационное обращение, например, лишение лицензии, отказ в предоставлении информации и т.п.; поэтому оно и не оформляется как договор двух субъектов. Разногласия сторон крайне редко выносятся на судебное рассмотрение, поэтому и решения принимаются без учета возможности обжалования, документирование руководящих указаний не упорядочено. Весь процесс руководства непрозрачен для общества и неформален.

Но теперь появились и существенные нововведения. Так, по требованию руководимого могут быть раскрыты имена людей, ответственных за руководящие указания. Также руководимый теперь может потребовать, чтобы указание было представлено не только в устном виде, но и было бы задокументировано.

Изменения означают ослабление патерналистской традиции и укрепление норм правового государства и общества.

Закон оговаривает и *процедуру уведомления (тодокэйдэ)*. В Японии существовала проблема, с какого момента и при каких условиях доставка документа в административный орган становится правовым фактом, имеющим законные последствия. Закон отныне установил — когда уведомление достигло секретариата учреждения.

В целом Закон об административных процедурах не свободен от существенных недостатков. Главное, он определяет не все процедуры государственно-административной работы. В частности, не определяет процедуру административной нормоустановительной деятельности, процедуры разработки планов и т.п. (Правда, эти недоработки пытаются исправить принятием других документов. В июне 1998 г. был принят Основной закон о реформе центральных министерств и управлений, в марте 1999 г. — приняты “Процедуры представления мнений, связанных с установлением и отменой правил”. Но эти документы, вводящие процедуры “публичного комментирования”, лишь частично восполняют отсутствие всех необходимых положений для регулирования нормоустановительной деятельности в процессе ГАУ). С другой стороны, нельзя не признать, что Закон представляет собой важный шаг вперед в деле формирования современного правового либерально-демократического государства в Японии.

Таким образом, деятельность исполнительной власти, государственно-административное управление Японии характеризуются развитым инструментарием правового обеспечения. Исполнительная власть страны выступает не только объектом правового регулирования, но и сама является активным субъектом в вопросах разработки, принятия правовых норм, правового регулирования, применения права. Богатый и логически целостный набор правовых инструментов позволяет административным органам быть действенным субъектом в правовом регулировании деятельности ГАУ, обеспечить скрупулезное сопровождение политическим решениям власти на всем пути их реализации — от наиболее общих законодательных положений до “точечного”, индивидуально-конкретного регулирования на уровне непосредственных практических действий.

В 1990-х — начале 2000-х гг. японские власти осуществили масштабную реформу исполнительной власти, государственно-административного управления в стране. В ходе реформы они существенно скорректировали терминологию, определяющую характер реформы: если в середине 1990-х гг. они определяли свою стратегическую задачу как “смягчение регулирования” (кисэй-канва), что справедливо истолковывалось как “дерегулирование” управления, то с конца 1990-х гг. курс был уточнен — он стал называться “реформа регулирования” (кисэй-кайкаку). В этой смене терминов угадывается глубинное переосмысление и уточнение понятия либерализации, смысла курса либеральной реформы управления.

Либерализм — сложное, многозначное историческое явление. Он всегда представлял собой ограничение абсолютизма, деспотизма власти и был в значительной степени связан с уменьшением объема государственного вмешательства в частную экономическую, общественную, культурную жизнь, с отменой мелочной регламентации деятельности граждан со стороны правителей. И сегодня либерализм в обыденном сознании чаще всего понимается именно в таком смысле.

Однако в истории политика либерализации имела и иное проявление, а именно — если невозможно лишить правителей их прерогатив, то можно при помощи процессуального/процедурного законодательства ограничить произвол, деспотизм власти, заставить власть соблюдать определенные правила, процедуры управления; в этом случае либеральная тенденция проявляется скорее как растущий объем процессуального правового регулирования, как легализация полномочий власти, ранее не прописанных в законах и остававшихся на воле свободного усмотрения правителей, как формирование именно “правового государства”.

Подобный подход проглядывает и в японских административных реформах 1990-х гг. К примеру, как указано выше, Закон от 1993 г. предписал, что власти, прежде чем налагать на граждан какие-либо ограничительные меры, санкции, должны опубликовать критерии наложения таких ограничительных мер, они обязаны предварительно направить гражданину предупреждение о возможности применения санкций, наконец, гражданин теперь имеет право быть предварительно выслушанным, ознакомиться с документами дела, представить свои объяснения, свидетелей, оправдательные бумаги и т.д. Или, к примеру, еще более недвусмысленно сущность японской административной реформы проявляется в преобразовании института административной опеки (так называемого "административного руководства"): японские реформаторы не упразднили этот инструмент в арсенале исполнительной власти, а напротив — детализировали, упорядочили его использование, и тем самым легализовали. Данный подход к либерализации весьма существенен для понимания специфики японских реформ.

Напрашивается вывод, что в ходе преобразований 1990-х гг. в Японии были предприняты меры по либерализации ГАУ — развитию, упорядочению, модернизации правовых форм, методов, процедур подзаконного правового регулирования государственного управления. Эти меры должны легализовать многие аспекты деятельности администрации и тем самым позволить обществу и его политическому руководству строже контролировать администрацию, добиваться повышения ее эффективности и ответственности.

1. Инако Ц. Современное право Японии/ Пер. с яп. Батуренко В.В. М.: Прогресс, 1981. С. 198.
2. Сионо Хироси. Гёсэйхо [Административное право]. Токио, 2000. Т. 2. С. 306.
3. Син гёсэйхо дзитэн. [Новый толковый словарь административного права]. Токио, 2001. С. 197.
4. Мурамацу Митио. Гёсэйгаку кёкасё. Political analysis of Modern Public Administration [Учебник государственно-административного управления]. Изд. 2-е. Токио, 2001. С. 210.
5. Певзнер Я.А. Государство в экономике Японии. М.: Наука, 1976. С. 246.
6. Кобаякава Мицуо. Гёсэйхо. Уэ. [Административное право. Ч. 1]. Токио, 1999. С. 52-53.
7. Аоки М. Фирма в японской экономике. СПб.: Лениздат, 1995. С. 432.
8. Fujita T. Informal administrative actions: Japanese reports for the 14th International congress of comparative law (Athens, July 31st — August 6th 1994). Tokyo.: University of Tokyo. P.27.
9. Макаров А.А. Политическая власть в Японии. Механизм функционирования на современном этапе. М.: Наука, 1988. С. 153.
10. Яmanoути Кадзуо. Гёсэй сидо но рирон то дзиссай [Теория и практика административного руководства]. Токио, 1984. С. 2.
11. Сионо Хироси. Указ. соч. С. 166.
12. Гёсэй тэцудзуки хо [Закон об административных процедурах]. № 88, 1993 г. // Роппо дзэнсё [Полный свод законов]. Токио, 2000. Т. 1. С. 685—691.
13. Там же. С. 685—691.

Стратегические факторы экономического роста Китая

© 2007

Чжан Гою

Продолжающийся быстрый экономический рост Китая привлекает повышенное внимание в мире. С начала (в 1979 г.) политики реформ и открытости прошло почти три десятилетия. За первые 20 лет реформ среднегодовой рост ВВП составил 9,3%. С 2001 по 2005 гг. этот показатель уже достигал 9,5%, что выше среднемировых темпов роста (3,8%), выше роста развитых стран (2,1%) и роста развивающихся стран (5,8%). Показатели Китая уже продолжительное время — самые высокие в мировой экономике. Согласно данным Всемирного Банка вклад китайского ВВП в мировой рост в 2000-2004 гг. составил 14,3% — 2-е после США место в мире. Китай стал одним из локомотивов мировой экономики.

Компетентные организации задаются вопросом: что является движущей силой долговременного быстрого роста Китая? Как такое экономическое чудо оказалось возможным в стране, находящейся под властью коммунистической партии? Как влияет подъем Китая на весь мир, пользу или вред принесет он другим странам? Кто мог бы остановить этот подъем, кто есть основной соперник Китая? По этим вопросам пока нет каких-либо систематизированных заключений, компетентные специалисты и организации занимаются их поиском. Какие стратегические факторы могут обусловить будущее быстрое и здоровое развитие Китая — вот о чем надо говорить, когда мы рассуждаем о дороге, по которой надо идти.

В предстоящие 15 лет Китай сохранит тенденцию быстрого экономического роста, но упор будет сделан не на его темпах, а на потенциале, качестве и устойчивости.

Судя по накопленному опыту и инерции продвижения вперед, в очередные полтора десятилетия (2006—2020 гг.) китайская экономика должна сохранить устойчивый и быстрый рост. По прогнозам, с 2006—2010 гг. среднегодовой рост ВВП составит при благоприятных условиях около 7,5%. При таких темпах к 2010 г. ВВП достигнет 3,2 трлн долл., подушевой ВВП — примерно 2300 долл., что на 33% выше, чем в 2005 г. (1723 долл.). В среднем за этот период они будут поддерживаться на уровне 6%, и к 2020 г. ВВП Китая составит 5,7 трлн долл., подушевой ВВП — примерно 3800 долл. Достигнутый за 15 лет масштаб экономики будет несколько выше, чем у Японии за 2005 г. и составит примерно половину от

американского ВВП за 2005 г. Этот уровень с точки зрения абсолютных значений выглядит довольно значительным, но относительно низким в поддушевом выражении. Решающее значение имеет поддушевой уровень. Лишь когда китайские поддушевые показатели выйдут на уровень развитых стран, можно будет говорить о том, что Китай достиг уровня зажиточности, стал мощной мировой державой.

Экономическая система в стране с 1,3 млрд чел. населения не может развиваться ни слишком медленно, ни слишком быстро: то и другое может сказываться на социальной стабильности. Поэтому правительство своими регулирующими мерами должно контролировать темпы роста экономики, поддерживая их в пределах 6–9%. Вопрос потенциала экономического роста состоит в том, какие динамические факторы играют роль в его стимулировании и можно ли эти факторы мобилизовать, чтобы они действительно сыграли свою роль. Речь, в частности, идет о роли технического прогресса, роли развития деревни, роли международного сотрудничества. Вопрос качества роста в том, чтобы каждый его процентный пункт действительно обладал реальной отдачей, действительно играл роль стимулятора социального развития Китая и прогресса человечества, а не отражал слепую погоню за показателями роста ВВП, за малополезными, но внешне “престижными” проектами или проектами, осуществляемыми для того, чтобы понравиться вышестоящему начальству и т.д. Вопрос устойчивости роста — в том, чтобы каждый его этап закладывал базу для последующего роста с позиций ресурсного обеспечения, защиты окружающей среды, упорядочения структур и институтов. В частности, речь идет об увеличении производства энергии, экономном природопользовании, институциональном реформировании и т.д.

Темпы следует подразделять на подлинные и фиктивные. Темпы роста без потенциала, качества и устойчивости — фиктивные, могущие завести общество в “экономическую трясину”, из которой выбираться трудно. Несколько крупных упорядочений китайской экономики были во многом обусловлены фиктивным характером темпов.

Расширение внутреннего спроса будет способствовать долговременному стабильному и здоровому развитию китайской экономики, основа чего — развитие сельского хозяйства, расцвет деревни, высокие доходы крестьян. В первые 50 лет 21-го века деревня призвана стать “стратегической опорной базой” роста внутреннего спроса и стимулирования китайской экономики.

В истории Китая все политические, экономические, культурные и прочие изменения были неразрывно связаны с деревней и крестьянством. Будь то процесс “окружения города деревней” в годы революции, вооруженный захват власти, создание Нового Китая, “поддержка сельским хозяйством промышленности”, “поддержка города деревней” или начало китайских экономических реформ, нынешнее внедрение порядка выборов на уровне села и волостей — все это начиналось с деревни.

Ныне сельское население Китая составляет 700 млн чел., что почти равняется трем Америкам или трем Европам. Пока эти люди ограничены невысоким образовательным уровнем, низким материальным достатком, отсутствием денег, необходимых для высокого уровня потребления. Если мы решим проблему материального достатка крестьян, то тем самым решится и проблема внутреннего спроса для экономического роста страны, как и проблема долговременного устойчивого развития.

В 2005 г. средний чистый поддушевой доход селян составил 3255 юаней. Это очень низкий уровень. За вычетом фактора инфляции, реальный рост за

этот год составил 6,2% (т.е. почти на 200 юаней). При умножении этого на 700 млн (численность крестьянства) получаем 140 млрд юаней, или 17,5 млрд долл. США — таков был в 2005 г. вклад крестьянства в приращение потребительского спроса. Если к 2010 г. подушевой доход крестьян достигнет 4150 юаней, то реальный рост составит 895 юаней. При умножении этого на 700 млн получаем 629,5 млрд юаней. Т.е. потребительский спрос увеличится в сравнении с 2005 г. на 80 млрд долл. Если же крестьяне достигнут нынешнего уровня доходов горожан (10493 юаня), то потенциал китайского рынка вырастет скачкообразно. Уподобление структуры потребления селян городской привело бы к тому, что они бы стали в большей степени ориентироваться на консьюмеризм, у них усилилось бы желание покупать электробытовые приборы, компьютеры, автомобили, вести строительство или реконструкцию жилья, расширять потребление в сферах здравоохранения, транспорта и связи, туризма, досуга. Это сулит огромный потенциал спроса для китайской экономики. Деревня плюс город — их объединенный огромный спрос обеспечит долговременную движущую силу для народного хозяйства КНР. В настоящее время многие китайские товары и услуги вынуждены искать для себя рынок за пределами страны, так как внутренний спрос ограничен. Расцвет деревни, зажиточность крестьян есть переориентация акцентов на внутренний рынок.

Чтобы создать рыночный фундамент будущего развития Китая, правительство все больше уделяет внимания проблемам деревни, сельского хозяйства и крестьянства. Необходимо:

— расширять охват села общественными кредитно-финансовыми учреждениями;

— создавать долговременный эффективный механизм поощрения села промышленностью, стимулирования городом его развития;

— делая упор на повышении совокупных производительных сил деревни, продвигать строительство современного сельского хозяйства;

— в районах с соответствующими условиями можно на основе добровольности и возмездности ввести оборот подрядных прав на использование земли, развивать различные виды крупных хозяйств для реализации эффекта масштабности.

В прошлом у нас имели место лозунги поддержки деревней промышленности, города. Сейчас на первое место выходит лозунг поддержки деревни промышленностью, городом. В последние годы правительство отменило целый ряд сельскохозяйственных налогов, создало систему защиты сельского хозяйства, увеличило инвестиции в образование на селе, совершенствование сельской инфраструктуры. Все это преследует цели увеличения доходов крестьян, постепенной трансформации облика села.

Экономическое развитие сталкивается с вызовами нехватки энергии и сырья. Базовая государственная политика должна строиться на экономии ресурсов, защите окружающей среды, стратегии ресурсосбережения. В течение следующих тридцати лет необходимо создать социальную основу для ресурсосберегающего типа развития.

Китай можно уподобить гигантскому авиалайнеру. При взлете и продолжении полета требуются гигантская энергия и ресурсы. Продолжение развития Китая уже сейчас сталкивается с обостряющейся ресурсной проблемой и давлением ухудшения окружающей среды. В предстоящие 15 лет Китай будет находиться в этапе быстрого развития индустриализации. На этот этап приходится пик ресурсопотребления. Вплоть до последнего времени расход энергии и сырья

в Китае был очень большим, на Китай приходилась весьма весомая часть их глобального потребления. К примеру, в 2003 г. доля Китая в мировом потреблении ряда сырьевых позиций составляла: по нефти — 7%, алюминию — 19%, меди — 20%, никелю — 21%, стали — 25%, углю — 30%, цементу — 50%. Потребление Китаем стали уже превысило показатели США и Японии.

При этом собственных ресурсов у Китая относительно мало. Подушевые запасы ископаемых ресурсов в Китае вдвое отстают от среднемировых. Подушевые показатели пригодных к обработке земель и водных ресурсов составляют лишь треть от среднемирового уровня, лесных угодий — одну шестую, нефти — одну десятую, газа — одну тридцатую.

Ускорение индустриализации и урбанизации повлечет еще больший рост спроса на ископаемые, земельные и водные ресурсы. По мере снижения обеспеченности внутренними ископаемыми ресурсами будет усиливаться зависимость от международного рынка. По прогнозам рабочей группы Центра проблем развития при Госсовете КНР степень зависимости Китая от международного рынка в обеспечении ископаемыми ресурсами к 2010 г. составит: по нефти — 58%, чугуна — 52%, марганцу — 38%, меди — 82%, свинцу — 52%, цинку — 69%. Ситуация с водными и земельными ресурсами еще более обострится, серьезно ослабляя способность Китая выносить нагрузку на окружающую среду. Экология будет, вероятно, и дальше деградировать. В настоящее время энерго- и ресурсозатратность в Китае значительно превышает развитые страны. В сферах производства, товарного обращения и потребления повсеместно налицо явления низкой эффективности и расточительства при использовании ресурсов — такова плата за быстрый рост на экстенсивной основе. Поэтому будущее развитие должно предусматривать смену модели экономического роста — необходимо развивать ресурсосберегающую экономику, строить общество экономного типа.

Для этого китайское правительство будет поднимать сбережение и экономию ресурсов — наряду с контролем за рождаемостью и охраной окружающей среды — на уровень базовой государственной политики. Необходимо создать систему показателей, совокупно отражающих экономическое развитие, общественный прогресс, экологию и др. факторы с упором на повышение эффективности использования ресурсов. Надлежит стремиться чтобы к 2010 г. в китайской экономике энергоемкость на единицу ВВП снизилась примерно на 20%, потребление воды на единицу добавленной стоимости в промышленности — на 30%, а коэффициент повторного использования твердых отходов промышленностью возрос на 60%. Общий выброс загрязняющих веществ должен сократиться на 10%. Нужно повысить гарантированный уровень обеспечения пресной водой, энергией и важнейшими ископаемыми ресурсами. Однако, за первые 9 месяцев 2006 г. снижение энергоемкости на единицу ВВП не достигло запланированных показателей. Следовательно, реальная ситуация гораздо сложнее, чем предполагалось. Необходимо блюсти установки в таких звеньях как добыча ископаемых, расход материалов на производстве, сокращение отходов, потребление и т.д. Усилия развитых стран в этой области, предпринимавшиеся на протяжении многих лет, и достигнутые ими успехи заслуживают серьезного изучения со стороны Китая.

Надлежит строить благоприятную среду международных контактов и дружественную среду сопредельных государств, активно интегрироваться в глобализацию. Следует идти по пути, предполагающем в течение длительного периода привлечение иностранных инвестиций, активный выход китайских

предприятий вовне, сочетание международной конкуренции и сотрудничества, взаимной выгоды.

Китаю следует, опираясь на свои особенности, продолжать активно вести международную коммерческую деятельность. Вследствие преимуществ Китая, связанных с низкой себестоимостью продукции и огромным потенциалом китайского рынка, можно рассчитывать на дальнейший, в долгосрочной перспективе рост прямых иностранных инвестиций. В последнее время их ежегодный приток составлял примерно 60 млрд долл. В некоторых странах сетуют, будто быстрое развитие Китая негативным образом влияет на приток инвестиций в их экономику. В действительности, выбор иностранными инвесторами места, куда инвестировать, всегда имеет некие стратегические соображения. Так, мотивировки для инвестирования в Индию, в ЮВА, в Японию или в Китай совершенно различны. Вкладывая деньги в Индии, иностранные инвесторы принимают во внимание распространенность в этой стране английского языка, преимущества Индии в секторе услуг, в производстве программного обеспечения и т.д. При инвестировании в странах ЮВА учитывается наличие природных ресурсов и преимущества их рынков. В Японии важна мощная база производства высокотехнологичных товаров. А в Китае привлекательным фактором является низкая себестоимость производства и развитый производственный сектор. В действительности, накопленные Китаем прямые иностранные инвестиции составляют довольно небольшую долю зарубежных инвестиций развитых стран. На конец 2003 г. накопленные в КНР инвестиции США составляли лишь 0,7% от совокупных зарубежных инвестиций США — это ниже чем американские инвестиции в Мексике (3,4%), Бразилии (1,2%), Сингапуре (3,2%). У ведущих стран ЕС (таких как Великобритания, Германия, Франция, Италия) инвестиции в Китае составляют около 0,2-1,5%. У Японии в 1991-2003 гг. удельный вес инвестиций в Китае составил 3,1%. Значит, притягательность Китая для иностранных инвесторов отнюдь не влияет негативно на инвестиции в другие развивающиеся страны.

Китайский промышленный сектор по-прежнему наиболее привлекателен для инвесторов. 70% инвестиций идут в обрабатывающую промышленность. В последние годы обрабатывающая промышленность сохраняла самые высокие темпы роста — в среднем около 10,3%. Сектором самого высокого сосредоточения иностранных инвестиций было машиностроение в сфере информационных технологий. В общем объеме китайской внешней торговли удельный вес предприятий с иностранными инвестициями превосходит 50%. По мере обострения конкуренции затраты на рабочую силу в Китае будут постепенно возрастать. Акценты китайской обрабатывающей промышленности будут смещаться от простой сборки к производству с более высоким компонентом добавленной стоимости. Будет увеличиваться инновационная составляющая в таких сферах как техническая база, коммерциализация результатов научных исследований, совершенствование товарной структуры, производственных технологий и т.д., при постепенном переходе на рельсы производства по оригинальным разработкам.

Международная коммерческая деятельность Китая позитивно воздействует на развитие азиатской экономики. В торговле с азиатскими партнерами у Китая в последние годы было в основном отрицательное сальдо, в торговле с США и Европой — положительное, чем весьма недовольны американцы и европейцы. В 2004 г. на страны Азии пришлось 65,8% китайского импорта и 49,8% китайского экспорта. На Северную Америку пришлось 9,3% импорта и 22,5% экспорта. Импорт из ЕС составил 12,5%, а экспорт — 18,1%. За вычетом реэкспорт-

ной торговли через Гонконг отрицательное сальдо в торговле Китая с Азией в 2004 г. составило 163,1 млрд долл., положительное сальдо в торговле с Северной Америкой — 81,19 млрд долл., а в торговле с ЕС — 37,04 млрд долл. На рынки Америки и Европы экспорт Китая в значительной степени стимулируется импортом из азиатских стран, внося вклад во внутрирегиональную торговлю, благоприятствуя прогрессу сопредельных стран.

У Китая есть три варианта дальнейшего развития: экстенсивный (ресурсозатратный), зависимый (от опоры на внешний мир), инновационный. Первый представляется неразумным: Китай велик, но его природные ресурсы недостаточны для долговременного процветания. Второй вариант также не подходит: будучи развивающейся страной с более, чем миллиардным населением, Китай не может всецело положиться на капиталы, технику и управленческий опыт других государств. Единственно верным является путь использования зарубежных ресурсов, привлечения передовой техники при опоре на собственные силы, преимущественно на основе инноваций. К 2010 году Китай должен сделать ставку на научно-технический прогресс и инновации как на движущую силу социально-экономического развития, при котором способность к оригинальным инновациям станет ключевым звеном упорядочения экономической структуры, изменения модели роста, повышения конкурентоспособности. Надлежит посредством самостоятельных инноваций осуществить устойчивое и сбалансированное развитие экономики и общества, активно действуя в современной международной среде. Надо выстроить инновационную структуру, основным субъектом которой будут выступать предприятия и которая соединит производство, образование и исследования, функционируя по рыночным законам.

Китайские предприятия, обладающие соответствующими условиями, должны активно осуществлять инвестиции за рубежом и вести транснациональное хозяйствование. Посредством транснациональных слияний и поглощений, вхождения в акционерный капитал, листинга на фондовом рынке, реорганизаций и объединений нужно относительно быстро выпестовывать и развивать международную конкурентоспособность. Необходимо акцентировать внимание на расширении сотрудничества с партнерами за рубежом в добыче сырья и освоении ресурсов, последовательно развивать взаимодействие в плане участия китайских компаний в строительстве инфраструктурных объектов за рубежом, создать механизм международного и регионального экономического сотрудничества, в рамках диалога и консультаций между предприятиями развивать сотрудничество с предприятиями других стран, придерживаться пути развития, предполагающего сочетание международного соперничества и сотрудничества. Другими словами, Китаю нужно использовать благоприятный момент перестройки мировой производственной структуры, а именно: создать благоприятную среду международных контактов, стимулируя интернационализацию китайской экономики путем привлечения иностранных инвестиций, передовой техники, управленческого опыта и высококвалифицированных специалистов, сочетая международную конкуренцию и сотрудничество с ТНК.

Необходимо продвигать разгосударствление экономики, упорядочивать правительственные функции, совершенствовать механизм взаимодействия местных правительств с предприятиями; опираясь на местные правительства и предприятия как на две ключевые опоры, наращивать динамизм китайской экономики, обеспечивать ее последовательный рост.

Устойчивый рост экономики Китая будет зависеть также от направленности усилий и степени активности местных правительств и предприятий. Одна-

ко надо обратить внимание на одну особенность, а именно на то, что некоторые местные правительства, дабы продемонстрировать свои достижения, излишне гонятся за ростом ВВП и показателями фискальных поступлений. Зачастую делают акцент на привлечение масштабных капиталовложений центрального правительства и иностранных инвестиций для развития промышленных проектов — прежде всего, крупных. Это позволяет им сразу же резко повысить показатели роста ВВП, повысить занятость и поступления в бюджеты местных правительств. Такая мотивация и политика действительно стимулируют большие перемены в облике соответствующих районов. Однако при этом подчас игнорируется необходимость обеспечить устойчивое развитие изначально имевшихся предприятий и рост частного сектора. Внешние стимулы для экономики весьма важны, но с точки зрения долговременной перспективы еще важнее — внутренний рост и его механизм. Всюду, где налицо хорошая экономическая динамика и потенциал устойчивого роста, это обусловлено тем, что предприятия развиваются быстро, а структура правительств — оптимальна. Поэтому необходимо и дальше проводить трансформацию функций правительств, разгосударствление экономики.

В деле поощрения частной экономики необходимо поддерживать активное участие негосударственного сектора в экономическом развитии страны. Со времени, когда стартовала политика реформ и открытости, самым большим успехом было быстрое развитие под контролем правительства рыночного механизма и негосударственной экономики. “Держать большие и отпускать малые”, “держать большие и отпускать средние”, “держать сверхформатные и отпускать большие” — в духе этой формулы к настоящему времени подавляющее большинство предприятий уже отпущены на рынок, управляются самостоятельно, а за годы реформ появилось множество новых частных компаний. Без всего этого не было бы нынешней динамичной китайской экономики. Без здорового развития частной экономики невозможно обеспечить устойчивое развитие китайской экономики к 2010 году.

Итак, стратегические факторы, обуславливающие возможность дальнейшего продолжения быстрого роста, достаточно многочисленны, но пять из них можно считать сравнительно важными:

- разграничение фиктивных и реальных темпов, поддержание реальных темпов роста;
- внутренний спрос и китайская деревня, как стратегическая опорная база экономики;
- сырьевое обеспечение, охрана окружающей среды и ресурсосбережение;
- международная конкурентоспособность предприятий, международное сотрудничество и международное окружение;
- развитие частной экономики, правительственной системы и экономической динамика.

Хотя по всем этим позициям можно было бы опереться на опыт развитых стран, однако Китай существует в своей специфической среде развития. Необходимо решать вопросы обеспечения устойчивого быстрого роста исходя из китайской ситуации, при опоре на собственные стратегические факторы, с учетом успешного зарубежного опыта.

Мировой рынок фосфорных удобрений. Специфика рынков Китая и России

© 2007

Е. Белозерова

Сегодня в большинстве стран мира актуален вопрос развития сельского хозяйства. Самый распространенный и эффективный вариант увеличения продуктивности растениеводства — внесение удобрений.

Отрасль минеральных удобрений — большой сегмент мировой промышленности, а ее продукция является крупным объектом товарного обмена. Около 40% произведенных в мире минеральных удобрений экспортируется. В отдельных странах, в том числе и в России, экспорт составляет более 70% производства.

Производство минеральных удобрений относится к числу важнейших отраслей химической промышленности. По типу полезного компонента выделяют азотные, калийные, фосфорные, борные, молибденовые удобрения.

В мире происходит устойчивый рост потребления минеральных удобрений. С 2004 г. по 2005 г. мировое производство и торговля фосфорными удобрениями увеличились соответственно на 1,3 и 2%. В 2005 г. эти показатели достигли практически рекордной отметки, а среднегодовой объем мирового потребления минеральных удобрений составил 157 млн тонн и, согласно прогнозу Продовольственной и сельскохозяйственной Организации ООН, к 2030 г. вырастет до 188 млн тонн.

Рынок удобрений развитых стран характеризуется высокой насыщенностью, политика этих стран в области интенсификации сельского хозяйства сейчас направлена на более активное применение органических удобрений, повышение "экологичности" сельского хозяйства.

В развивающихся странах происходит активный рост спроса на минеральные удобрения. На сегодняшний день, согласно данным IFA (International Fertilizer Association), эти страны приобретают в два раза больше минеральных удобрений, чем развитые, наращивая производство с/х продукции, ориентированной в основном на экспорт. Ежегодно они производят около 102,5 млн т минеральных удобрений, в том числе фосфорных — 27 млн т. Отдельным развивающимся странам использование минеральных удобрений позволяет решить задачу продовольственной безопасности в условиях быстрого роста населения.

В последнее время намечается тенденция к увеличению спроса на фосфорные удобрения. Структура мирового потребления различных минеральных удобрений такова: 59,2% потребляемых в мире удобрений приходится на азотные, 24,8% на фосфорные и 16,0% — на калийные. По прогнозам IFA данная структура будет сохраняться достаточно долго (табл. 1).

Потребление фосфорных удобрений развитыми и развивающимися странами

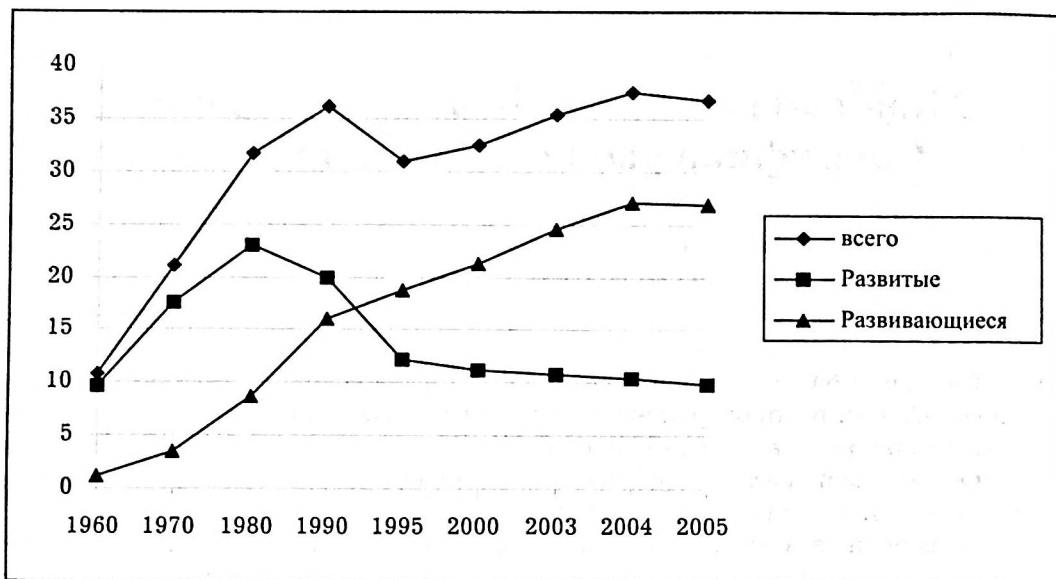

Таблица 1

Структура мирового потребления минеральных удобрений, (в процентах по IFA annual report. 2005)

Вид удобрения	2003 г.	2004 г.	2005 г.
Азотные	59,4	58,9	59,2
Фосфорные	24,4	24,7	24,8
Калийные	16,1	16,2	16,0

Современная промышленность выпускает и поставляет сельскому хозяйству фосфорные удобрения различных видов. В числе чистых форм производятся:

- суперфосфат простой;
- двойной суперфосфат;
- преципитат;
- томасшлак;
- фосфорная мука.

Крупнейший мировой потребитель фосфорных удобрений — Китай. Здесь отрасль сельского хозяйства и соответственно производства удобрений является основой развития национальной экономики.

В целом на мировом рынке прогнозируется рост потребления фосфатов. К 2008 г. оно достигнет 40 млн т P_2O_5 . Цены будут иметь тенденцию к снижению при условии стабильности цен на энергоресурсы.

Ведущим производителем фосфатов в мире являются США, тем не менее их влияние на мировой рынок снижается.

Вторым по производству фосфорных удобрений в мире после США (8 млн т.) является Китай (7 млн т.). Крупными производителями являются Индия, Россия, Бразилия. На долю перечисленных стран приходится 70% мирового производства. Структура мирового рынка близка к олигополю. Огромная зависимость производителей от цен на энергоресурсы и от величины транспортных затрат станет в конкурентной борьбе фактором, определяющим конечную цену продукта.

Таблица 2

Мировое производство и потребление фосфорных удобрений (млн т P_2O_5),

Год	Производство	Потребление
1997	33,08	33,37
1998	33,33	33,33
1999	33,09	33,47
2000	32,20	32,48
2001	33,99	33,35
2002	33,91	33,83
2003	34,59	35,28
2004	35,28	37,47
2005	35,98	36,78

Китайский рынок фосфорных удобрений. Рынок Китая можно назвать самым емким и обширным рынком минеральных удобрений. Фактически, именно Китай имеет наибольшее влияние на конъюнктуру мирового рынка, выступая на нем и как производитель, и как потребитель. Эксперты прогнозируют дальнейший рост объемов спроса и производства удобрений в Китае.

КНР по-прежнему остается сельскохозяйственной страной. Статистика показывает, что основная часть населения страны (71%) занята в сельском хозяйстве, а доля этого сектора в экономике 12,5%. В 2004 г. посевные площади под зерновыми культурами составили 101,61 млн га, увеличившись по сравнению с предыдущим годом на 2,2 млн га. Объем производства зерна в 2004 г. составил 469,47 млн т, увеличившись на 38,77 млн т, т.е. на 9,0%. В 2006 г. также прогнозируется рост объемов производства зерновых.

Отрасль минеральных удобрений является одной из главных в экономике этой страны. Самостоятельно Китай может обеспечить не более 70% внутреннего спроса на фосфорные удобрения, а дефицит восполняется импортом. В ближайшие 5 лет основные инвестиции в отрасли будут направлены именно на наращивание мощностей по производству фосфорных удобрений.

В последнее время Китай наращивает объемы внутреннего производства, но импортная зависимость остается значительной. На сегодняшний день доля Китая в мировом импорте фосфорных удобрений составляет 23%. Основные поставщики: США, Россия, Бельгия, Норвегия, Украина. На долю России приходится около 37,3% китайского импорта фосфорных удобрений.

Импорт удобрений постепенно уменьшается, а экспорт растет, однако составляет менее 4% внутреннего производства. Сальдо платежного баланса по этому виду товара остается сильно отрицательным.

Наиболее конкурентоспособными на рынке минеральных удобрений являются предприятия, характеризующиеся масштабностью и достаточно хорошей технической оснащенностью. Производством фосфорных удобрений в Китае занимается 10 крупных организаций и свыше 500 мелких и средних предприятий, на долю которых приходится до 85% всего производства фосфорных удобрений. Традиционно в Китае производились простые фосфорные удобрения, включая суперфосфат. Сейчас наращиваются объемы производства сложных видов удобрений (аммофос и др.). Китайские производители используют собственную технологию для производства моноаммонийфосфата. Имеется также несколько заводов по производству диаммонийфосфата с использованием технологий зарубежных компаний. Строятся новые заводы по производству сложных видов удобрений.

Таблица 3

Производство фосфорсодержащих удобрений в Китае
(млн т. P₂O₅, по Food and Agricultural Org. Statistical Database)

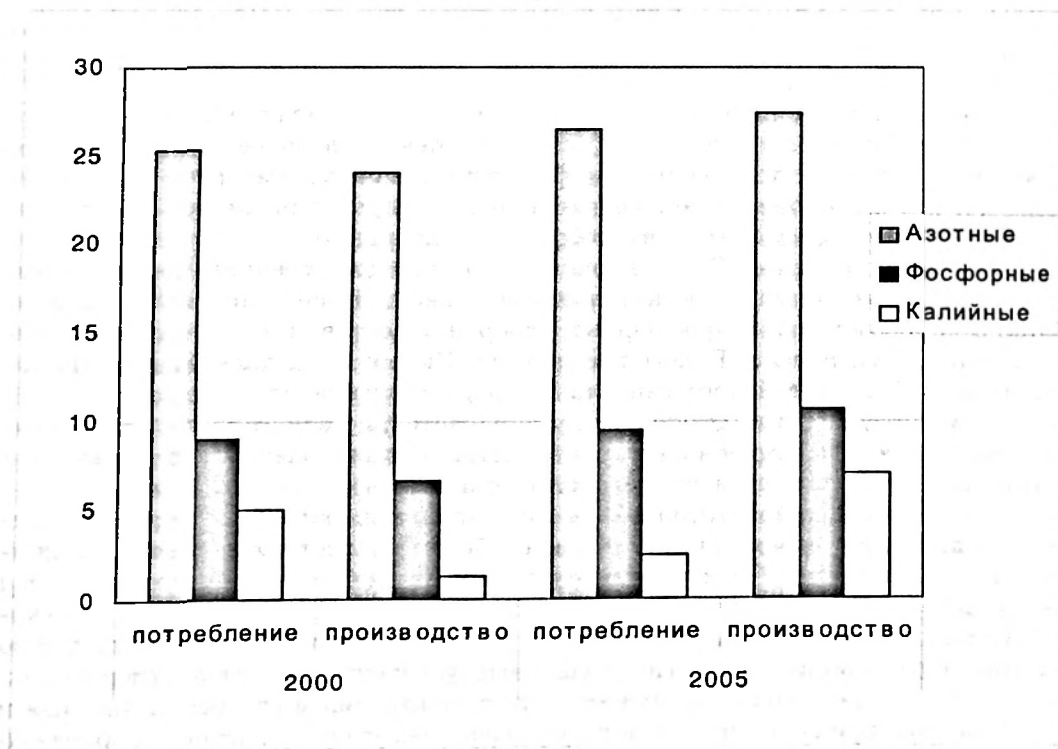
Вид удобрения	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006*
Аммофос	0,8	0,8	1	1,1	1,2	1,4	1,5	1,6
Диаммофос	0,5	0,7	1	1,2	1,5	1,8	2,1	2,2
Другие комплексные удобрения	0,5	0,6	0,7	0,7	0,8	0,8	0,8	0,9
Простые виды удобрений	4,6	4,5	4,7	4,6	4,4	4,2	4,1	3,9
Всего	6,4	6,6	7,4	7,6	7,9	8,2	8,5	8,6

* прогноз

Положительно на рост спроса на минеральные удобрения влияла поддержка сельского хозяйства государством: льготы, предоставленные сельхозпроизводителям, а также меры по упрощению таможенных формальностей с целью поощрения развития сельского хозяйства. Сдерживающим фактором был рост цен из-за внедрения новых технологий в процесс производства удобрений.

Рис.2

Динамика производства и потребления минеральных удобрений в Китае
(по IFA annual report. 2005)

Учитывая прирост населения, ограниченность запасов в стране, Китаю вряд ли удастся в обозримом будущем полностью удовлетворить внутренние потребности страны в фосфорных удобрениях.

Российский рынок фосфорных удобрений. Производство минеральных удобрений в России является крупнейшей отраслью химической промышленности. Страна занимает 4-е место в мире по производству фосфорных удобрений (7%) и 2-е место — по экспорту.

Одним из основных преимуществ этой отрасли в России является мощная сырьевая база. Государственным балансом полезных ископаемых в настоящее время в России учтено 48 месторождений фосфатных руд, в том числе 19 апатитовых и 29 фосфоритовых.

Таблица 4

**Распределение разведанных запасов фосфатных руд
по экономическим районам РФ**

Экономический район	Полезные ископаемые	Доля от общемировых запасов, %
Северный	апатиты	70,7
Северо-западный	фосфориты	7,4
Центральный	фосфориты	23,1
Центрально-черноземный	фосфориты	4,5
Волговятский	фосфориты	48,5
Поволжский	фосфориты	0,6
Уральский	фосфориты	0,4
	апатиты	1,1
Западно-Сибирский	фосфориты	3,5
Восточно-Сибирский	фосфориты	12
	апатиты	17,6
Дальневосточный	апатиты	10,6

Разведанные запасы фосфорного сырья в течение последних лет практически не менялись и на начало 1998 г. составляли 1015 млн т. (P_2O_5) из них апатитов — 804 млн т, фосфоритов — 211 млн т. Рентабельными для отработки в современных экономических условиях являются 55% запасов апатитовых и 20% фосфоритовых руд.

В структуре российского производства фосфорные удобрения составляют 20%. Минеральные удобрения производятся на 58-ми предприятиях, расположенных практически во всех регионах России, за исключением Дальнего Востока.

Модель товарного рынка минеральных удобрений России можно охарактеризовать как олигополия, и постепенно она становится все более жесткой. Сейчас на “ФосАгро”, “ЕвроХим”, “Акрон” приходится более 86% произведенных в стране фосфорных удобрений. А ведущая роль в промышленности фосфорных удобрений принадлежит предприятиям ЗАО “ФосАгро Апатит-Групп”, контролирующим 45% российского производства фосфорных удобрений и сырья. На этих предприятиях выпускают в основном комплексные удобрения, такие как аммофос и диаммофос, азофоска. Объемы производства чистых фосфорных удобрений невелики. Основным поставщиком апатитового концентрата является компания “Апатит”.

В экспорте также преобладают комплексные удобрения. Доля чистых фосфорных удобрений не превышает 10%. Наибольшую роль в фосфорной про-

мышленности играют компании, входящие в ассоциацию "ФосАгро," они поставляют фосфорные удобрения в Пакистан, Индию, Эфиопию, Латинскую Америку, а также в Европу.

Рынок минеральных удобрений России имеет общую тенденцию к росту. Однако этот рост после развала внутреннего рынка и закрытия ряда добывающих и перерабатывающих предприятий в начале 90-х гг. дается с трудом, поскольку производство и потребление резко сократились. Вследствие этого сократилось внесение минеральных удобрений на 1 га (с 88, 2 кг/га в 1990 г. до 16,9 кг/га в 1995 г.) на полях России и снизилась конкурентоспособность российской продукции на рынках Китая, Индии, Южной Америки.

В последние годы производство удобрений на предприятиях РФ определяется конъюнктурой, сложившейся на мировом рынке, и курсом рубля к доллару. Предприятия нашли единственную возможность сохранить отрасль — экспортировать большую часть своей продукции. Около 40% экспорта приходится на поставки в Китай, Бразилию, Турцию и Индию. Наиболее перспективны рынки стран третьего мира, а также государств с переходной экономикой.

Импорт в Россию незначителен, это в основном малотоннажные комплексные удобрения.

Российские минеральные удобрения по своему качеству вполне конкурентоспособны и могут продаваться без потерь в ценах в большинстве стран мира.

В 2003 г. после отмены государственных дотаций предприятия-производители, были вынуждены пересмотреть свою стратегию, сориентировавшись на экспорт. 2004 и 2005 гг. характеризовались увеличением внутреннего спроса на минеральные удобрения, а также снижением цен на мировом рынке.

Можно выделить ряд основных проблем российского рынка минеральных удобрений:

— большая степень износа оборудования, особенно морального износа, низкий технический уровень производства (только 20% технологий соответствуют современным стандартам);

— высокая тепло- и энергоемкость производства (20 — 25% затрат);

— нестабильность механизма и схем государственного дотирования сельскохозяйственных товаропроизводителей и, как следствие, отсутствие ощутимого роста внутреннего потребления: уровень потребления минеральных удобрений внутри страны значительно ниже технологически необходимых норм;

— неоптимальный состав вносимых удобрений: доминирование в структуре внутреннего потребления азотных удобрений;

— удаленность регионов от центров производства удобрений; удорожание продукта за счет транспортных издержек.

Основными внутренними потребителями российских фосфорных удобрений являются Ростовская область, Татария, Башкирия и Краснодарский край. Для этих регионов характерны финансовая поддержка со стороны местных властей, крупные инвестиции в современные агротехнологии. Они выгодно расположены в центральной части России, что снижает транспортные издержки.

Интенсификация сельского хозяйства является весьма важной задачей для Дальнего Востока России. Для этого района характерны суровые климатические условия, здесь распространены кислые почвы, особенно нуждающиеся в фосфорных удобрениях.

Значительная удаленность региона от российских поставщиков продовольствия и огромные транспортные издержки на поставку сюда удобрений де-

дает безальтернативным создание собственного производства фосфорных удобрений на базе наиболее рентабельных месторождений. Базой могут стать Евгеньевское месторождение в Амурской области, Селигдарское — в Якутии, Удско-Шантарское — в Хабаровском крае.

Первоначальный продукт нового производства, фосфоритная мука — наиболее дешевое и быстропроизводимое фосфорное удобрение. Выпуск суперфосфата и более сложных видов удобрений, налаженный позже, будет ориентирован в основном на экспорт в страны СВА, преимущественно в Китай.

Создание на Дальнем Востоке России регионального завода по производству фосфорных удобрений видится в ближайшей перспективе, тем более, что интерес к нему проявляют и иностранные инвесторы, и отечественные предприниматели. Разработано несколько бизнес-проектов, согласно которым производство должно стать рентабельным, а цены — намного ниже закупочных.

Итак, в мире налицо рост потребления фосфорных удобрений с тенденцией разделения на рынок развитых стран, характеризующийся высокой насыщенностью, и рынок развивающихся стран, характеризующийся ростом потребления и производства. На рынке фосфорных удобрений Китая отмечается дефицит, который восполняется импортом, основным поставщиком фосфорных удобрений в Китай является Россия. В России фосфорное производство — является экспорториентированным. Внутренний платежеспособный спрос низкий и носит сезонный характер. Однако при поддержке государства возможен рост спроса на внутреннем рынке. Дальневосточный регион России для активизации рынка фосфорных удобрений должен пойти по пути строительства собственных объектов добычи агроруд и производства фосфорных удобрений на базе наиболее рентабельного месторождения.

Нефтегазовый комплекс Узбекистана в международной системе энергообеспечения

© 2007

А. Коржубаев, И. Филимонова

В условиях изменения мирового экономического порядка, обострения глобальной конкуренции за доступ к энергетическим ресурсам и прямой выход на емкие энергетические рынки в международных экономических и политических процессах возрастает значение крупных производителей и потребителей энергии, пока еще слабо вовлеченных в международную систему энергообеспечения.

Энергетический потенциал Узбекистана в основном связан с ресурсами газа и нефти, развитием предприятий по их переработке и нефтехимии. Страна занимает 34-е место в мире по потреблению первичной энергии и 10-е по потреблению газа. Ее энергетический сектор ныне сталкивается с рядом серьезных проблем, решение которых невозможно без активного участия извне. От того, будут это российские компании или мы "уступим" регион Китаю, зависит наше экономическое и политическое влияние в Центральной Азии, перспективы долгосрочного развития России как крупнейшей экономической державы с претензией на мировое лидерство в энергетическом секторе.

В условиях ограниченности инвестиционных ресурсов, исчерпания запасов ранее открытых месторождений, слабости организационной и технологической базы налицо возможность значительного усиления российских экономических позиций в топливно-энергетическом комплексе Узбекистана, при обеспечении контроля над разведкой, добычей, переработкой и транспортом (включая транзит) углеводородов.

С севера и запада Узбекистан граничит с Казахстаном, на юге — с Туркменистаном и Афганистаном, на востоке — с Таджикистаном и Киргизией. Это — самое многонаселенное государство в Центральной Азии. В настоящее время там проживает более 27 млн чел. (при ежегодном приросте 1,1—1,2%), или около 45% общей численности населения Центрально-азиатского региона.

Коржубаев Андрей Геннадьевич, доктор экономических наук, заведующий отделом Института экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения Российской Академии наук; заведующий сектором Института нефтегазовой геологии и геофизики им. А.А. Трофимука Сибирского отделения Российской Академии наук;

Филимонова Ирина Викторовна, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Института экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения Российской Академии наук; старший научный сотрудник Института нефтегазовой геологии и геофизики им. А.А. Трофимука Сибирского отделения Российской Академии наук.

Таблица 1

Потребление первичной энергии в 14 странах и районах Азии в 1965-2006 гг., млн т н.э.

№	Страна	1965	1970	1975	1980	1985	1990	1995	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006
1	Китай	182,4	233,4	337,7	416,1	532,9	684,9	916,4	966,7	1000,0	1057,8	1228,7	1423,5	1554,0	1697
2	Япония	149,2	281,4	330,2	356,8	369,8	434,1	493,8	514,8	513,0	510,2	510,9	520,8	524,6	528,4
3	Индия	52,9	64,9	82,1	102,9	136,9	193,4	254,4	320,4	324,2	338,7	348,2	376,1	387,3	398,8
4	Южная Корея	6,4	14,3	22,6	38,6	52,7	90,3	148,6	191,1	195,9	205,0	211,8	217,3	224,6	232,1
5	Индонезия	7,1	8,9	13,9	26,6	35,8	53,1	73,5	95,2	101,4	104,4	103,9	112,1	116,4	120,9
6	Тайвань	6,2	9,4	15,0	27,6	33,1	49,0	65,7	85,4	86,8	91,0	94,7	98,0	100,3	102,7
7	Таиланд	2,6	5,7	9,1	12,3	16,2	29,5	52,2	61,2	63,3	68,8	74,7	80,6	85,6	90,9
8	Малайзия	2,1	3,2	5,3	9,5	16,3	24,1	33,1	45,8	47,8	51,3	56,3	60,4	61,2	62,0
9	Пакистан	7,2	9,3	9,6	13,8	19,3	26,8	36,4	41,9	42,9	43,8	45,8	49,8	55,9	62,7
10	Казахстан	-	-	-	-	67,6	74,6	51,2	41,0	42,3	44,1	47,9	51,2	55,2	59,5
11	Узбекистан	-	-	-	-	45,7	51,4	47,7	51,4	54,8	56,2	52,4	50,5	50,1	50,2
12	Сингапур	3,8	7,5	7,4	9,5	12,0	23,3	33,3	35,0	40,5	39,9	38,7	44,1	48,1	52,5
13	Филиппины	4,4	7,6	10,2	11,8	9,9	13,9	19,6	22,6	22,7	23,5	24,4	24,9	25,2	25,5
14	Туркменистан	-	-	-	-	13,0	13,7	9,9	14,9	15,3	15,8	17,4	18,5	19,8	21,2

Таблица 3

Динамика добычи и потребления нефти в Узбекистане, млн т

Показатель / Год	1985	1990	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006
Добыча нефти	2,3	2,8	7,6	7,6	7,9	8,2	8,1	7,5	7,2	7,2	7,1	6,6	5,5	5,4
Потребление нефти*	11,4	12,6	6,8	6,6	7,1	7,1	6,9	6,7	6,5	6,3	7,2	7,5	7,8	8,1
Нетто-импорт	9,1	9,8	-0,8	-1,0	-0,8	-1,1	-1,2	-0,8	-0,7	-0,9	0,1	0,9	2,4	2,7

* с учетом конденсата

Валовой внутренний продукт (ВВП) Узбекистана превысил в 2006 году 15,6 млрд долл., или около 580 долл./чел. Ежегодный рост ВВП составляет в последнее время 7–9%. В структуре ВВП более 38% приходится на сельское хозяйство и столько же на сферу услуг, доля промышленности — менее 25%.

Энергообеспечение. В 2006 г. производство первичной энергии в Узбекистане приблизилось к 60 млн т н.э., потребление — к 50,2 млн т н.э. Он занимает 15-е место среди крупнейших потребителей энергетических ресурсов в Азии (табл. 1). В 2002—2006 гг. наблюдалось некоторое снижение энергопотребления, что связано в основном с некоторым сокращением потребления природного газа и угля из-за повышения внутренних энергетических цен.

Основной источник энергии в Узбекистане — природный газ, занимающий около 80% в структуре первичного топливно-энергетического баланса (ТЭБ) (рис. 1). Доля нефти в ТЭБ в условиях продолжающейся моторизации экономики и населения возросла в 2006 г. до 16%. Суммарное использование угля и гидроэнергии не превышает 5%.

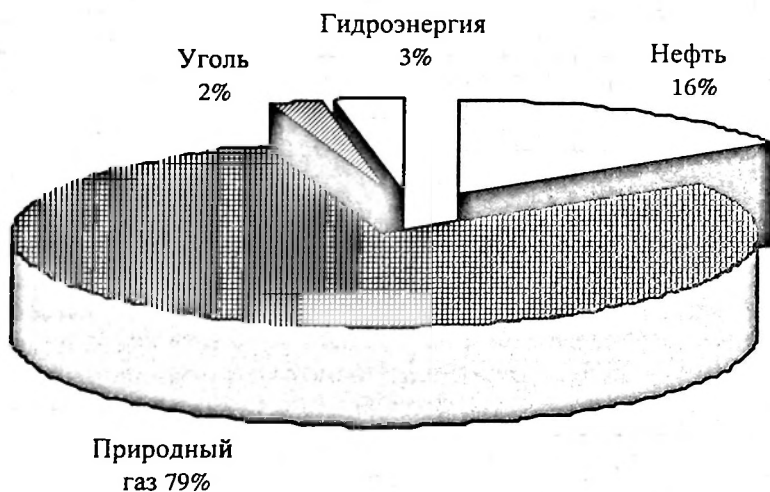

Рис. 1. Структура потребления первичной энергии в Узбекистане в 2006 г.

По добыче и запасам газа Узбекистан занимает 3-е место в СНГ. Газовая промышленность сосредоточена главным образом в районах Газли и Карши. Нефть залегают преимущественно в Ферганской долине и в Бухарской области. В небольших объемах (около 3 млн т в год, или 1 млн т н.э.) добывается уголь. Запасы бурого угля (4,4 млрд т) в основном сосредоточены в Ангренском, Байсунском и Шаргунском месторождениях. Однако, у местного угля низка теплотворная способность, повышенная зольность, он пригоден в основном для тепловых электростанций.

Электроэнергия производится преимущественно на газовых электростанциях, есть также угольные ТЭС и гидроэлектростанции. Энергосистема располагает более 11 млн кВт установленной мощности при 39 электростанциях с потенциальной возможностью выработки электроэнергии в объеме 55 млрд кВт. ч. Электросетевое хозяйство включает более 234 тыс. км линий электропередачи всех классов напряжения и около 46 млн кВА трансформаторных мощностей. Самые крупные ТЭС: Сырдарьинская (мощностью 3000 МВт), Ташкентская (1860 МВт) и Навоийская (1250 МВт). Большинство ТЭС Узбекистана расположены на

Сырдарье и ее при'токах. Наиболее крупные из них — Чарвакская мощностью 600 МВт и Ходжикентская — 165 МВт. Всего функционирует около 30 ГЭС общей мощностью 1684 МВт, вырабатывающих до 6,4 млрд кВт.ч электроэнергии в год. Общий гидроэнергетический потенциал составляет 7445 МВт мощности с выработкой 26,7 млрд кВт.ч электроэнергии в год. Используется пока около 23%.

Роль возобновляемых и неисчерпаемых источников энергии (ВНИЭ) незначительна, хотя в долгосрочной перспективе имеется значительный потенциал использования солнечной и ветровой энергии, энергии малых рек, биомассы. Потенциал солнечной энергии составляет 98,5% ВНИЭ. Перспективные сферы ее практического применения: получение низкопотенциального тепла с последующим использованием его в системах горячего водоснабжения; теплоснабжение сельскохозяйственных объектов, преобразование энергии солнечного излучения в электричество. Подходящие районы генерации энергии ветра — Каракалпакстан и Ташкентская область. Энергетический потенциал малых рек, ирригационных каналов и водохранилищ, оценивается в 1760 МВт мощности и до 8 млрд кВт.ч выработки электроэнергии.

Геология нефти и газа. На территории Узбекистана выделяют следующие нефтегазоносные провинции (НГП) и области (НГО):

Амударьинская (Бухаро-Хивинская) НГО расположена в Северо-Восточной Туркмении и Западном Узбекистане (на восток от г. Чарджоу) — основной газодобывающий район Средней Азии. Нефть залегает главным образом в виде небольших оторочек газовых залежей. Географически Амударьинская нефтегазоносная область представляет собой пустыню (Каракумы).

Месторождения нефти платформенной части Узбекистана по условиям нефтегазоносности приурочены также к *Северо-Кавказско-Мангышлакской НГП и Северо-Устюртской НГО*. Большая часть месторождений связана с карбонатной формацией верхнеюрского возраста, с верхнемеловыми, нижнемеловыми и ниже-среднеюрскими отложениями. Для этого региона характерно преобладание газовых ресурсов над нефтяными.

Сурхан-Вахшская НГО, представляющая собой область горных поднятий (отроги Гиссара), расположена на границе Туркменистана и Узбекистана.

Один из старейших нефтедобывающих районов Средней Азии, *Ферганская НГО* представляет собой межгорную впадину в районе г. Наманган. Значительная ее часть лежит в пределах Узбекистана, остальная — в Киргизии и Таджикистане. Большинство месторождений выявлено в бортах Ферганской впадины, перспективность центральной ее части подтверждена открытием Ниязбекского и Мингбулакского месторождений.

Сырьевая база нефти и газа. Узбекистан занимает второе место среди стран Центральной Азии после Казахстана по запасам нефти и третье после Туркменистана и Казахстана по запасам природного газа (табл. 2). Его доказанные запасы нефти — около 82 млн т, газа — 1,85 трлн м³.

Таблица 2

Доказанные запасы нефти и газа в Центральной Азии на 01.01.2007,

Показатель / Страна	Казахстан	Туркменистан	Узбекистан
Нефть, млн т	5428	74,8	81,9
Природный газ, трлн м ³	3,00	2,90	1,85

В республике открыто 194 месторождения, из которых на 147 имеются промышленные скопления газа и на 102 — нефти. В промышленной разработке — 88 месторождений, еще 58 подготовлены к разработке.

Нефтяные месторождения разведаны в Каракалпакской автономной республике и в Кашкадарьинской, Бухарской, Сурхандарьинской, Наманганской, Андижанской и Ферганской административных областях. Около 75% запасов нефти сосредоточены в Кашкадарьинской области, прежде всего, на крупнейшем в стране месторождении Кокдумалак (почти 70%).

По углеводородному составу газовых месторождений имеются сухие газы (13—15% гомологов метана, 4—30 г/м³ бензина) — газы меловых и палеогеновых отложений, так и жирные (20—60% гомологов метана, до 350 г/м³ конденсата) — газы глубинных пластов юры. Основные запасы свободного газа сосредоточены на месторождениях Шуртан, Зеварды, Кокдумалак, Алан и Адамташ. Высокое содержание сероводорода в газе наблюдается на месторождениях Уртабулак (5%), Денгизкуль-Хаузак (4,25%), Кандым (1,89%), Аккум (1,92%).

Прогнозные ресурсы углеводородов на начало 2007 г. составляют около 6 трлн м³ — по природному газу, 850 млн т — по нефти и 380 млн т — по газовому конденсату.

Добыча и потребление нефти и газа. Начало добычи нефти в Узбекистане восходит к 1885—1917 гг. Добыча активизировалась в 1920—1932 гг. В 1940-е гг. были введены в эксплуатацию Палваиташское, Южно-Аламыштикское, Шарихан-Ходжаабадское и ряд других месторождений. К 1950 г. добыча нефти возросла до 1,34 млн т, что десятикратно выше довоенного уровня. В 1953 г. в Кызылкумской пустыне было открыто первое газовое месторождение — Сеталантепе, а в 1956 г. — газонефтяное месторождение Газли с запасами газа свыше 1 трлн м³.

Ныне около 70% нефти и конденсата добывается на нефтегазоконденсатном месторождении Кокдумалак в Кашкадарьинской области Западного Узбекистана. По данным Национальной холдинговой компании “Узбекнефтегаз”, его извлекаемые запасы оцениваются в 54,3 млн т нефти, 67,4 млн т — конденсата, 128 млрд м³ — природного газа. Месторождение открыто в 1986 г. и почти сразу поступило в промышленную разработку. В 1996 г. произошло обвальное снижение пластового давления, потребовалась закачка воды в пласт, а с 1997 г. — внедрение сайклинг-процесса. В результате превышения отбора нефти над закачкой воды, возник дисбаланс давления между нефтяной и газовой частями месторождения, произошел прорыв газа из газовой шапки в нефтяную залежь, что повлекло замедление и последующее падение добычи нефти.

В 2006 г. в Узбекистане было добыто 5,41 млн т нефти, что не покрывает внутренних потребностей страны (табл.3, рис.2). Добыча жидких углеводородов снижается с 2000 г. В 2005 г. эта тенденция проявилась максимально: из-за сокращения на 17% производство нефти и конденсата впервые за 10 лет опустилось ниже годового уровня в 6 млн т с последующей стабилизацией в 2006-2007 гг. на уровне 5,4-5,5 млн т. Длительное время прирост промышленных запасов нефти не компенсирует добычу; которая ведется в основном по устаревшим технологиям. Усиливается дисбаланс между объемами добычи и переработки нефти, между добычей сырья и потреблением нефтепродуктов.

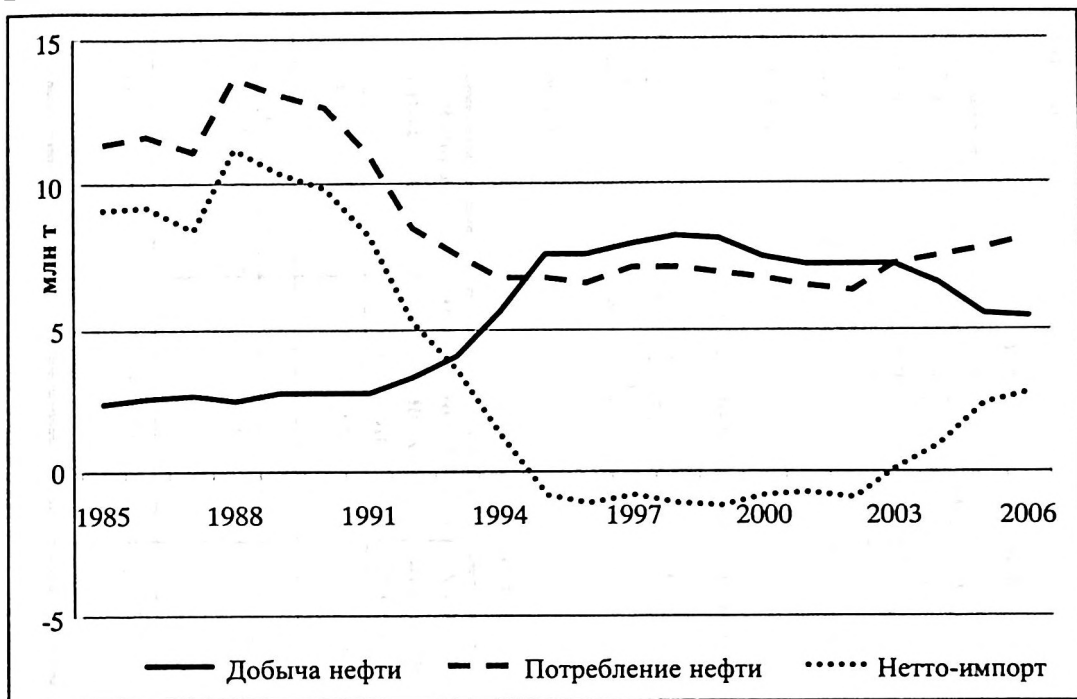

Рис. 2. Динамика добычи, потребления и нетто-экспорта нефти в Узбекистане

В условиях роста численности населения, продолжающегося экстенсивного развития экономики, повышения уровня моторизации увеличивается внутреннее потребление нефти и нефтепродуктов, что при ограниченности сырьевой базы принуждает наращивать импорт сырья.

Коммерческая добыча природного газа по итогам 2006 г. составила 55,6 млрд м³. Благодаря некоторому сокращению внутреннего потребления происходит увеличение экспортных поставок (табл.4, рис.3).

Около 80% производимого газа используется для внутренних нужд. По потреблению газа на душу населения Узбекистан несколько отстает от России (1,6 тыс. м³/чел. в год), превышая по этому показателю мировой уровень более чем в 3,5 раза. В 2004—2006 гг. имело место некоторое снижение потребления газа за счет повышения эффективности его использования в энергетике и промышленности, при одновременном продолжении газификации населенных пунктов.

Практически весь объем добываемых в Узбекистане углеводородов — нефти, газа и конденсата — приходится на Национальную холдинговую компанию (НХК) «Узбекнефтегаз», созданную в 1993 г. (до 1998 г. — Национальная корпорация нефтяной и газовой промышленности). Она представляет из себя крупный многоотраслевой производственно-хозяйственный комплекс, в котором сосредоточена вся нефтяная и газовая промышленность страны. НХК сформирована по принципу организационной и технологической вертикальной интеграции: от добычи и переработки сырья до реализации готовой продукции. В состав холдинга входят 4 акционерные добывающие компании, газохимический комплекс и ряд непрофильных предприятий. Каждая функционирует на правах субхолдинга, контролируя имущество и пакеты акций производственных предприятий.

Таблица 4

Динамика добычи и потребления природного газа в Узбекистане, млн т

Показатель / Год	1985	1990	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006
Добыча	32,3	38,1	45,3	45,7	47,8	51,1	51,9	52,6	53,5	53,8	53,6	55,8	55,7	55,6
Потребление	32,9	36,8	42,4	43,3	45,4	47,0	49,3	47,1	51,1	52,4	47,2	44,8	44,0	43,8
Нетто-экспорт	-0,6	1,3	2,9	2,4	2,4	4,1	2,6	5,5	2,4	1,4	6,4	11,0	11,7	11,8

Таблица 5

Динамика зарубежных инвестиций в нефтегазовую отрасль Узбекистана, млн долл.

Год	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006
Показатель	359	358,7	489	1234	1569	1713	1888	1949	1979	2025	2086	2159

Таблица 6

Проекты в НК Узбекистана с участием российских компаний

Российский участник	Проект	Доля инвестора в прибыльной продукции (%)	Запасы нефти / газа и конденсата (млрд м ³ / млн т)	Капитальные вложения (млн долл.)	Сроки реализации
ЛУКОЙЛ	Кунград / Кандым / Хаузак / Шады	49,8	283,0/8,0	995,0	2004-2039 гг.
"Газпром"	Шахпахты	50	/7,7	15,0	2004-2019 гг.
"Газпром"	Урга / Куныш / Акчалакская группа	50	915/1270	610,0	2007-2011 гг.
"Союзнефтегаз Восток Лимитед"	Центральный Ус-тюрт/Юго-Западный Гиссар	30	150,0/50,0	466, 2	2007-2048 гг.

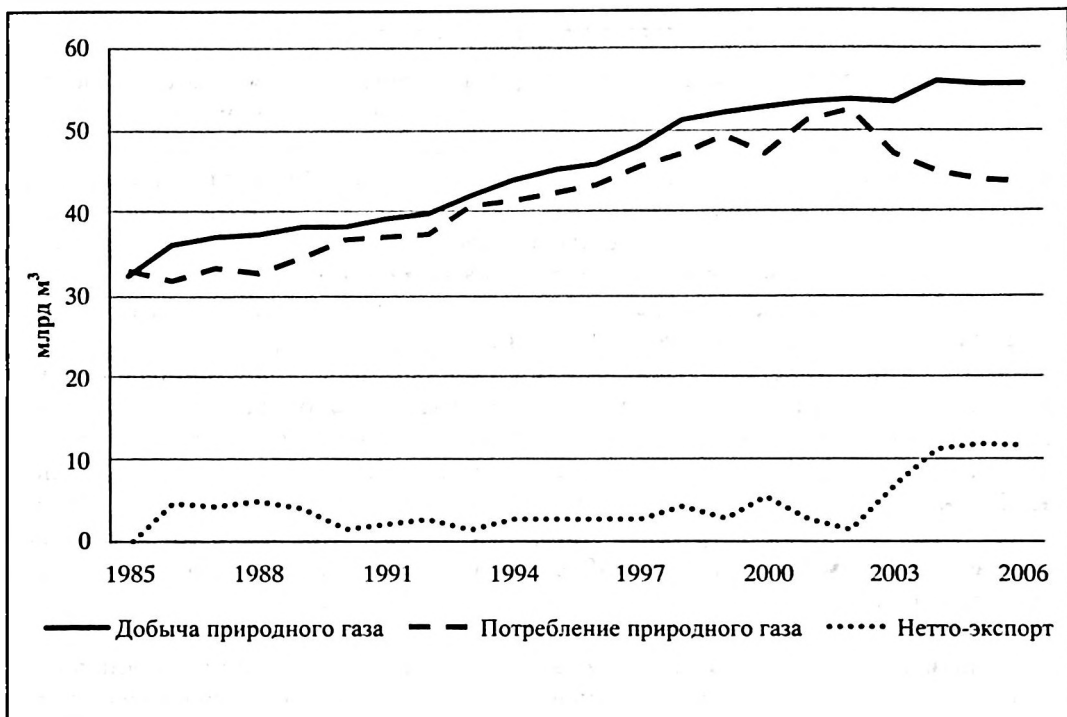

Рис. 3. Динамика добычи, потребления и нетто-экспорта природного газа в Узбекистане

Основные подразделения НКК «Узбекнефтегаз»: АК «Узгеобурнефтегаздобыча» (занимается разведкой и разработкой нефтяных и газовых месторождений, переработкой природного газа); АК «Узтрансгаз» (осуществляет подземное хранение газа, управление газотранспортными объектами, включая международный транзит; ведет строительство и капитальный ремонт объектов магистрального транспорта газа); АК «Узнефтепродукт» (управляет Ферганским, Алтыарыкским и Бухарским НПХ, осуществляющими переработку нефти и газового конденсата; реализует нефтепродукты на внутреннем и внешнем рынках; владеет сетью нефтебаз, терминалов и АЗС); АК «Узнефтегазмаши» (производит нефтегазовое и газохимическое оборудование); Шуртанский газохимический комплекс (производит полиэтилен, сжиженный газ, легкий конденсат, серу и товарный газ).

Другие компании, контролируемые «Узбекнефтегазом», главным образом обслуживают основную производственную деятельность холдинга. К ним относятся: «Нефтегазстройкомплект», «Мубарекнефтегазмонтаж», «Бухарагазпромстрой», «Кашкадарьянефтегазпромстрой», «Юггазстрой», «Ташнефтегазстрой», «Узташкинефтегаз» и «УзЛИТИнефтегаз» (Узбекский научно-исследовательский и проектно-изыскательский институт нефтяной и газовой промышленности), Управление производственно-технологической связи «Узнефтегазсвязь», унитарное предприятие «Депозитарная компания «Neftgazdepozit»» и др.

Переработка нефти и конденсата

Нефть и газовый конденсат перерабатываются в Узбекистане на трех нефтеперерабатывающих заводах — Ферганском, Алтыарыкском и Бухарском в составе АО “Узнефтепереработка”. Первые два — топливно-масляного направления с мощностью по сырью, соответственно, — 5,5 и 3,2 млн т в год. На Бухарском НПЗ, который вступил в эксплуатацию в 1997 г., выпускаются высококачественные виды бензина, авиакеросина, и дизельного топлива. Проектная мощность — 2,5 тыс. т газового конденсата в год. Объем переработки нефти и конденсата в 2006 г. составил 8,7 млн т, в том числе 6,6 млн т — нефти. Импорт сырья из Казахстана в 2006 г. составил около 1,2 млн т.

АО “Узнефтепереработка” — единственный производитель базовых масел в Средней Азии и единственный производитель смазочных масел в Узбекистане. Компания не только обеспечивает потребности страны в смазочных маслах, но и экспортирует продукцию в соседние страны — Туркменистан, Киргизию, Таджикистан, Казахстан и Россию, а также в Иран и Турцию. В 1997 г. для производства высококачественных моторных масел, их расфасовки и упаковки по технологии компании Тексако (Техасо) создано СП “Уз-Тексако” на базе Ферганского НПЗ.

В 2003—2004 гг. благодаря технологическому переоснащению Ферганского НПЗ повысилась глубина переработки, что позволило увеличить производство нефтепродуктов более чем на треть и нарастить экспорт бензина, авиакеросина и дизельного топлива более чем на 1 млн т в год.

До 1995 г. Ферганский и Алтыарыкский НПЗ в основном перерабатывали сырье, поступавшее по нефтепроводу из Западной Сибири, ныне загрузка заводов осуществляется за счет отечественной добычи и импорта из Казахстана. Бухарский НПЗ предназначен в основном для производства высокооктанового бензина на экспорт на базе газового конденсата месторождения Кокдумалак.

Большая часть узбекского газа характеризуется высоким содержанием серы, поэтому он подвергается переработке на Мубарекском газоперерабатывающем заводе в Кашкадарьинской области, мощность которого — 24 млрд м³ в год. Первая очередь завода вступила в эксплуатацию в 1973 г., основные процессы завода — сероочистка и низкотемпературная сепарация, производство серы, стабилизация конденсата.

В 2001 г. введен в эксплуатацию Шуртанский газохимический комплекс (ГХК). На заводе ежегодно перерабатывается 4,5 млрд м³ газа, выпускается 125 тыс. полиэтиленовых гранул, по 130 тыс. т сжиженного природного газа (СПГ) и газового конденсата, а также 4,2 млрд м³ товарного газа и 4 тыс. т серы. Технология, применяемая на производстве ШГХК, рассчитана на выпуск около 150 видов полиэтилена высокого, среднего и линейного низкого давления, значительная часть которого экспортируется.

Сейчас ведется расширение мощностей по переработке и утилизации попутного нефтяного газа и производству сжиженных углеводородных газов (СУГ), реализуются проекты по увеличению производства СПГ и СУГ на действующих мощностях Мубарекского ГПЗ и Шуртанского ГХК. Реализация этих проектов позволит увеличить ежегодное производство сжиженного газа до 615 тыс. т к 2010 г.

Экспорт

В 2006 г. Узбекистан экспортировал 11,8 млрд м³ природного газа в Россию, Казахстан, Киргизию и Таджикистан. Поставки в Россию начались в мае 2003 г. В Казахстан, Киргизию, Россию и Таджикистан узбекский газ поступает по газопроводам “Средняя Азия — Центр” и “Бухара — Урал”. По взаимному соглашению Узбекистан снабжает Таджикистан газом на компенсационной основе за использование транзитного газопровода в Ленинабадской области. Основным импортером узбекского газа — ОАО “Газпром”. В 2006 г. объем закупок, приходящихся на российский концерн, составил около 9 млрд м³. В 2007 г. “Узбекнефтегаз” и “Газпром” заключили соглашение об увеличении экспорта узбекского газа до 13 млрд м³. Кроме того, с 2007 г. Узбекистан повысил экспортную цену на газ для всех иностранных потребителей с 55—60 до 100 долл. за 1000 м³.

В Узбекистане действует запрет на экспорт сырой нефти, поэтому вывозятся только продукты ее переработки. В 2006 г. их экспорт составил около 600 тыс. т. — в основном в соседние страны (Таджикистан, Киргизию, Афганистан).

Инфраструктура транспорта нефти и газа

Одна из основных проблем в развитии внешнеэкономического сотрудничества Узбекистана — ограниченность транспортных коммуникаций, в частности отсутствие выхода к морским портам. Узбекистан не только замкнут в глубине континента, но и окружен странами, тоже не имеющими выходов к открытым морям.

Транспорт газа. Общая протяженность магистральных газопроводов Узбекистана превышает 13 тыс. км. Пропускная способность его газотранспортной системы — 55 млрд м³ в год, что позволяет обеспечить экспорт узбекского газа, а также прокачку транзита из Туркмении. На северо-западе страны проложены отдельные участки трансрегиональных газотранспортных систем “Средняя Азия — Центр” и “Бухара — Урал”. По этим газопроводам в 1980-е гг. велись поставки среднеазиатского газа для промышленных объектов Урала и европейской части Советского Союза.

Трубопровод “Бухара—Урал” из-за высокой изношенности оборудования и труб сейчас используется неэффективно. По данным “Газпрома”, через этот газопровод проектной мощностью 15 млрд м³ в год сейчас возможно прокачивать лишь около 7,5 млрд м³ в год, а по данным “Узбекнефтегаза” — 3,5 млрд м³ в год. Ныне этот газопровод используется только на узбекском, туркменском и частично казахстанском участках.

Для расширения возможностей транспортировки газа необходимы реконструкция газопровода “Бухара — Урал” и увеличение пропускной способности газопровода “Средняя Азия — Центр”. Введен в эксплуатацию газопровод “Газли — Каган” от Устюртского и Бухаро-Хивинского нефтегазоносных регионов протяженностью 67 км, что позволяет поставлять газ с Кандымской группы месторождений, расширить объемы закачки газа в ПХГ Газли, увеличить экспортные возможности.

Поставки природного газа в Таджикистан осуществляются по трубопроводной системе “Калиф — Душанбе”, заполнение которого происходит частично туркменским газом.

Для газоснабжения южных районов Узбекистана в 2003 г. введен в строй газопровод “Шуртан-Шерабад”. Этот маршрут позволил отказаться от транзита

узбекского газа через Туркмению и обеспечить потребности населения и промышленности на юге страны в природном газе. По этому же маршруту узбекский газ транспортируется в Таджикистан, минуя территорию Туркмении. Мощность газопровода около 1 млрд м³ в год, его протяженность — 193 км.

Транспорт нефти. Ранее поставки нефти в Узбекистан в значительной мере осуществлялись из Западной Сибири по нефтепроводу “Омск — Павлодар — Шимкент — Туркменабад”. С 1995 г. поставки из России прекращены, в настоящее время транспортировка нефти на Алтыарыкский НПЗ осуществляются с использованием участка нефтепровода “Кумколь—Шымкент—Бухара” и по железной дороге. Поставки конденсата на Бухарский НПЗ осуществляются по железной дороге.

Для поставок сырой нефти из Казахстана (Кумкольская группа месторождений) на Ферганский НПЗ компания “ПетроКазахстан” совместно с “Узбекнефтегазом” реконструировала и запустила трубопровод “Шымкент — Пахта” протяженностью 140 км, пропускной способностью — до 2 млн т в год.

Инвестиционный климат

В 1992—1999 гг. иностранные инвестиции привлекались в форме предоставления кредитов зарубежными банками под суверенную гарантию узбекского правительства: поскольку страна впервые была представлена на международном рынке капиталов как независимое государство, в период становления требовались твердые гарантии высокого уровня.

С 2000 г. узбекское законодательство в части привлечения иностранных инвестиций постепенно либерализуется: в апреле был издан указ “О мерах по привлечению прямых иностранных инвестиций в разведку добычи нефти и газа”, предусматривающий льготы инвесторам для компенсации их геологических рисков; в декабре 2001 г. принят Закон “О соглашениях о разделе продукции” (СРП), распространяющий льготы и на участников добывающих проектов; в декабре 2002 г. утверждена новая версия Закона о недрах, расширяющая права инвесторов.

В 2005 г. введен в действие важный для стимулирования инвестиционной деятельности закон “О дополнительных мерах по стимулированию привлечения прямых частных иностранных инвестиций”, существенно расширивший масштабы применения налоговых и иных послаблений. Согласно закону право на льготы получили предприятия, в уставном капитале которых доля иностранцев не менее 50%. Льготы предусматривают освобождение от уплаты налога на прибыль по основной деятельности и на имущество, от отчислений в дорожный фонд, ряда других бюджетных выплат. Кроме того, убытки от основной деятельности, возникающие у создаваемых СП, переносятся на срок до 5 лет равными долями для погашения за счет прибыли в годы, следующие за отчетным периодом, когда деятельность была убыточной.

В 2006 г. объем иностранных инвестиций в экономику Узбекистана превысил 20 млрд долл. — более чем вдвое выше уровня 2000 г. При этом объем иностранных вложений в нефтегазовую отрасль превысил 2,1 млрд долл. (табл.5). Инвесторы традиционно предпочитают работать на условиях СРП, что обусловлено либерализацией налогового режима.

В 2007 г. Узбекистан планирует реализовать 78 инвестиционных проектов с привлечением иностранных инвестиций в объеме 1,018 млрд долл., что пре-

дусмотрено инвестиционной программой, утвержденной постановлением Президента Узбекистана Ислама Каримова. Из этого на иностранные кредиты под гарантию правительства приходится 325,6 млн долл. по 36 проектам, за счет прямых иностранных инвестиций — 692,7 млн долл. по 41 проекту.

Наибольший объем иностранных инвестиций (424,4 млн долл.) приходится на 9 проектов в топливно-энергетическом секторе, из них 418,7 млн долл. планируется вложить в 7 проектов нефтегазовой отрасли за счет прямых инвестиций зарубежных компаний.

В нефтегазовом комплексе Узбекистана действуют главным образом российские и китайские компании. С российской стороны в Узбекистане работают: ОАО "Газпром", НК "ЛУКОЙЛ", а также дочерняя структура инвестиционно-финансовой группы "Союзнефтегаз" — компания "Союзнефтегаз Восток Лимитед" (табл.6).

"ЛУКОЙЛ" планирует осваивать Кунградский участок в Северо-Устьюртской НГО, разрабатывать Кандымскую группу месторождений, а также месторождения Хаузак и Шады в Бухара-Хивинском регионе. В ближайшее время предполагается ввести в эксплуатацию месторождения Хаузак и Шады, доходы от реализации газа с которых пойдут на освоение Кандыма и Кунграда. Газ, добываемый на месторождениях Кандымской группы, будет продаваться "Газпрому" и экспортироваться в направлении России; проект также предусматривает строительство газохимического комплекса мощностью 6 млрд м³ в год, первая очередь которого сможет войти в эксплуатацию в 2010 г. Инвестиции компании в 2007 г. составят 170 млн долл.

Современный этап сотрудничества ОАО "Газпром" с "Узбекнефтегазом" начался в 2002 г., когда было подписано соглашение о стратегическом партнерстве, предусматривающее последовательное увеличение поставок газа в Россию, пролонгированное и расширенное в 2007 г. В 2003 г. заключено рамочное соглашение о совместном освоении месторождений перспективного Устьюртского региона. В 2004 г. принято СРП сроком на 15 лет с первоначальным объемом инвестиций 15 млн долл., предполагающее участие "Газпрома" в процессе восстановления добычи газа на месторождении Шахпахты. В январе 2006 г. Газпром и Узбекнефтегаз подписали два соглашения, определяющих принципы геологического изучения недр семи инвестиционных блоков Устьюртского региона и основные моменты соглашения о разделе продукции (СРП) месторождений Урга, Куаныш и Акчалакской группы Устьюртского региона на западе страны. Деятельность "Газпрома" в Узбекистане осуществляется в основном через дочернее общество — ЗАО "Зарубежнефтегаз".

Компании "Союзнефтегаз Восток Лимитед" принадлежат две лицензии: на разведку нефтегазовых запасов в Центральном Устье и на разведку месторождений Адамташ и Южно-Кызылбайракского в Юго-Западном Гиссаре. Первоначально (в 2001 г.) лицензии на освоение этих площадей были выданы совместно предприятию "Союзнефтегаза" и "Узбекнефтегаза," компании "УзПЕК лтд" на условиях Соглашения о разделе продукции. Это был первый контракт подобного типа, подписанный в республике. Указ Правительства предусматривал существенные льготы по налогообложению. Однако целенаправленное развитие только добычи без соответствующего восполнения сырьевой базы на месторождениях повлекло отзыв лицензий. В начале 2007 г. лицензии на право проведения поисково-разведочных работ сроком на 5 лет с последующей добычей в течение 36 лет возобновлены.

В последние годы происходит значительная активизация китайских компаний. Первоначально бизнес китайских инвесторов в НГК Узбекистана ограничивался, в основном, сервисными контрактами, в последующем появился ряд проектов в сфере разведки и разработки нефтегазовых месторождений (табл.7).

Таблица 7

Проекты в НГК Узбекистана с участием китайских компаний

Инвестор	Проект	Капитальные вложения, млн долл.	Вид деятельности	СП
КННК (CNPC)	23 месторождения на Устюрте и в Бухара-Хивинском регионе	600,0	Разведка и разработка	“УзКННК”
КННК (CNPC)	Арнияз, Сардоб, Марковское, Умид, Устюрт	47,3	Разведка и разработка	“УзКННК”
“Дуншэн” (Dong Sheng)	Месторождения в Ферганской долине	113,0	Разведка и разработка	“УзДуншэн”

Китайская национальная нефтегазовая корпорация (КННК) планирует инвестировать около 600 млн долл. в разведку и разработку 23 месторождений, расположенных в Бухара-Хивинском регионе. Из них 20 месторождений квалифицируются как мелкие, их освоение по отдельности нерентабельно, поэтому будет реализован проект комплексной разработки всей группы. Остальные три месторождения — средние по запасам и ранее уже находились в разработке, самое крупное из них — месторождение Умид с остаточными запасами в 2,5 млн т. Кроме того, КННК начнет разработку в Устюртском регионе месторождений Арнияз, Сардоб, Марковское, Умид с трудноизвлекаемыми запасами углеводородов. Часть доходов от продажи добытого здесь газа предполагается вкладывать в разведку перспективных участков Устюртского блока.

Частной китайской нефтяной компанией “Дуншэн” (Dong Sheng) создано совместное с “Узбекнефтегазом” предприятие “УзДуншэн”, которое займется реабилитацией длительно разрабатываемых нефтегазовых месторождений, геологоразведочные работы на новых участках Ферганской долины; намеченный объем инвестиций - 113 млн долл. Предусмотрено использование опыта китайской компании по бурению наклонных скважин в сложных геологических условиях. Кроме того, компания “Дуншэн” планирует реабилитировать длительное время разрабатываемые месторождения Андижанской области, а в дальнейшем начать разведку и разработку новых участков. Разведанные запасы Андижанского региона составляют около 130 млн т нефтяного эквивалента, гипотетические — 150 млн т. Почти весь объем приходится на долю жидких углеводородов. Близость этих месторождений к Ферганскому НПЗ и Китаю позволят эффективно организовать поставки сырья на переработку в западные районы Китая.

Кроме российских и китайских компаний в НГК Узбекистана действуют фирмы из Швейцарии, Малайзии, Кореи, других стран (табл. 8).

Таблица 8

Проекты в НГК Узбекистана с участием европейских и азиатских компаний

Инвестор	Проект	Капитальные вложения, млн долл.	Вид деятельности	СП
“Зеромакс групп” (Zeromax GmbH), Швейцария	Месторождение Кокдумалак	30,9	Утилизация попутного газа	“Кокдумалак газ”
“Зеромакс групп” (Zeromax GmbH), Швейцария	Нефтегазовые месторождения в Гиссарском регионе	400,5	Добыча углеводородов	-
“Петронас” (Petronas), Малайзия	Байсунский блок (Сурхандарьинская область)	47,8	Разведка и добыча газа	-
“Пробади” (Probadi), Малайзия	Месторождение Карактай	12	Добыча нефти	“Узмалойл”
“КОГАЗ” (KOGAZ), Корея	Месторождение “Сургиль” (Устюрт)	960	Разработка месторождения	-

“Зеромакс групп” (Швейцария) работает на рынке Узбекистана с 2000 г. Кроме нефтегазового комплекса, она ведет деятельность и в других отраслях экономики (сельском хозяйстве, текстильной, цементной, кабельной промышленности), активно участвует в создании предприятий малого и среднего бизнеса. Организован ряд СП с “Узбекнефтегазом”: “Гиссарнефтегаз”, “Кокдумалакгаз”, “Бентонит”, “Нефтегазмонтаж”, “Нефтегазсаноатлойиха”, “УзГазОйл”, “Темир-Хизмат”.

Совместно с НХК “Узбекнефтегаз” реализован ряд инвестиционных и подрядных проектов: поставка комплектующих для строительства Шуртанского ГХК; проектирование и строительство 60-километровой нитки, соединившей газопровод “Бухара-Урал” и УКПГ “Восточный Бердах”, что позволило увеличить мощность газотранспортной системы республики и повысить возможности по экспорту; строительство экспортного газопровода “Газли-Сарымай”, горного участка газопровода “Шуртан—Шерабад” и магистрального газопровода “Мубарек—Галляларал—Янгиер”; расширение и капремонт участков магистральных газопроводов “Газли—Каган”, “Бухара—Урал” и др. Расширение в 2004 г. участка газопровода “Газли—Нукус” позволило увеличить экспорт природного газа в северном направлении до 7 млрд м³ в 2004 г., а после выполнения следующего этапа строительства в 2005—2006 гг. пропускная способность на этом направлении увеличилась до 12 млрд м³ в год. СП “Кокдумалак газ” реализует проект утилизации попутного газа Кондумалакского месторождения (необходимый объем инвестиций — более 30 млн долл.)

На небольшом месторождении Карактай работает совместное предприятие “Узбекнефтегаза” и малазийской компании “Пробади” (Probadi) — “Узмайл”, с объемом добычи нефти менее 50 тыс. в год.

Корейская KOGAZ в 2007 г. приступит к комплексной разработке месторождения “Сургиль” на Устюрте с общим объемом инвестиций 960 млн долл.

Прогноз добычи и экспорта нефти и газа

По прогнозу ежегодная добыча нефти в Узбекистане составит в 2007 г. 5,3 млн т, в 2010 г. — 5,0 млн т. Начиная с 2011 г. будет наблюдаться некоторый рост на уровне 1,8—2,2%, обусловленный завершением геологоразведочных работ на крупных блоках и вводом в промышленную эксплуатацию ряда месторождений. Так в 2020 г. добыча нефти составит 5,6 млн т, к 2030 г. возрастет до 7,2 млн т, достигнув уровня 2001—2002 гг. (табл.9). Потребление нефти увеличится к 2010 г. до 9,2 млн т, к 2020 г. — до 12,3 млн т, а в 2030 г. составит 16 млн т. Душевое потребление нефти возрастет с 0,31 т/чел. в 2006 г. до 0,47 т/чел. к 2030 г. Для удовлетворения потребностей населения и экономики потребуется импорт сырья в размере 4,2 млн т в 2010 г., 6,7 млн т в 2020 г. и 8,8 млн т в 2030 г.

Таблица 9

Прогноз добычи, потребления и нетто-импорта нефти в Узбекистане до 2030 г., млн т

Показатель / Год	2007	2010	2015	2020	2025	2030
Добыча нефти	5,3	5,0	5,2	5,6	6,3	7,2
Потребление нефти*	8,4	9,2	10,7	12,3	14,1	16,0
Нетто-импорт	3,1	4,2	5,5	6,7	7,7	8,8

В рамках прогноза годовая добыча природного газа в Узбекистане будет сокращаться вплоть до 2011 г. и в 2010 г. составит 52,3 млрд м³. В последующем предстоит рост объема добычи газа, в основном обусловленный полномасштабным освоением месторождений Устюртского района. Так, в 2020 г. добыча достигнет 60,5 млрд м³, в 2030 г. — 68,2 млрд м³. (табл.10). В потреблении природного газа продолжится тенденция падения темпами 2—3% в год и в 2010 г. составит 39,1 млрд м³. Начиная с 2012 г. ожидается постепенное оживление потребления газа: к 2020 году спрос увеличится до 43,4 млрд м³, к 2030 г. — до 47,5 млрд м³. Душевое потребление в рассматриваемый период уменьшится с 1,6 тыс. м³/чел. в 2006 г. до 1,4 тыс. м³/чел. к 2030 г.

Прогнозируется, что Узбекистан будет наращивать экспортные поставки, Россия увеличит импорт газа с 9 млрд м³ в 2006 г. до 15 млрд м³, на долю Таджикистана и других соседних государств Центральной Азии придется 2,8 млрд м³ в 2006 г. и достигнет 3,7 млрд м³ в 2030 г. При условии реализации проекта прокладки магистрального газопровода Средняя Азия (Туркменистан, Казахстан, Узбекистан) — Китай, возможна организация поставок в направлении АТР на уровне 700 млн м³ в 2015 г. с постепенным увеличением до 2,0 млрд м³ к 2030 г.

Таблица 10

Прогноз добычи, потребления и нетто-импорта природного газа в Узбекистане до 2030 г., млрд м³

Показатель / Год	2007	2010	2015	2020	2025	2030
Добыча природного газа	54,8	52,3	55,4	60,5	64,3	68,2
Потребление природного газа	42,5	39,1	40,1	43,4	45,3	47,5
Нетто-экспорт	12,3	13,3	15,3	17,1	18,9	20,7

Рекомендации для российских компаний по ведению коммерции в Узбекистане

С учетом специфики организационной структуры и институциональных условий в экономике и нефтегазовом комплексе Узбекистана целесообразно развитие коммерции совместно с национальным оператором — компанией «Узбекнефтегаз». Приоритетными направлениями деятельности российских компаний в НГК должны стать:

- Расширение участия в проектах разведки и разработки нефти и газа («Газпром», «ЛУКОЙЛ», «Роснефть», «Татнефть», «Союзнефтегаз», «Зарубежнефть»).

- Установление контроля над экспортной и транзитной газотранспортной инфраструктурой («Газпром»).

- Вхождение в нефтеперерабатывающие и нефтехимические проекты, включая модернизацию действующих и строительство новых предприятий («Газпром», «ЛУКОЙЛ», «Роснефть», «Татнефть», «Зарубежнефть»).

- Противостояние китайской экспансии на рынке сервисных услуг за счет согласованных действий российских компаний, заключения межправительственных соглашений, создания корпоративных альянсов («Газпром», «Татнефть», «Интегра»).

**О. Иакинф (Н.Я. Бичурин) —
выдающийся русский китаевед
(к 230-летию со дня рождения)**

© 2007

Хуан Лилян

Н.Я. Бичурин — один из классиков отечественной ориенталистики, заложивший основы научной синологии XIX в. в России. Дальнейшая судьба этой отрасли востоковедения неразрывно связана с его именем, которое навсегда вписано в историю российской отечественной науки. Его перу принадлежит свыше 100 крупных исследований, статей и переводов китайских исторических, географических, этнографических и философских произведений. Помимо знакомства с китайской литературой и источниками он с большим интересом изучал труды западных сиологов, что в дальнейшем помогло ему критически переосмыслить все имеющиеся знания о Китае. Позднее в своих сочинениях и рецензиях он критиковал католических миссионеров и некоторых европейских ученых, стремившихся представить Китай варварской и невежественной страной и оправдать грабительскую политику держав в отношении Китая. Так, в 1840 г. он, говоря о вкладе католических миссионеров в познание Поднебесной, писал: "Они много писали о Китае... при возможности наблюдать Китай со всех сторон — они слишком озабочены были делами проповедничества и мало имели времени заняться обзором сего государства в целом его составе. Некоторые, желая возвысить святость христианской веры пред язычеством, с намерением представляли Китай с одной дурной стороны, иногда даже с преувеличением. Другие хотели в китайских преданиях найти тождество с древними событиями библейской истории, не имевшими никакой связи с востоком Азии"¹. Одновременно И. Бичурин выступал и против не критического отношения к иностранным сочинениям со стороны российских авторов. Основываясь на первоисточниках и личных наблюдениях, он стремился показать читателю подлинную историю Китая, его быт, нравы, обычаи, политические, этико-моральные и философские учения, а не полагаться только на сведения, заимствованные с Запада, часто ошибочные и предвзятые. Н.Я. Бичурин значительно превосходил многих западноевропейских сиологов своего времени. В основе трудов Н.Я. Бичурина лежал обширный фактический материал, который он черпал из официальных китайских исторических трудов.

При этом диапазон источников был необычайно широк: от “Исторических записок” Сыма Цяня (148—86 гг. до н.э.) до “Истории династии Мин”, правившей в 1368—1644 гг. Он опирался на данные знаменитого сводного труда “Всеобъемлющего зеркала, управлению помогающего”, а также “Статистического описания Китайской империи”. В столь большом объеме до него никто в мировой синологии китайские источники не использовал. Благодаря трудам И. Бичурина, считал академик В.В. Бартольд, “русская синология еще в 1851 и 1852 годах опередила западноевропейскую”².

Он впервые в российской и мировой науке поставил вопрос о самобытности китайской культуры, отбросив модные тогда в Западной Европе теории египетского и вавилонского происхождения китайцев и их цивилизации. Он решительно осуждал пангерманские теории о происхождении тьяншаньских племен усунь, которые, по утверждению немецких и других историков Запада, представляли собой прагерманские племена. Подчеркивая несостоятельность подобных концепций, Иакинф указывал на то, что в усуньских племенах “даже запаху германского не было”. Он давал отпор и тем, кто пытался доказать финское происхождение усуньских племен лишь потому, что у них были “русые волосы и голубые глаза”.

Главным условием успеха ученый считал уважение к изучаемой стране, которое воплощалось в глубоком, академическом усвоении как древней, так и современной культуры и истории Китая, китайского языка. “Я старался всеми возможными мерами собирать из самих источников точные сведения как о внутреннем состоянии Китайской империи, — докладывал он в марте 1822 г. в Азиатский департамент Министерства иностранных дел, — так и о политических связях ее с окрестными народами”. Будучи китаеведом по призванию, он старался расширить круг поднимаемых проблем, далеко выходящих за пределы синологии. Помимо изучения Китая, он подготовил несколько десятков работ по Монголии, Тибету, Восточному Туркестану и Центральной Азии.

Один из первых биографов Н.Я. Бичурина Н. Адоратский отмечал: “Основавшись в Пекине, о. Иакинф поставил задачей своею как можно основательнее ознакомиться с неведомой страной и ее литературой и в 13 лет так изучил ее, так сроднился с ней, так полюбил, что, по словам знавших его, сам сделался похожим на китайца по внешнему виду... Главным секретом успеха в изучении китайского языка о. Иакинф обязан был, помимо своих блестящих способностей, постоянным сношением своим с китайцами, монголами, маньчжурами, тибетцами, туркестанцами и корейцами”. Благодаря энциклопедическим знаниям в области востоковедения имя о. Иакинфа стало известно еще при жизни, а его заслуженный авторитет общепризнан не только в России (его научные труды четырежды³ были удостоены наиболее почетной в те годы Демидовской премии, выдававшейся Петербургской академией наук в 1832—1865 гг. за опубликованные труды по науке, технике, искусству. Видимо, дважды в 1835 и 1839 гг. он был премирован полной премией, равнявшейся 5 тыс. рублей гос. ассигнациями, и дважды — половинной премией. 17 декабря 1828 г. он был избран членом-корреспондентом Императорской Академии наук), за рубежом (в 1831 г. по представлению французских востоковедов был избран членом Парижского азиатского общества). Он был хорошо знаком с А.С. Пушкиным, В.Ф. Одоевским, И.А. Крыловым, И.И. Панаевым, генерал-губернатором Восточной Сибири М.М. Сперанским, начальником 2-го отделения Азиатского департамента МИД России Е.Ф. Тимковским, дипломатом Н.П. Румянцевым, начальником Учебного отделения восточных языков при Азиатском департаменте МИДа, историком, лингвистом и библиографом Ф.П. Аделунгом, этнологом, лингвистом и историком А.М. Шегре-ном и многими другими. При встрече в Сибири с декабристом Н.А. Бестужевым в

1831 г. последний подарил о. Иакинфу четки, сделанные из кандалов, и акварелью написал его портрет.

Н. Бичурин охотно посещал литературные субботы В.Ф. Одоевского. «С тех пор, как Одоевский начал жить в Петербурге... открылись у него вечера, однажды в неделю, — вспоминал известный историк М.П. Погодин в 1869 г. — Здесь сходились веселый Пушкин и отец Иакинф с китайскими сузившимися глазками, толстый путешественник, тяжелый немец — барон Шиллинг... И живая миловидная графиня Ростопчина, Глинка и профессор химии Гесс, Лермонтов и неуклюжий многознающий археолог Сахаров, Крылов, Жуковский и Вяземский были постоянными посетителями. Здесь впервые явился на сцену большого света и Гоголь...»⁴.

Говоря о внешности И. Бичурина, можно сослаться на Н. Щукина, лично знавшего о. Иакинфа: «Был роста выше среднего, сухощав; в лице у него было что-то азиатское; борода редкая, клином, волосы темно-русые, глаза карие, щеки впалые и скулы немного выдававшиеся. Говорил казанским наречием на о; характер имел немного вспыльчивый и скрытый. Неприступен был во время занятий; беда тому, кто приходил к нему в то время, когда он располагал чем-нибудь заняться. Трудолюбие доходило в нем до такой степени, что беседу считал убитым временем»⁵.

Н.Я. Бичурин прекрасно владел древними языками — греческим и латинским, хорошо знал немецкий и французский, изучил китайский, японский и другие восточные языки. Лет с 60-ти принялся изучать турецкий, но бросил⁶. Он был хорошим художником⁷. Будучи в Китае, он сам делал зарисовки китайского быта, писал портреты китайцев, костюмы разных народов Поднебесной, собирал аналогичные рисунки китайских художников. Внучка о. Иакинфа Н.С. Моллер вспоминала: «О. Иакинф составил 49 иллюстрированных рисунков китайских, маньчжурских, монгольских, корейских и туркестанских костюмов мужчин и женщин. Это собрание пожертвовано в 1824 г., по высочайшему повелению государя императора, в Императорскую Публичную библиотеку в Петербурге»⁸. Альбомы, составленные из этих работ, по сегодняшний день хранятся в Отделе редких рукописей Российской национальной библиотеки в Петербурге. Они являются ценными этнографическими источниками.

Как справедливо отмечал А.Н. Бернштам, нетерпимый к проходимцам в науке и подлецам в политике, неутомимый в работе и остро реагировавший на события внутренней и международной жизни, о. Иакинф и при жизни, и много лет спустя после смерти вызывал самые разноречивые отзывы. Его нелицеприятие и резкость, активная защита своих убеждений, любовь к отечественной науке и высмеивание пресмыкавшихся перед иностранщиной, фактический атеизм, несмотря на клобук и монашескую рясу, — все это вызывало к нему любовь и уважение, с одной стороны, ненависть и злобствующие выпады — с другой⁹.

Родился Никита Яковлевич Бичурин (наст. фамилия — Пичуринский¹⁰) 29 августа 1777 г. по старому стилю в семье диакона в селе Бичурине¹¹ (с рубежа XVIII—XIX вв. село Пичурино стали писать как Бичурино, а по-чувашски — Шинер) Чебоксарского уезда Казанской губернии. Отец его, священник Яков Данилов был крестьянского происхождения. Можно предположить, что в семье Якова все знали по-чувашски и по-русски. Дети Якова (помимо Никиты, было две сестры: Татьяна и Матрена и брат Илья) росли вместе с крестьянскими детьми, с раннего детства участвовали в домашних и полевых работах. В 1786 г. девятилетний Никита поступил в только что открывшееся училище нотного пения в Свяжске при Богородицком монастыре, где и познакомился с основами грамоты. Здесь был введен новый, прогрессивный способ обучения, слушатели помимо греческого, латинского, немецкого, французского и еврейского языков,

изучали также историю, географию и математику. 10-ти лет в 1787 г. он поступил в Казанскую семинарию, где и получил фамилию Бичурин по селу, в котором родился. Там он изучал орфографию, грамматику, поэзию, риторику, философию, географию, арифметику, богословие. После 12-летнего курса обучения, блестяще закончив в 1799 г. семинарию, которая дала ему “богословско-философское образование”, молодого человека оставляют там учителем, где он в течение двух лет преподавал грамматику и риторику. Он писал стихи на русском и греческом языках, научился хорошо рисовать. В семинарии близким другом Никиты Бичурина был его двоюродный брат Александр Карсунский, сын священника.

“Безрадостное детство, неопределенное будущее, а возможно и безответная любовь, — считает известный китаист А. Хохлов, — побудили 22-летнего юношу 18 июля 1800 г. принять монашество, а вместе с ним новое имя Иакинф”¹².

Внучка ученого Н.С. Миллер утверждала, что двоюродные братья Никита и Александр по окончании курса в академии полюбили одну девушку — Татьяну Саблукову. Чтобы не ссориться и сохранить вечную дружбу, друзья решили между собой сделать ей предложение вместе: “Тот, который будет выбран, женится, а другой пойдет в монахи. Выбор пал на А. Карсунского, а Иакинф, исполняя уговор, принял монашество”. Эту же версию поддерживает и историк К. Тертицкий.

Считается, что еще учась в семинарии он обратил на себя внимание главы казанской епархии, члена Святейшего синода митрополита Амвросия (Подобедова), который, видимо, способствовал монашескому постригу Никиты Бичурина. Пострижение юноши, однако, было совершено не по призванию, и шаг этот имел для него трагические последствия. Н. Малиновский, находившийся вместе с о. Иакинфом в ссылке на Валааме, отмечал, что последний “сомневался в бесмертии души”¹³.

Два года спустя в 1802 г. Н.Я. Бичурин был возведен в ранг архимандрита и назначен в Вознесенский монастырь близ Иркутска и одновременно стал ректором Иркутской духовной семинарии и членом консистории. В 24 года у него оказалось под началом свыше сотни монахов. В 1806 г. у него возникает конфликт с семинаристами, в результате чего часть из них была исключена из семинарии, а сам о. Иакинф за конфликт с семинаристами и нарушение монашеского устава (содержание в монастыре под видом послушника бывшей крепостной актрисы Наташи Ивановой, приехавшей с ним из Казани) переведен по решению Св. Синода в апреле в Тобольск, где в июне 1806 г. определен преподавателем риторики в местной семинарии. Около года прожил Бичурин в Тобольске, внимательно знакомясь с имеющейся литературой, включая и светскую, в библиотеке семинарии и в доме архиепископа.

В 1805 г. из Санкт-Петербурга в Пекин вместе с посольством графа Ю.А. Головкина отправляется очередная 9-я Российская духовная миссия. Миссия в Пекине, учрежденная в 1715 г., служила в то время для русского правительства единственным источником достоверной информации о Китае. Ее состав подбирался Синодом и Коллегией иностранных дел, для каждой миссии устанавливался определенный срок пребывания в Пекине. Русские миссионеры отправлялись в Поднебесную не только для поддержания православной веры среди поселившихся ранее в Китае албазинцев (их насчитывалось 35 человек) и русских купцов, занимавшихся караванной торговлей через Монголию, но и для изучения языка, истории, культуры, нравов и обычаев соседа.

Назначенный синодом после долгих поисков глава миссии архимандрит Аполлос, доехав до Иркутска, решил отказаться от поездки в Китай. Тогда Ю.А. Головкин представил кандидатуру Н.Я. Бичурина в качестве начальника Российской духовной миссии и архимандритом Сретенского монастыря в Пекине.

Когда настоятель Знаменского монастыря, который жил в одной келье с Бичуриным, а также Тобольский и Сибирский архиепископ доложил в столицу Александру I о хорошем поведении о. Иакинфа, тот, уступив настояниям Ю.А. Головкина, назначил опального архимандрита главой миссии. В инструкции Синода начальнику 9-й духовной миссии определялся 10-летний срок его пребывания в Пекине и выдача жалованья на пять лет вперед.

Выехав из Кяхты 17 сентября 1807 г. и миновав со своими спутниками степи Монголии, Калган (Чжанцзякоу) о. Иакинф только через 4 месяца, 10 января 1808 г., прибыл в столицу Цинского Китая Пекин. В течение всего путешествия он вел путевые заметки, изучал монгольский язык. В состав миссии входило 10 человек: старший священник, 3 младших священника, 2 причетника и 4 ученика для изучения китайского и маньчжурского языков¹⁴.

С прибытием о. Иакинфа в Пекин начинается новый этап в его жизни. Свое 13-летнее пребывание в Миссии он целиком посвящает изучению Поднебесной, ее языка, истории, географии, нравов и обычаев.

Начал он с изучения китайского языка, сделав за два года большие успехи. «Не хваля себя, могу сказать, что живу здесь единственно для отечества, и не для себя, — писал он директору кяхтинской таможни П.Д. Вонифатьеву. — Иначе в два года не мог бы выучиться так говорить по-китайски, как ныне говорю»¹⁵. Помимо китайского языка он одновременно учил еще маньчжурский, монгольский, тибетский и корейский. Основная трудность в изучении китайского языка заключалась в отсутствии учебных пособий, и прежде всего китайско-русского словаря. Бичурин незамедлительно приступил к его составлению. «По сие время не имеем мы порядочного на китайском и маньчжурском языках лексикона, — писал он в одном из донесений в Петербург. — Я предпринял написать словарь китайский следующим образом. Покупать все ископаемое, все произрастающее и все живущее, равно и все вещи неизвестные иметь в натуре и на моделях. После сего обучаться или поверхностно проходить разные художества и ремесла, дабы увидеть все собственными очами, точнее узнать значение одной и той же буквы в разных употреблениях и купно иметь сведения о разных вещах. В минувшем году собрано довольно птиц, дерев, цветов и трав и заведен ботанический сад подле моих покоев. Сверх сего занимаюсь собранием лексикона и других нужных книг китайских. В лексиконе моем при переводе букв приобщены будут краткие описания произведений природы, отличных по виду и породе, всех религий и с обрядами, всех узаконений и с обычаями, всех художеств и с орудиями»¹⁶.

Через 4 года первый небольшой китайско-русский словарь был готов. Дополняя и совершенствуя его на протяжении последующего времени своего пребывания в Пекине, сверив его с известным многотомным энциклопедическим словарем «Канси цзыдянь», Бичурин создал словарь китайского языка, который в то время не имел себе равных за пределами Китая. В Архиве Института востоковедения РАН хранятся пять словарей Бичурина. Три словаря обнаружены в Библиотеке Петербургского университета, один из них «Тонический китайско-русский словарь», состоит из 9 томов¹⁷.

Знание китайского языка помогло Бичурину установить хорошие связи с Лифаньюанем (Палатой внешних сношений Китая), его часто привлекали как авторитетного специалиста со знанием нескольких иностранных языков помимо китайского для перевода документов и писем, поступающих из различных стран Европы.

Получение новых научных знаний поглощали почти все время и энергию Бичурина. «Чтобы вернее достигнуть предположенной мною цели и приобрести не поверхностные, но основательные познания о сем величайшем и многолюднейшем государстве, — писал он в донесении, — я признавал нужным заняться

со всевозможным старанием китайскою словесностию, дабы сим надежничейшим средством приближать себя как к ученым мужам тамошнего края, так и к самим источникам географии, статистики и истории Китайской империи”¹⁸. Иакинф неоднократно призывал в первую очередь изучать предметы первоочередной важности для страны и науки. “Кроме истории, географии и медицины, — отмечал он, — сколько других предметов могущих обратить внимание иностранца и любителя древности... Сколько бы открылось новых явлений, если бы пройти здешнюю медицину и ботанику. Здесь давно прививают оспу... Поэзия китайская имеет свое стопосложение, по ударениям располагаемое... риторика содержит свои правила для сочинений, и сии правила имеют некоторое сходство с нашими”¹⁹.

Первые годы пребывания в Китае И. Бичурин успешно занимался делами миссии, а также выполнял переводы на китайский язык христианских книг. После начала войны России с наполеоновской Францией царское правительство перестало посылать средства на содержание миссии, и ее хозяйство постепенно пришло в упадок. Жалования, которое получали члены Российской миссии от цинского правительства²⁰, выдаваемого с 1715 г., равного 855 руб. 50 коп. серебром на всех членов миссии и по 24 пуда риса на каждого в год²¹, явно не хватало. Для того, чтобы регулярно выплачивать жалование своим подчиненным, о. Иакинф был вынужден распродать часть церковного имущества, заложить монастырские дома и земли.

Члены миссии стали изыскивать собственные средства для пропитания: одни — изучив разговорный китайский язык, довольно успешно занимались адвокатурой по частным делам, другие начали торговать, третьи зарабатывали игрой в азартные игры. Болезнь и смерть членов миссии — учеников Е. Громова и М. Лавровского произвели тяжелое впечатление на остальных членов миссии. Через некоторое время сошел с ума иеромонах Нектарий, как писал Бичурин в 1810 г., “от запоя, а более от праздности и скуки”²².

Деньги из Петербурга впервые за 7 лет были отправлены только в 1815 г., после Венского конгресса. В 1816 г. И. Бичурин обращается в Синод с просьбой оставить его в Пекине на следующее десятилетие для завершения начатых им научных трудов и переводов, так как через 2 года срок его пребывания в Китае заканчивался. Но из Петербурга был получен отказ. Там вскоре стали подбирать состав для новой 10-й миссии, которую должен был возглавить архимандрит Петр (П.И. Каменский, 1765—1845), бывший в составе 8-й миссии в качестве ученика. В декабре 1820 г. В Пекин пребыла 10-я духовная миссия, передав ей дела о. Иакинф вместе со старым составом миссии 15 мая 1821 г. выехал из Пекина. На 15-ти верблюдах он помимо огромного количества личных научных записей и материалов вез более 4000 кг (400 пудов) ценнейших китайских и маньчжурских книг (упакованы в 12 ящиков, плюс 1 ящик своих рукописей, ящик с красками, и шесть трубок с картами и планами²³) необходимых для дальнейшего изучения страны, не забывая и о том, что таких материалов нет в библиотеках России. Часть книг в дальнейшем была передана в Публичную библиотеку в Петербурге и в училище азиатских языков в Иркутске.

За 13 с лишним лет пребывания в Пекине И. Бичурин проделал колоссальную работу. Он прочитал, перевел или законспектировал “Цзычжи тунцзянь ганму” (Основное содержание “Всеобщего зеркала, управлению помогающего”). Это многотомный труд (состоит из 59 цзюаней), составленный Чжу Си на основе знаменитой сводной истории Сыма Гуана (1019—1086) “Цзычжи тунцзянь”. Долгие годы эти два произведения служили в Поднебесной основой теории государственного управления и источником политической мысли. И. Бичурин, говоря об этом переводе, отмечал, что ““История” была переведена для собственного употребления при справках, тот перевод вообще не полон, не обработан и без пояснений”. До сих пор,

по нашим данным, этот исторический источник не переводился ни на один язык мира, если не считать перевода французского миссионера Майя (XVIII в.), но не с китайского, а с маньчжурского языка, причем перевода неполного и неточного.

В России не раз предпринимались попытки издать перевод “Цзы чжи тун цзянь ган му”. По данным Л.Н. Меньшикова и Л.И. Чугуевского в 1936—1939 гг. его начали готовить к печати Л.И. Думан (1907—1979), В.Н. Кривцов (1914—1979) и З.Г. Горбачева (1907—1979). Однако работа не была доведена до конца. Подготовкой к печати перевода И. Бичурина вновь занялись в 1951—1953 гг. Сотрудники сектора восточных рукописей ИВАН СССР Ленинграда З.И. Горбачева, Б.И. Панкратов (1892—1979), Г.Ф. Смыкалов (1877—1955), при участии С.М. Кочетовой и Г.О. Монзелера (1900—1959) подготовили к изданию и прокомментировали 16 томов “Всеобщего зеркала, управлению помогающего”. Планировалось издать этот академический труд под общей редакцией академика В.М. Алексеева (1881—1951), П. Толстова (1907—1976), Н.В. Кюнера (1877—1955) и Б.И. Панкратова к 100-летию со дня смерти великого ученого в 1953 г. Этот труд по неясным нам сегодня обстоятельствам не был опубликован. Машинописный текст, подготовленный к печати, так же как и рукопись И. Бичурина хранятся в Санкт-Петербургском отделении Института Востоковедения РАН.

Помимо этого в Пекине И. Бичурин обрабатывал и переводил различные китайские энциклопедии, статистические данные по Китайской империи. На седьмом году жизни в Китае он перевел “Четверокнижие” (“Сышу”), с “пространными изъяснениями”, считая, что оно “составляет ключ к переводу ученых китайских книг на другие языки”²⁴. Там же он перевел географическое описание Китая — “Дацин и тунджи”. Много труда о. Иакинф вложил в перевод “Описания Пекина”, к которому приложил составленный им в 1817 г. план города. Для подготовки этой работы, которая длилась целый год, он исходил все улицы и ху-туны города, вымеряя их длину шагами. “Описание Пекина” издали в Петербурге в 1829 г., почти одновременно вышел французский перевод этого труда, были обнародованы положительные рецензии как в российской, так и в зарубежной прессе. Помимо этого им были вывезены из Пекина подготовленные рукописи “Истории первых четырех ханов”, “История Тибета и Тангута”, “Описание Тибета”. “Описание Зюнгарию”, “Описание монгольского народа”, “Трактат о прививании оспы”, “Служебная (судебная — Х.Л.) медицина китайцев”, “Система мироздания”, “Об укреплении Желтой реки и канала подвозного”, “Монгольское уложение”. Однако большинство работ он закончил или написал и издал будучи уже в России. В рукописях остались такие работы, как “Трактат о прививании оспы”, “Служебная медицина китайцев” и “Об укреплении Желтой реки и канала подвозного”²⁵.

П. Каменский, сменивший И. Бичурина по посту начальника миссии, был поражен запущенностью ее дел. Он направил донесение в Петербург, обвинив своего предшественника во всех непорядках, в своей записке он постарался перечеркнуть и всю научную деятельность о. Иакинфа. “И языку китайскому (о. Иакинф), можно сказать, обучался для того, чтобы избавиться от скучного труда и изъясняться жестами и минами, — доносил П. Каменский. — Монахи последовали его примеру”²⁶. Эти обвинения поддержали также иркутский генерал-губернатор Трескин, до которого доходили жалобы на состояние дел миссии, и даже директор Кяхтинской таможни. О. Иакинф и члены его миссии обвинялись в лености, пьянстве и распутстве²⁷. О. Иакинф по возвращении в Россию был предан суду Синода. Не помогло даже обращение влиятельного князя А.Н. Голицына с докладом о заслугах о. Иакинфа к Александру I, который отказался изменить решение Синода, “не признавая справедливым оказать снисхождение к трудам его в ослаблении законов”²⁸. Церковный суд, несмотря на ходатайства ря-

да лиц и признанные заслуги о. Иакинфа, вынес постановление: “Архимандрита Иакинфа, как недостойного носить звание священнослужителя, лишив сана архимандрита, отправить под строжайшим надзором в Валаамском монастыре”²⁹. Пользовавшийся в столице огромным влиянием митрополит Серафим также приложил руку к осуждению И. Бичурина, он даже пытался лишить его рукописей, предлагая истребить их “как языческие”. Синод приговорил бывшего Начальника миссии архимандрита Иакинфа к лишению сана и пожизненному заключению в Валаамский монастырь простым монахом. 4 сентября 1823 г. о. Иакинф был отправлен на остров Валаам, где пробыл три года до 1 ноября 1826 г.

В монастыре И. Бичурин, несмотря на строгий уклад жизни, вел активную переписку с научными кругами Петербурга и не оставлял научных занятий, продолжал заниматься переводами, обработкой накопленных в Поднебесной материалов и подготовкой готовых рукописей к печати. Многие его работы, вышедшие в свет после возвращения в Петербург, были подготовлены именно на Валааме³⁰. Вот что сам о. Иакинф сообщал известному лингвисту и историку А.М. Шегрену 10 ноября 1824 г. из Валаама о проделанной им работе: “1. Летопись Китайской истории, называемая Цзы-чжи тхун-цзянь ган-му, в 8 томах; 2. История династии Мин, в одной книге; 3. География Китайской империи, заключающая землепользование Китая, Кореи, Маньчжурии, Монголии, Цзюньгарии, Вост. Туркестана, Хунхунора и Тибета. 2 тома с большою картою на российском языке; 4. История первых четырех ханов из дома Чингис-ханова, в одной книге; Сышу, или Четырехкнижие с простр[анным] толкованием, в двух томах; 6. Описание Тибета и тангута, в одной книге; 7. Описание Тибета в настоящем состоянии, в одной книге; 8. Описание Монголов за два века до Р.Х., в одной книге; 9. Описание Цзюнгании и Вост[очного] Туркестана (Малой Бухарии) за 150 лет до Р.Х., в одной книге; 10. Описание сих же земель в настоящем состоянии, в одной книжке; Описание Пекина, с большим планом; 11. Описание монголов до Р.Х., в одной книжке; 12. Трактат о прививке оспы, в одной кн.; 13. Китайская судебная медицина, в одной кн.; 14. Система мироздания, в од[ной] книжке; 15. Об укреплении Желтой реки, в одной книжке; 16. Монгольское уложение, в одной книжке; 17. Китайский словарь, переведенный на российский язык, в 6 томах”³¹.

Друзья и доброжелатели не бросили Н.Я. Бичурина в беде. С их помощью удалось освободить из ссылки опального “посла в Китае”, как его называли в петербургских салонах. В 1825 г., когда на царский престол вступил император Николай I, по ходатайству Азиатского департамента МИДа России, поддержанному министром иностранных дел К.В. Нессельроде, наконец было принято решение о переводе его в Петербург, “дабы он познаниями в китайском и маньчжурском языках мог быть полезен для государственной коллегии иностранных дел” (с предписанием, однако, постоянно проживать в Александро-Невской лавре). “Причислить монаха Иакинфа Бичурина к Азиатскому департаменту” — собственноручно написал на резолюции Николай I³².

Еще находясь на Валааме, о. Иакинф решил при издании своих научных трудов сначала ознакомить российскую общественность с сопредельными Россией и Китаю регионами (Тибетом, Монголией, Джунгарией и Восточным Туркестаном), а потом перейти собственно к Китаю. В таком порядке он и стал готовиться к печати свои крупные работы. “Порядок требовал прежде осмотреть Тибет, Тюркистан и Монголию, — писал он, — т.е. страны, которые издавна находятся в тесных связях с Китаем и чрез которые самый Китай имеет связи с Индиею, Среднею Азиею и Россиею. Надлежало прежде обозреть географическое положение и политическое состояние помянутых стран и отсюда вывести политические виды Китая на оные. Таким образом, я имел в виду до вступления в Ки-

тай подать некоторые понятия о тамошнем дворе и политике его, о тамошнем правительстве и законах его, о народных нравах и обычаях. По вступлении в самый Китай уже менее встретим затруднений при обозрении полного состава Китайской империи во всех политических ее изгибах". В 1828 г. вышел в свет его перевод с китайского языка "Описание Тибета в нынешнем его состоянии", снабженный его примечаниями и комментариями, а также картой. Появление первой в России книги о Тибете вызвало сразу же серию рецензий и популярных журналов: "Сын Отечества" № 9, "Московский вестник" № 10, "Северная пчела" № 72, в этом журнале были опубликованы рецензии О.И. Сенковского (псевд. "Тютюноглы") на все труды Бичурина³³.

О. Иакинф в апреле 1928 г. дарит свой труд А.С. Пушкину с дарственной надписью: "Милостивому Государю Моему Александру Сергеевичу от переводчика в знак истинного уважения"³⁴. В 1929 г. И. Бичурин издает "Сань-цзы-цин, или Троеслово, с литографированным китайским текстом", то есть поучения из трех слов, написанные в Китае в XIII в. Это была своего рода древняя энциклопедия для детей и подростков, содержащая нравоучения официального конфуцианского толка, где кратко излагалась сущность конфуцианской морали, прославлялись древние мудрецы, упоминались важнейшие исторические события. "В сей книжке и заложены все философские умствования китайцев с изъяснением понятий и выражений, странных для европейца, — писал он в предисловии, — почему может она служить у нас руководством к чтению переводов с китайского языка. Вот цель ее издания!". Сложности были с созданием параллельных текстов на двух языках — русском и китайском. В аннотации автор благодарил "изобретательный ум" П.Л. Шиллинга (изобретатель первого в мире электромагнитного телеграфа интересовался тибетским и китайским языком) за то, что иероглифы "ни мало не уступают стереотипу Пекинской дворцовой типографии". Параллельные тексты позволяли использовать "Саньцзыцин" в качестве учебного пособия для студентов в Казанском и Петербургском университетах.

"Существуют три категории отношений: между государем и чиновником, отцом и сыном, мужем и женой, — к примеру, говорилось в книге, — первые основываются на справедливости, вторые — на любви, третьи — на покорности". Эта книга получила такое название потому, что каждая строфа в ее тексте состояла из трех иероглифов. Ее И. Бичурин также дарит А.С. Пушкину. Последний высоко оценил смелую попытку автора передать китайские стихи на русском языке.

Рецензент "Московского телеграфа", откликнувшись на работу И. Бичурина и перечисляя его другие исследования, поощрял автора на дальнейшее создание подобных трудов, подчеркивая, что "за них мы будем вам благодарны более, нежели за китайский роман, переведенный г. Абель Ремюза, и за переводы, какими наполнил Азиатский магазин г-н Клапрот или Новый Азиатский журнал в Париже"³⁵.

В 1929 г. "Описание Тибета" было переведено на французский язык и опубликовано с примечаниями Ю. Клапрота.

В октябре 1828 г. вышел первый оригинальный труд И. Бичурина "Записки о Монголии" в четырех частях. В основу были положены путевые записки автора, которые он вел во время обратного пути из Пекина на родину в 1821 г., дополненные наблюдениями за время поездки по Монголии в 1807 г. Первая часть "Записок" была подготовлена еще в Пекине, а вторая — в Валаамском монастыре. В книгу автор включил материалы "Уложения палаты по делам зависимых территорий" (Лифаньюань цзэ-ли), составленного в 1789 г. Он был первым европейским исследователем, обратившим внимание на эту публикацию Цинского правительства.

За границей "Записки о Монголии" были переведены на французский язык. Ю. Клапрот покритиковал автора "Записок" за слепую доверчивость к китайским текстам. Н. Бичурин дал резкий ответ на эти замечания, указав на незнание им китайского языка и источников. "Клапрот довольно сведущ в языке китайском и переводит с оного изрядно, особенно статьи, переведенные прежде другими, — писал Бичурин, — ...умствования его по сему предмету очень походят на нелепейшие умствования буддистов о мироздании"³⁶. А редактору журнала французскому синологу А. Ремюза он высказал свое сожаление в том, что тот "дозволил нелепые замечания поместить в журнале Парижского Азиатского общества".

В 1929 г. появилось следующие работы о. Иакинфа: "Описание Чжунгарии и Восточного Туркестана в древнем и нынешнем его состоянии", "Описание Пекина" (сразу же переведено на французский язык), "История первых четырех ханов из дома Чингисова", в которой впервые в синологической литературе был представлен полный перевод из китайских источников кратких биографий Чингис-хана (1206—1227), Огодэя (1229—1241), Гуюга (1246—1248) и Монкэ (1251—1259), а также летописей их правления.

Новизну исторических материалов вынуждены были признать зарубежные востоковеды. Известному монголоведу К. д'Оссону после появления последних трудов И. Бичурина пришлось даже переработать свою ранее изданную "Историю монголов"³⁷.

В 1830 г. по предложению П.Л. Шиллинга И. Бичурин был включен в состав научной экспедиции в район Кяхты, где находился основной центр русско-китайской торговли. Он предполагал на месте составить грамматику китайского языка, дополнить и переписать с помощью местных китайцев составленный им тематический китайско-русский словарь и, наконец, "по желанию кяхтинских комиссаров" заняться преподаванием китайского языка. В Кяхте он провел около двух лет. Ему удалось выполнить большую часть намеченной программы, изучить возможности развития русско-китайской торговли. Он завершил перевод с китайского языка "Истории Тибета и Хухунора", а также перевел словарь "Сань хэ бяньлань", изданный на трех языках: маньчжурском, монгольском и китайском, и расположил его по монгольскому алфавиту.

В Кяхте в начале 1980 г. им было основано официальное разрешение последовало из центра только 28 ноября 1832 г.) училище китайского языка для детей кяхтинских купцов. Это было важным событием в жизни страны. Еще в конце XVIII в. купец Ф. Щегорин упрекал наше купечество, в первую очередь кяхтинское, в пренебрежении к изучению китайского языка. В этом отношении китайские купцы опередили российских. Уже в 20-х гг. XIX в. в Китае вышло указание, обязывающее любого мальчика, работающего по торговым делам в Кяхте, учить русский язык. Хотя справедливости ради следует сказать, что обучение было на довольно низком уровне. Это следует из письма директора кяхтинской таможни в Азиатский департамент: "Кяхтинский купец Николай Игумнов сообщает о предложении учредить школу для преподавания китайского языка, поелику наше купечество, торгующее на Кяхте, совершенно не знает оного, а китайцы говорят на испорченном русском наречии, на котором с большими затруднениями объясняются, почему не редко происходят споры и недоразумения"³⁸.

Успехи, достигнутые И. Бичуриным в преподавании китайского языка, побудили директора Кяхтинской таможни обратиться в январе 1834 г. в Азиатский департамент МИДа с просьбой вновь направить хотя бы на 2 года о. Иакинфа учителем китайского языка, а также напечатать составленную им грамматику. Просьба была удовлетворена и в феврале 1835 г. о. Иакинф прибыл в Кяхту, привезя с собой изданную в том же году в Петербурге грамматику китайского

языка. Его программа обучения, рассчитанная на 4 года, положила начало методике преподавания китайского языка в России. Созданная им грамматика была практически единственным пособием по изучению китайского языка в стране. По ней учились на восточных факультетах Казанского и Петербургского университетов. Нессельроде в докладе царю в апреле 1838 г. так характеризовал эту работу: "Состоящий при Азиатском департаменте монах Иакинф по возвращении своем из Кяхты окончил печатание второй части составленной им китайской грамматики. Польза сей книги, в которой давно был ощущаем недостаток, вполне оправдалась на опыте при преподавании китайского языка в учрежденном в Кяхте училище; и занимавшиеся при пособии оной молодые люди в несколько месяцев приобретали такие познания в языке, на которые без того нужны были целые годы"³⁹.

После первого возвращения из Кяхты в Петербург о. Иакинф в 1833 г. при содействии Академии наук издает "Историю Тибета и Хухунора с 2282 года до Р.Х. и до 1227 года по Р.Х. в 2-х частях" с приложением исторических карт северо-восточной части Тибета, алфавитного и географических указателей. Эта книга, по замечанию известного китаевода К.А. Скачкова, "осталась для современников почти не замеченной". В следующем году выходит его книга "Историческое обозрение ойротов, и калмыков, с XV столетия до настоящего времени" с приложенной к ней картой Монголии, комментариями и именованным указателем. Она по достоинству была оценена А.С. Пушкиным, который использовал ее материалы при написании "Истории Пугачева". "Самым достоверным и беспристрастным известием о побегах калмыков"⁴⁰, — писал Пушкин, — обязаны мы отцу Иакинфу, коего глубокие познания и добросовестные труды разлили столь яркий свет на отношения наши с Востоком"⁴¹.

В декабре 1838 г. императору Николаю I подарили работу И. Бичурина "Описание китайских монет", где описано 183 монеты различного времени, с предисловием и комментариями переводчика, сделанную с японского оригинала. За нее ученому из казны было пожаловано 4 тыс. руб., однако этих денег оказалось недостаточно для издания работы (да и сам автор считал, что "сочинение сие, чисто ученое и читающую публику интересовать не может"⁴²), в результате последняя осталась в рукописи⁴³.

К концу 1840 г. Выходит книга И. Бичурина "Китай, его жители, нравы, обычаи, просвещение". Она получает хорошие отзывы в прессе, хотя некоторые рецензенты упрекали автора в пристрастном отношении к Китаю. "Пристрастие нашего синолога ко всему китайскому, — писал О.И. Сенковский, — конечно, основывается на весьма благородных побуждениях и свойственном ученым увлечении своим специальным предметом, и дружбе к народу, среди которого провел он лучшие лета своей жизни"⁴⁴.

Следующая книга о. Иакинфа "Статистическое описание Китайской империи", основу которой составили материалы цинского свода законов, вышедшая в 1842 г., признавалось рецензентами того времени как сочинение "наилучшее и исправнейшее".

В 1848 г. Н. Бичуриным в Петербурге была опубликована работа энциклопедического характера "Китай в гражданском и нравственном состоянии". Некоторые наблюдения и выводы, сделанные автором в этой книге, впоследствии составили базу для научного изучения этнопсихологии китайцев. В.Г. Белинский, в рецензии на эту книгу критиковал автора за идеализацию политической системы цинского Китая. Указывая на богатство фактического материала ("истинное сокровище для ученых, по богатству важных фактов"), он писал: "Все эти законы и гарантии хороши только на бумаге, а на деле служат только обогащению берущих взятки и утеснению дающих взятки"⁴⁵.

Последней книгой, над которой И. Бичурин трудился в течение ряда лет, было "Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена". Она вышла в 1851 г. и была удостоена четвертой Демидовской премии. По словам К.А. Скачкова, это был самый капитальный труд о. Иакинфа, охватывающий огромный исторический период и заключающий в себе массу этнографических сведений¹⁶.

11 мая 1853 г. в возрасте 76 лет Н.Я. Бичурин скончался в келье Александро-Невской лавры. Его похоронили на следующий день на Лаврском кладбище. Через 13 лет в 1866 г. его друзья и сослуживцы по Азиатскому департаменту поставили памятник с надписью на русском ("Иакинф Бичурин") и китайском языке ("Постоянно прилежно трудился над увековечившими [его] славу историческими трудами").

О. Иакинф постоянно жил с глубокой внутренней убежденностью в призвании быть полезным своему отечеству, интересы которого имели для него высшее значение, отмечал академик Н.Т. Федоренко. В его глазах Восток представлял сокровищницей, которая не может не быть приобщена к культуре общечеловеческой. Здесь он видел источник знаний и опыта, которые должны быть использованы во благо мировой науки. Всего более вниманием Иакинфа владел Китай и его народ, великим трудолюбием которого была создана древнейшая цивилизация¹⁷.

В последние годы в России были переизданы несколько наиболее значимых работ Н.Я. Бичурина, являющихся сегодня уже библиографической редкостью (это "Китай в гражданском и нравственном состоянии", "Статистическое описание Китайской империи", изданные "Восточным домом" в Москве в 2002 г., с предисловиями К.М. Тертицкого и А.Н. Хохлова), однако это только "первые ласточки". На наш взгляд, следует продолжить публикацию трудов о. Иакинфа, как изданных ранее (а их насчитывается около 70), так и рукописных.

1. Бичурин Н.Я. Статистическое описание Китайской империи. СПб., 1842. С. VIII-IX; Он же. Статистическое описание Китайской империи. М., Восточный дом, 2002. С. 32.
2. Анналы. 1923. С. 261. Цит. по: Хохлов А.Н. Н.Я. Бичурин и его труды о Цинском Китае // Бичурин Н.Я. Статистическое описание Китайской империи. М., 2002. С. 29.
3. Боголюбов М.Н. и Мясников В.С. ошибочно говорят только о трех Демидовских премиях (См.: Православие на Дальнем Востоке. 275-летие Российской духовной миссии в Китае. СПб.: Андреев и Сыновья, 1993. С. 7; Мясников В.С. Избрание отца Иакинфа (Бичурина) в Академию наук // История Российской духовной миссии в Китае. М.: Изд-во Свято-Владимирского братства, 1997. С. 207).
4. Хохлов А.Н. Указ. соч. С. 14.
5. Журнал Министерства Народного Просвещения. 1857. Сент. С. 125; Мясников В.С. Указ. соч. С. 211.
6. Мясников В.С. Избрание отца Иакинфа (Бичурина) в Академию наук. С. 211.
7. Нестерова Е.В. Автопортрет в китайском костюме // Искусство Ленинграда. 1900. № 5. С. 58-63.
8. Моллер Н.С. Архимандрит Иакинф Бичурин: Воспоминания его внуки // Русская старина. СПб., 1888. № 8. С. 274.
9. Бернштам А.Н. Н.Я. Бичурин (Иакинф) и его труд "Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.: Изд-во АН СССР, 1950.
10. Хохлов А.Н. Н.Я. Бичурин и его труды в Цинском Китае. С. 5.
11. А.Н. Хохлов пишет, что Бичурин родился в с. Акулово Свяжской округи (позднее Чебоксарского уезда Казанской губернии) (Хохлов А.Н. Указ. соч. С. 5).
12. Хохлов А.Н. Указ. соч. С. 5. Имя Иакинф было весьма распространенным в духовной среде, оно давалось в память одного из святых мучеников римских времен.

13. Алексеев М.П. Пушкин и Китай // А.С. Пушкин и Сибирь. Иркутск, 1937.
14. Мороз И.Т. Девятая Российская Духовная Миссия (К истории ее отправления в Пекин) // История Российской духовной миссии в Китае. С. 241;249.
15. Хохлов. А.Н. Указ. соч. С. 7.
16. Тихвинский С. Л., Пескова Г.Н. Выдающийся русский китаевед о. Иакинф (Бичурин) (к 220-летию со дня рождения) // Новая и новейшая история. 1977. № 5; История Российской духовной миссии в Китае. С. 173.
17. Скачков П.Е. Указ. соч. С. 93.
18. Тихвинский С. Л., Пескова Г.Н. Указ. соч. С. 175.
19. Скачков П.Е. Очерки истории русского китаеведения. М.: Наука, 1977. С. 95.
20. Цинский правительством было оговорено, что прибывшим в миссию "дается корм" со стороны китайской стороны. Это подтверждается Иеромонахом Николаем (Адоратским), писавшим, что пекинское правительство "поддерживало членов православной миссии жалованием и натуральным содержанием" до 1858 г. (см.: Иеромонах Николай (Адоратский). История Пекинской Духовной Миссии в первый период ее деятельности (1685-1745) // История Российской духовной миссии в Китае. С. 28-29).
21. Тихвинский С. Л. Указ. соч. С. 200.
22. Скачков П.Е. Указ. соч. С. 92.
23. Там же. С. 96.
24. Там же. С. 94.
25. Там же. С. 95.
26. Тихвинский С.Л. Указ. соч. С. 177.
27. Скачков П.Е. Указ. соч. С. 92.
28. Тихвинский С.Л. Указ. соч. С. 179.
29. Русская старина. 1888 (июль-август-сентябрь). С. 301; Мясников В.С. Указ. соч. С. 201.
30. Подробнее см.: Мясников В.С. Валаамская ссылка Н.Я.Бичурина // Проблемы Дальнего Востока. 1985. № 1. С. 115-121; № 2. С. 131-138.
31. Мясников В.С. Избрание отца Иакинфа (Бичурина) в Академию наук. С. 204.
32. Тихвинский С.Л. Указ. соч. С. 180.
33. Скачков П.Е. Указ. соч. С. 99—100.
34. Там же. С. 107; Черкашина Л. "К подножию ль стены далекого Китая" // Россия — Китай. XXI век. М., 2007. январь. С. 58.
35. Московский телеграф. 1828. № 30. ч. 30, № 24. С. 454-458.
36. Скачков П.Е. Указ. соч. С. 101.
37. Хохлов А.Н. Указ. соч. С. 14.
38. Скачков П.Е. Указ. соч. С. 110.
39. АВПРИ, ф. СПб. Гл. архив, п-11, оп. 50, 1832, д. 6, л. 104. Цит. по: Тихвинский С. Л. Указ. соч. С. 187-188.
40. Ойроты (калмыки) сначала бежали из Джунгарии на Волгу, а затем в 1771 г. ушли с Волги назад в Джунгарию.
41. Пушкин А.С. История Пугачева // Собрание сочинений. Т. 8. М.-Л., 1949. С. 287.
42. Скачков П.Е. Указ. соч. С. 108.
43. Хохлов А.Н. Указ. соч. С. 18.
44. Там же. С. 19.
45. Современник. 1848. Т. 7. № 1. Отд. III. С. 44-49.
46. Хохлов А.Н. Указ. соч. С. 24.
47. Федоренко Н. История одной жизни // Кривцов В. Путь к Великой стене. Л.: Лениздат. 1972. С. 283.

Японо-корейские отношения: динамика и основные тенденции на фоне советско-американского противостояния (1945 — 1975 гг.)

© 2007

И. Кубьяс

После окончания второй мировой войны державы-победительницы практически не имели четкого представления о том, какой должна быть структура взаимоотношений в Восточной Азии. На практике существовали лишь договоренности о принципах послевоенного урегулирования, которые были достигнуты на Ялтинской и Потсдамской конференциях 1945 г. По отдельным вопросам взгляды СССР и США в тот период практически совпадали: обе великие державы были весьма решительно настроены помешать возрождению сильной Японии, стремились избежать соприкосновения сфер своей прямой военно-политической заинтересованности и выглядели склонными к созданию буферных государств (в частности, в Корее). При этом Вашингтон рассматривал Китай как основу будущего регионального порядка и державу-победительницу, способную занять место, которое прежде завоевала себе Япония¹.

Державы-победители решали главную геополитическую задачу раздела Японской империи так, чтобы будущее японское государство не могло стать угрозой региональной безопасности. Изъятие Кореи из-под юрисдикции Токио было не только актом разукрупнения противника, но и элементом целенаправленных усилий, направленных на начало реальной ликвидации колониальной системы в Азии. Примечательно, что Великобритания выступала резко против предоставления Кореи независимости, справедливо опасаясь, что это станет стимулом к распространению антиколониальных настроений на другие азиатские страны. Тем не менее, еще в Каирской декларации 1943 г., принятой США, Китаем и Великобританией, было зафиксировано, что Корея получит независимость в "должное время", что подразумевало ее постепенный переход от состояния части Японской империи к независимой государственности.

Камнем преткновения стал вопрос о внешнеполитической ориентации будущей Кореи в связи с реальной опасностью спровоцировать острое соперничество между СССР и США за влияние на нее.

Тем не менее, по существу позиции СССР и США были близки друг другу в том, что обе стороны настойчиво уклонялись от признания прав той или иной из корейских сил представлять весь корейский народ. Именно исходя из этого, московское совещание министров иностранных дел союзных стран приняло в декабре 1945 г. решение учредить над Кореей международную опеку в лице

США, СССР, Великобритании и Китая. Реализация названного решения вполне могла привести к превращению Кореи в эффективную буферную зону между интересами СССР и США, а в перспективе, к ее эволюции в качестве нейтрального государства по примеру Австрии. Однако националистический максимализм корейских политических фракций в обеих частях страны не позволил этим планам осуществиться. СССР и США были вынуждены отказаться от идеи международной опеки как неприемлемой для самих корейцев.

В результате после двадцатимесячных переговоров в 1946—1947 гг. Москва и Вашингтон так и не смогли договориться об условиях создания единого правительства Кореи. В октябре 1947 г. удалось лишь условиться о согласованном выводе советских и американских войск. Правительства СССР и США не стремились повышать вероятность общего конфликта между собой и все последовательнее руководствовались старым добрым принципом, стимулировавшим практические действия по проверенной схеме: не упускать приобретенного и всеми силами уменьшать риск схватки из-за второстепенного, данном конкретном случае — из-за разногласий по корейским делам. Фактический раскол Кореи создавал проблемы для стабильности исключительно в долгосрочном плане, в краткосрочном же мог реально послужить предпосылкой к объективному ослаблению накала конфликтности. Эти стратегические соображения подталкивали СССР и США в направлении закрепления в Корее сложившегося статус-кво и вполне логично привели к окончательному оформлению двух корейских государств — Республики Корея на юге (июль 1948 г.) и Корейской Народной Демократической Республики на севере (сентябрь 1948 г.). К концу 1948 г. из Кореи ушли советские части, а к июню 1949 г. — американские.

К началу 1950-х гг. в Восточной Азии последовательно стала складываться система биполярного противостояния СССР и США. В зоне Тихого океана это противостояние приобрело форму жесткой конфронтации, главным образом в разделенных государствах — Китае, Корее и отчасти во Вьетнаме. Корейская война 1950—1953 гг. сыграла ключевую роль в распространении биполярности на другие регионы мира, реально угрожая перерасти в общий конфликт США с СССР².

А что же Япония? Оказав содействие принятию Японией мирной конституции 1947 г., США предоставили японскому правительству уникальную возможность юридически обосновывать нежелание становиться активным проводником американской политики в Восточной Азии. К моменту создания КНДР осенью 1948 г. Япония уже сумела убедить США, что геополитический сдвиг, вызванный выпадением Китая из зоны американского влияния, вызвал необходимость восстановления устойчивости системы восточно-азиатской безопасности в условиях, когда уже нельзя было рассчитывать на сотрудничество с Пекином и даже приходилось преодолевать противодействие последнего³. Взаимное раздражение СССР и США в годы корейской войны, переросшее во враждебность, окончательно убедило тогдашнее японское руководство в необходимости опираться при определении своей роли в региональном устройстве исключительно на позицию американской администрации. Особенно наглядно это проявилось в ходе подготовки Сан-Францисской мирной конференции⁴, которая была назначена на сентябрь 1951 г., прежде всего для подписания мирного договора с Японией. Одновременно США намеревались заключить с Токио двусторонний договор об основах отношений, включая запуск долговременного процесса нормализации американо-японских отношений. Этот процесс был призван восполнить "потерю Китая" и в условиях продолжавшейся войны в Корее добиться между-

народной легитимизации размещения американских войск на Филиппинах, в Японии, на архипелаге Рюкю и в других районах “на японской территории и вокруг нее”, где они могли бы быть дислоцированы в интересах поддержания мира и безопасности в “зоне Японии”, куда включался и Корейский полуостров⁵.

В ходе состоявшейся 4—8 сентября 1951 г. Сан-Францисской мирной конференции США удалось запустить процесс мирного урегулирования с Токио, который фактически устранил последние препятствия на пути заключения американо-японского договора о гарантиях безопасности (кстати, подписанного на следующий день после мирного договора с Японией)⁶. Можно согласиться с мнением ряда зарубежных исследователей о том, что договор безопасности между США и Японией был прежде всего направлен на создание гарантий в случае возобновления японской агрессии, и его вряд ли можно считать результатом Корейской войны, поскольку Сан-Францисская система договоров в тот момент “никак не считалась барьером против коммунизма”. В контексте так называемой нейтрализации японской опасности уместно рассмотреть новую американскую трактовку “тихоокеанского оборонного периметра”, принятую на доктринальном уровне в январе 1953 г. администрацией президента Д. Эйзенхауэра. В частности, Совет национальной безопасности США констатировал: “Соединенные Штаты взяли на себя обязательства считать, что нападение на Японию, Филиппины, Австралию и Новую Зеландию будет представлять собой нападение и на США”⁸. Принимая такое решение, Вашингтон впервые официально попытался включить Японию в число своих региональных союзников, противостоящих общей угрозе безопасности Восточной Азии с стороны СССР и КНР.

Характерно, что “оборонный периметр” США продолжал последовательно расширяться и в августе 1954 г. в “Обзоре политики США на Дальнем Востоке” для СНБ уже было сказано, что его линия проходит через Тайвань. Южная Корея в него включена не была, хотя по ее поводу в докладе отмечалось, что она представляет собой “элемент, существенный для безопасности Соединенных Штатов”⁹. По некоторым оценкам, подобная позиция отражала настороженное отношение американской администрации к южнокорейскому режиму Ли Сын Мана, поскольку США, не доверяя Сеулу, опасались его попыток спровоцировать новый конфликт с КНДР. Еще в докладе Объединенного комитета начальников штабов от 2 апреля 1953 г. о положении дел и возможном курсе США в Корее было установлено несколько ограничений для боевых действий американских вооруженных сил в зоне конфликта. Они включали, в частности: запрет ВВС пересекать границы СССР и Маньчжурии, запрет ВМС проводить операции в пределах 12-ти морских миль от побережья СССР, Маньчжурии и Северной Кореи, запрет на проведение разведки в районе советско-корейской границы, запрет на попытки организовать морскую блокаду КНР, запрет на привлечение к боевым действиям в Корее вооруженных сил Чан Кайши и вспомогательных японских подразделений. Подчеркивалось, что решение о нанесении превентивного удара по Китаю может быть принято только лично президентом США и лишь в том случае, если американским вооруженным силам и их союзникам в Корее “будет угрожать катастрофа”¹⁰. Названный доклад был одобрен и стал основой директивы СНБ № 147.

В результате давления СССР на Пхеньян и США на Сеул 27 июля 1953 г. было подписано соглашение о перемирии в Корее при участии представителей КНДР, Республики Корея и Соединенных Штатов Америки. Правительство Ли Сын Мана до последнего момента отказывалось заключать перемирие и уступи-

ло только после того, как Вашингтон ясно пригрозил направить массивную экономическую помощь исключительно Японии и дал обещание Южной Корее подписать с ней отдельный военный договор¹¹. Вашингтон выдержал свое обязательство и 1 октября 1953 года был подписан Договор о взаимной обороне между США и Южной Кореей. По содержанию он предусматривал возможность размещения на юге Корейского полуострова американских войск, а в специальном предписании СНБ, прилагавшемся к договору, было заявлено о необходимости “немедленно официально довести до сведения Ли Сын Мана, и так, чтобы об этом знали другие члены южнокорейского руководства, что если Южная Корея в одностороннем порядке начнет военные действия против китайцев или северян к северу от демилитаризованной зоны то: а) ВВС, сухопутные и военно-морские силы ООН ни прямо, ни косвенно не поддержат такие действия; б) вооруженные силы США не окажут военной или организационной помощи таким действиям; в) всякое экономическое содействие Корее будет тотчас прекращено, в том числе в случае преследований со стороны правительства части местного населения японского происхождения или лиц, рожденных в смешанных японо-корейских браках”¹².

Таким образом, делая ставку на укрепление собственных стратегических позиций в Южной Корее, Соединенные Штаты Америки оправдывали это “необходимостью создания передового бастиона обороны против коммунизма” и ссылкой на обязательство “спасти Японию”¹³. Однако Япония стремилась сохранить за собой право на обеспечение собственной безопасности, хотя и предпочтительно за американский счет. Послевоенное место Токио в стратегической системе США определялось стратегической ситуацией в системе региональной безопасности Восточной Азии¹⁴. Япония и Южная Корея в эти годы наращивали объемы внешнеторговых операций, подавая пример другим государствам региона выбором приоритетов в пользу хозяйственного развития. По многим параметрам Япония и Южная Корея представляли собой промышленно развивающиеся многонаселенные страны и не могли быть отнесены к малым и средним государствам, с которыми обычно ассоциируется представление о “неконтролируемом пространстве”, связанном с высокими инвестиционными рисками. Но с точки зрения функциональной политической роли в 1960-х гг. XX в., Япония и обе Кореи представляли собой пример последовательно “затвердевающей” среды.

В 1961 г. японский парламент ратифицировал новый японо-американский договор безопасности, который отличался от договора 1951 г. меньшей асимметрией взаимных обязательств по сотрудничеству в области обороны, в том числе в связи с ситуацией на Корейском полуострове. Договор был заключен на десять лет и включал в себя формулировку о том, что вооруженное нападение на одну из сторон “будет представлять собой угрозу миру и безопасности другой”. Подготовка договора вызвала раскол в японском обществе, в подавляющем большинстве своем выступавшем за нейтральную внешнюю политику и всерьез опасавшемся, что военно-политический союз с Вашингтоном может привести к непредсказуемым конфликтам, в частности, в противостоянии Северной и Южной Кореи. В данной связи даже высказывались предложения японскому правительству добиваться ревизии существующей мирной конституции и создания независимого военного потенциала¹⁵. Значительным было и недовольство части умеренно настроенных консерваторов, обеспокоенных возможностью расширения военных обязательств Японии.

Такие настроения в целом не были связаны с послевоенным пацифизмом, а, скорее, отражали традиционный японский национализм своеобразного синто-

истского толка, характерный для японской элиты. Сознывая невозможность реставрации независимой военной силы и, возможно, не желая этого на основании предшествовавшего печального опыта, с одной стороны, и оценивая перспективы использования средств от экономии на военных расходах, с другой, японские политики не были склонны считать создание независимого оборонного потенциала актуальной задачей на ближайшую перспективу. Идея цивилизационного оживления на основе временного союза с США, впервые введенная в оборот премьером-министром Сигэру Иосида (1946—1947 и 1949—1954 гг.), казалась в названном контексте по-прежнему значимой и продуктивной. Японская элита исходила из необходимости обеспечить со временем возможность реальной самодостаточности в сфере внешней и оборонной политики на более отдаленную перспективу. Было принято считать, что чем более обширными станут функции Японии в рамках стратегической системы США, тем сильнее страна будет в нее интегрирована и тем труднее будет Японии освободиться от жесткого американского контроля за ее традиционными геополитическими интересами в будущем¹⁶.

Выполнение вспомогательных функций в текущий момент считалось залогом независимости в выполнении основных функций в будущем. Принимая идею регионального партнерства с Соединенными Штатами Америки, основное течение умеренных консерваторов в правящей Либерально-демократической партии и деловых кругах было против “полноценного” союза с США, который позволил бы Японии создать мощную военную машину, но подчинил бы ее американскому контролю. Эта позиция во многом определяла японский подход к международным отношениям внутри восточно-азиатского региона. При общей “вписанности” внешней политики Японии в политику США, Токио успешно отстаивал собственное право на специфику видения региональных реалий. Япония первой из азиатских стран провозгласила приоритетность внутреннего хозяйственного развития и внешнего экономического сотрудничества, прежде всего со своими бывшими колониями Кореей и Тайванем, рассматривая подобный курс в качестве фундамента восстановления своего международного статуса¹⁷.

Известной самостоятельности от Вашингтона Япония добилась и при проведении своей внешней политики на корейском направлении. США полагали возможным рано или поздно возложить на Токио обязательства по оказанию помощи Сеулу в случае нового конфликта на Корейском полуострове. Однако нежелание японской стороны принимать на себя данную функцию на американских условиях, а также сильнейшие антияпонские настроения южнокорейского руководства не позволяли американской администрации подвинуть двух его ближайших региональных партнеров к взаимному сотрудничеству. Оно могло бы стать важным шагом на пути к формированию восточно-азиатского оборонительного альянса. Договор об основах отношений Японии и Республики Корея был подписан в июне 1963 года только после почти четырех лет сложных японо-южнокорейских переговоров. При его заключении японской стороне удалось отстоять ряд позиций, противоречивших рекомендациям США. В частности, Токио отказался безоговорочно признать Сеул единственным законным представителем корейского народа. В договоре было зафиксировано, что южнокорейское правительство признается таковым только “в соответствии с тем, как это определено в резолюции ООН”. А в той самой ооновской резолюции предусматривалось признание законности власти южнокорейского руководства в пределах той территории, на которую эта власть распространялась¹⁸.

Японская сторона сознавала, что резолюция исходила из существования в Корее двух режимов, каждый из которых обладал властью на своей территории. Таким образом Токио продемонстрировал свое признание факта существования государства на севере Корейского полуострова. С этим государством Япония на тот момент уже развивала активные торговые отношения, прикрывая ими набиравшие силу скрытые политические контакты. Некоторые специалисты считают, что именно эти контакты привели к исключению из японо-южнокорейского договора 1963 г. упоминания о механизме разрешения спора по поводу островов Такэсима, на которые претендовал Сеул¹⁹. Кроме того, японское правительство, видимо по негласной договоренности с Пхеньяном, отклонило и требование Республики Корея признать южнокорейскими гражданами 500-тысячное корейское меньшинство в Японии, поскольку большая часть этого меньшинства явно тяготела в своих политических симпатиях к КНДР. Надвигавшееся японо-северокорейское “потепление” вызывало серьезную тревогу как в США, так и в СССР, рассматривавших подобные “несанкционированные” действия Токио как прямое нарушение послевоенного баланса сил в Восточной Азии²⁰.

Однако в целом в 1960-х гг. постепенно стали намечаться заметные признаки устойчивости в Корее, особенно в южной части полуострова. В марте 1960 г. под давлением оппозиционных сил и американской администрации, недовольной одиозным режимом Ли Сын Мана, южнокорейское правительство решило провести в стране президентские выборы, которые состоялись в апреле 1960 г. в обстановке полицейского террора и неприкрытого давления и, по утверждению их организаторов, принесли победу Ли Сын Ману. Результаты этих выборов не были признаны ни внутри страны, ни за рубежом и страну охватили массовые антиправительственные выступления.

В сложившихся условиях США отказались поддерживать Ли Сын Мана и рекомендовали ему покинуть страну, что он и вынужден был сделать. Нестабильность в Республике Корея продолжалась до мая 1961 г., когда к власти пришла группа военных во главе с генералом Пак Чжон Хи. Его режим принял курс на введение в Южной Корее “административной демократии” и “направляемого капитализма” по японскому образцу. В южнокорейском варианте это означало создание законодательных основ авторитарного, но сосуществующего с легальной и активной оппозицией режима президентской власти²¹. В 1962 г. южнокорейские военные провели через референдум поправки в конституцию страны, в соответствии с которыми парламентская республика была преобразована в президентскую республику, а вслед за этим, в октябре 1963 г., Пак Чжон Хи добился своего избрания президентом.

Линия нового южнокорейского правительства в экономике сразу стала опираться на опыт широких послевоенных структурных преобразований, успешно проводившихся в соседней Японии. Было введено повсеместное государственное регулирование в форме пятилетнего плана развития, в результате осуществления которого Южная Корея должна была создать современную национальную промышленность. Благодаря выверенной стратегии экономического роста во второй половине 1960-х гг. ситуация в Республике Корея, в том числе и политическая, стала улучшаться, что отчасти нейтрализовало негативный заряд общества. В данной связи некоторые американские политологи высказывали мнение, что в этот период США добивались укрепления региональной стабильности в Восточной Азии посредством проведения так называемой стратегии смазки (*smoothing strategy*). Она выражалась в поддержке экономики Японии и Рес-

публики Корея и создание максимально благоприятных условий для своих союзников в интересах укрепления американского влияния на них. Эта точка зрения весьма энергично отстаивается известным американским японоведом Чалмерсом Джонсоном²², сходные взгляды высказывают и многие другие зарубежные специалисты по корейской проблеме, например, Брюс Камингс²³.

Примерно с 1961 г. при содействии США у Японии стали складываться достаточно разносторонние связи с Республикой Корея. В Вашингтоне надеялись таким образом стимулировать между Японией и РК региональное военно-политическое сотрудничество, опирающееся на принципы известной доктрины Никсона²⁴. В 1962 г. между управлением национальной обороны Японии и военным ведомством Республики Корея было подписано так называемое рабочее соглашение, в соответствии с которым Токио обязался оказывать южнокорейской стороне различную военную помощь, а также “изучить вопрос о совместной блокаде Цусимского пролива на случай неожиданного резкого обострения региональной напряженности”²⁵. По названному соглашению офицерский состав южнокорейской армии имел возможность проходить подготовку и переподготовку в японских силах самообороны и в военных учебных заведениях Японии. Японские же офицеры в порядке обмена стажировались в вооруженных силах Республики Корея, которые уже в те годы стабильно получали на вооружение значительное количество боевой техники японского производства²⁶, а с 1967 г. по договоренности между Токио и Сеулом в Японию ежегодно направлялось до 100 военных летчиков и военных технических специалистов для координации навыков ведения возможных совместных боевых действий²⁷. При участии американских, японских и южнокорейских военных специалистов в 1960-х гг. неоднократно составлялись всевозможные секретные планы, которые должны были быть реализованы в случае внешнего нападения на Японию и Республику Корея.

Для развития отношений Японии с Южной Кореей в 1960-х — начале 1970-х гг. немаловажное значение имел тот факт, что высшие политические и военные деятели, занимавшие ключевые посты в Сеуле, традиционно были тесно связаны с соответствующими японскими партнерами. Многие из них в свое время прошли подготовку в университетах и академиях Японии, а сам генерал Пак Чжон Хи встретил конец Второй мировой войны в чине капитана японской Квантунской армии²⁸. Понятно, почему южнокорейское руководство во главе с Пак Чжон Хи с готовностью шло на сближение с Японией, всячески способствуя при этом стремлению Токио укрепить свои политические позиции в Республике Корея. Со своей стороны японское правительство в 1960-х гг. охотно предоставляло крупные займы и открывало кредитные линии Сеулу, стремясь в максимальной степени расширить экспорт японских товаров и комплектного оборудования в Южную Корею. Только в 1963 г. Япония предоставила Республике Корея 40 000 т риса, а также заем в сумме 20 млн долл.²⁹.

К 1964 г. между Японией и Южной Кореей были заключены договоры и сделки на общую сумму, превышающую 500 млн долл. В том же году стороны практически без официальной подготовки учредили японо-южнокорейский комитет сотрудничества под председательством бывшего премьер-министра Японии Н. Киси. Комитет сразу же взял под свой контроль реализацию японо-южнокорейского плана совместной эксплуатации природных богатств хорошо известного японцам Восточного побережья Республики Корея. Японский экспорт в Южную Корею сразу превысил в 1965 г. импорт в Японию южнокорейских товаров в три раза и составил более 470 млн долл. Именно к 1965 г. постоянно откла-

дывавшиеся до этого переговоры по договору о полной нормализации политических отношений вступили в самую активную фазу.

Наконец, 22 июня 1965 г. представителями сторон под настойчивым давлением американской дипломатии был подписан договор о нормализации отношений между Японией и Республикой Корея. Идя навстречу требованиям Соединенных Штатов Америки и правительства Южной Кореи, Япония под сильнейшим давлением с их стороны фактически признала сеульский режим «единственным законно учрежденным правительством на Корейском полуострове»³⁰. В Токио ясно осознавали, что данный договор был непосредственно направлен против КНДР и преследовал цель обострить и без того напряженную ситуацию в Корее, но кроме того он еще и полностью привязывал региональную японскую внешнюю политику к курсу Вашингтона на приобретение тотального контроля за любыми действиями Японии в Восточной Азии. Тогдашний южнокорейский министр иностранных дел Ли Дон Вон заявил, что «... при подготовке договора обсуждались все проблемы комплексного обеспечения восточно-азиатской безопасности и в результате стороны пришли к единому мнению, определяющему в качестве главной цели будущего внешнеполитического сотрудничества Японии и Республики Корея — противодействие китайской коммунистической угрозе...»³¹. Настойчивость США в деле военно-политического сближения Японии и Южной Кореи принесла свои плоды уже в ходе ноябрьского 1969 г. визита в Токио тогдашнего американского президента Ричарда Никсона, добившегося включения Республики Корея «в зону действия японо-американского договора безопасности».

Нормализация политических отношений создала благоприятные условия для последующего японо-южнокорейского сближения. Правительство Республики Корея даже согласилось предоставить японским предпринимателям возможность создавать предприятия с одним японским капиталом без участия корейского финансового участия. Японская газета «Майнити» тогда писала: «В деятельности политических и экономических кругов Японии появился новый момент, направленный на создание единой японо-корейской экономической сферы»³². В 1972 г. сумма прямых японских инвестиций и коммерческих займов Южной Корее составила уже более 1 млрд долл. Был разрешен прямой обмен йены на южнокорейскую во́ну³³. В 1973 г. приток японских капиталов в экономику Республики Корея продолжал интенсивно расти и составил в годовом исчислении около 300 млн долл.

Характерно, что доля Японии в общей сумме иностранных капиталовложений в Южную Корею достигла к 1973 г. 60%, во всех отраслях южнокорейской экономики закрепился преимущественно японский капитал. Из 800 предприятий, соруководившихся тогда с помощью Японии, более чем половина стала собственностью крупнейших японских монополий³⁴. В мае 1973 г. между Японией и Республикой Корея была достигнута договоренность о совместной разработке южнокорейского континентального шельфа площадью около 80 тыс. кв. км, расположенного в западном и южном секторах Японского моря³⁵. Само межправительственное соглашение стороны подписали 31 января 1974 г. Факт подписания названного соглашения вызвал весьма жесткий протест со стороны правительства КНДР, которое расценило его как «...посягательство японского империализма на национальные богатства корейского народа...» и объявило юридически ничтожным³⁶.

В то же время, подвергаясь целенаправленному давлению со стороны Соединенных Штатов Америки, Япония оказалась вынуждена постепенно сворачивать даже неофициальные связи с Корейской Народной Демократической Республикой. Продолжая признавать по договору о нормализации отношений от

1965 г. исключительно правительство Республики Корея в качестве “единственного законного” правительства на Корейском полуострове, Токио тем самым свел на нет практически любую возможность нормализации политических контактов с КНДР. Данное обстоятельство крайне отрицательно сказалось и на торгово-экономических связях двух стран. Они стали носить эпизодический и весьма ограниченный характер. Вместе с тем, в части японских правящих кругов подобная ситуация вызывала хотя и скрытое, но достаточно сильное недовольство американским диктатом, нарушавшим давно сложившиеся экономические взаимосвязи Японии с северной частью ее бывшей колонии.

Однако начиная с 1970 г. положение стало постепенно меняться за счет участвовавших поездок японцев (в первую очередь предпринимателей, а также туристов) в Северную Корею. Уже в 1972 г. КНДР посетило в общей сложности более 600 представителей японского бизнеса, которые по результатам своих деловых поездок приняли решение создать не больше ни меньше как “Ассоциацию парламентариев за нормализацию отношений с КНДР”, в которую вошли депутаты от оппозиционных партий и даже правящей Либерально-демократической партии, а также японо-корейский комитет содействия торговле между двумя странами. На квази- неправительственной основе состоялось подписание соглашения, по которому объем японо-северокорейских торговых связей к 1976 г. предполагалось довести до 500 млн долл. Для справки, в 1971 г. он составлял всего 50 млн долл., а в 1973 г. уже достиг 130 млн долл. В 1972 г. 12 японских банков заключили договор с торговым банком КНДР о методах финансирования быстро растущей двусторонней торговли, за которым последовало соглашение об обмене торговыми представительствами на неправительственной основе.

Активную деятельность по улучшению японо-северокорейских отношений развернула в рассматриваемый период Ассоциация корейцев в Японии (Тесэнрэммэй). В 1973 г. эта ассоциация организовала поездки в Северную Корею представителей практически всех ведущих японских оппозиционных партий, настойчиво выступавших за признание КНДР, а также дальнейшее расширение торговых и культурных контактов между Токио и Пхеньяном³⁷. Эти требования полностью поддерживали массовые общественные организации и профсоюзы Японии. В стране сформировался устойчивый “северокорейский бум”, который особенно выражался в интенсивном делегационном обмене. В 1973 г. КНДР посетило более 30 японских делегаций, а Японию — 11 делегаций из Северной Кореи.

В 1971—1973 гг. особенно быстро развивались японо-северокорейские торговые обмены. Экспортно-импортный банк Японии впервые предоставил тогда КНДР пробный кредит на сумму 500 млн йен. Япония приступила к экспорту в Северную Корею машин и комплектного оборудования, судов, электротоваров, другой продукции промышленного производства, в то же время вывозя из КНДР железную руду, цветные и благородные металлы, нерудные ископаемые. Несомненно, основу “северокорейского бума” прежде всего составляла большая заинтересованность японских деловых кругов в восстановлении старых кооперационных связей с довоенными филиалами своих собственных компаний. Под напором крупного национального бизнеса правительство Японии независимо от США начало активный политический зондаж по целенаправленному стимулированию внутрикорейского диалога о мирном воссоединении³⁸.

Подобные “японские инициативы” вызывали весьма обостренную негативную реакцию Вашингтона. Американскую сторону особенно настораживала преднамеренная сдержанность Пхеньяна в предъявлении претензий к Токио о

возмещении ущерба, нанесенного Корею в годы японской оккупации. Нормализация японо-северокорейских отношений явно не входила в долговременные планы США, решительно настроенных и далее проводить на Дальнем Востоке жесткую политику противодействия по отношению к СССР и КНР. По американским представлениям, нормализация могла бы отрицательно сказаться на реализации курса по превращению Японии и Южной Кореи в единый проамериканский оборонительный бастион. Давление США на Японию в конце концов увенчалось успехом, что выразилось в весьма откровенном заявлении тогдашнего японского премьер-министра Какуэя Танака: «Япония не пойдет на дипломатическое признание Северной Кореи до тех пор, пока север и юг Кореи не достигнут решения своих проблем посредством диалога»³⁹.

Приглушив таким образом самостоятельный японо-северокорейский диалог, Соединенные Штаты Америки продолжали навязывать Токио максимальное сближение с Сеулом, который, правда, в отличие от Пхеньяна вообще не располагал большинством столь необходимых японской промышленности природных ресурсов. Экономические потребности Японии в принципе не волновали американскую администрацию, поскольку Пентагон по-прежнему рассматривал 38-ю параллель, разделяющую Республику Корея и КНДР, в качестве «горячей линии» американской стратегической обороны. В случае серьезных осложнений в Корею, США хотели действовать там, имея в качестве надежного союзника Японию. Именно поэтому, поощряя проникновение японского капитала в южнокорейскую экономику, американская администрация полагала, что, вложив туда существенные финансовые ресурсы, Японии волей-неволей придется активно выступать в «защиту» существующего в Сеуле режима, который под американским давлением с готовностью идет навстречу японским устремлениям. Некоторые западные эксперты того времени даже предполагали, что «при подобном росте зависимости от Японии экономическую структуру Южной Кореи ожидает к концу 70-х годов практически полное поглощение Японией»⁴⁰.

Названное предсказание почти сбылось, только значительно раньше. Процесс «поглощения» практически состоялся в 1976 г., когда пассивное сальдо Южной Кореи в торговле с Японией составило огромную по тем временам сумму — 1,3 млрд долл, а общая сумма различных японских займов и кредитов в размере 2,2 млрд долл намертво опутала хозяйственную инфраструктуру Республики Корея⁴¹. Время от времени «взбадривая» американских партнеров, японское правительство выражало «неодобрение» диктаторской политикой генерала Пак Чжон Хи против демократических сил и просто отдельных либерально настроенных деятелей южнокорейской оппозиции. Однако это не мешало самим японским корпорациям реализовывать свою долгосрочную программу экономического освоения южнокорейского пространства. Курс на взаимоприемлемые договоренности с КНДР Япония в 1975 г. временно приглушила и отложила на неопределенное будущее.

1. Богатуров А.Д. Великие державы на Тихом океане: История и теория международных отношений в Восточной Азии после второй мировой войны 1945—1995. М.: Сюита, 1997. Гл. 3—4.
2. Торкунов А.В. Загадочная война: корейский конфликт 1950—1953 годов. М.: РОС-СПЭН, 2000.
3. Трофименко Г.А. США: политика, война, идеология. М.: Мысль, 1976. С. 21.
4. Scalapino R. The United States and Asia. P. 53.
5. Documents on American Foreign Relations. Vol. 13. P. 264.

6. *Петров Д.В.* Внешняя политика Японии после второй мировой войны. М.: Наука, 1965.
7. *Clough R.N.* East Asia and U.S. Security. Washington: Brookings Institution, 1975. P. 10.
8. Reexamination of the US Programs for National Security. NSC Documents. NSC 141. 1953. January 19. P.47.
9. National Security Council Review of US policy in the Far East. NSC Documents. NSC 5429/5. 1954. December 22. P. 4.
10. Analysis of Possible Courses of Action in Korea. JCS Records. JCS 1776/368. 1953. April 2. P.10.
11. *Meyer M.* Japan: A Consise History. Tokyo, 1956. P. 219.
12. A Report by the Executive Secretary to the NSC on the US Courses of Action in Korea in the Absence of Acceptable Political Settlement. NSC Documents. NSC 167/ 2. 1953. November 6. P. 1.
13. *Harris R.* America and East Asia. A New Thirty Years War. New York: George Braziller, 1968. P. 38.
14. *Welfield J.* An Empire in Eclipse. Japan in the Postwar American Allience System. A Study in the Interaction of Domestic Politics and Foreign Policy. London-Atlantic Highlands; NJ: The Athlone Press, 1988. P. 211.
15. US Policy Toward Japan. NSC Documents. NSC 6008/1. 1960. June 11. P. 4.
16. *Watts W., Packard G., Clough R., Oxman R.* Japan, Korea and China. American Perception and Policies. Lexington: Lexington Books, 1979. P. 68.
17. *Welfield J.* Op. cit. P. 137—160.
18. *Scalapino R.* Asia and the Major Powers: Implications for International Order. Washington: American Enterprise Institute for Public Policy Research, 1972. P. 78.
19. *Yong Rae Kim.* The Soviet Union's Shifting Policy Toward East Asia. Seoul: Kyongman University Research Series. 1983. P. 139.
20. The Department of State Bulletin. Vol. 51. No.1313. 1964. August 24. P. 268.
21. *Elliot J., Heaton W.* The Politics of East Asia. China, Japan, Korea. Boulder: Westview, 1978. P. 259.
22. *Johnson Ch.* History Restarted: Japan-American Relations at the End of the Century. St.Leonards: Allen and Unwin, 1993. P. 46.
23. *Cummings B.* The Origins of the Korean War. Princeton University Press, 1990. Vol 2. P. 444—445.
24. *Abramowitz M.* Moving the glacier: the two Koreas and the Powers. London, 1971. P. 7.
25. Tokyo Shinbun. 1962. 1 oct.
26. Yomiuri Shinbun. 1970. 1 feb.
27. Nodon Shimmun. 1970. 5 may.
28. The Asia Who's Who, 1958. Hong Kong, 1958. P. 425.
29. Sekai, 1965. P. 72.
30. Mainichi Shinbun. 1965. 30 June.
31. Asian Survey. 1967. Vol 1. P.706—707.
32. Mainichi Shinbun. 1969 29 aug.
33. Nihon Keizai Shinbun. 1972. 29 July.
34. Nihon Keizai Shinbun. 1973. 29 March.
35. Asahi. 1974. 31 January.
36. Nodon Shimmun. 1974. 26 May.
37. Yomiuri Shinbun. 1973. 12 October.
38. *Emmerson J.K.* Arms, yen and Power: the Japanese dilemma. Tokyo, 1973. P. 81.
39. Mainichi Daily News. 1974. 1 July.
40. *Rhee T.C.* South Korea's Economic Development and its Socio-political Impact. Asia Survey. 1975. July.
41. Far Eastern Economic Review. 1977. 1 July.

Место Кяхтинского договора 1728 г. в становлении российского китаеведения

© 2007

Юй Цзе

(Окончание. Начало в ПДВ №4, 2007 г.)

Как известно, до подписания Кяхтинского договора 1728 г. при РДМ формально не было учеников. Однако следует отметить, что в Китай с 1-й миссией (1715-1728) были направлены семь причетников, как полагал Н. Адоратский, вероятно, из числа учеников тобольской славяно-русской школы, открытой первым тобольским митрополитом Филофеем в 1704 г.¹ Хотя о жизни и деятельности их очень мало что известно, нельзя исключить, что именно на них возлагалась обязанность изучения китайского или маньчжурского языков. Еще раньше, в 1707 г. митрополит Филофей возглавил духовную миссию в Монголию, для чего в Ургу (ныне Улан-Батор) из Тобольска были посланы ученики, которые должны были изучать там основы ламаизма и монгольский язык².

Известный исследователь истории русского китаеведения П. Е. Скачков высказал предположение, что некоторые из причетников, например, Осип (Иосиф) Дьяконов, Никанор Ключов и Петр Якутов, которые прожили в Пекине более 20 лет и там умерли, за эти годы изучили маньчжурский и китайский языки³. Основанием для такого предположения служит сообщение Н. Н. Бантыш-Каменского о том, что Осип Дьяконов, "выучась по маньчжурски, употребляем был в Трибунале для перевода грамот, из Российского Сената получаемых и в Сенат Трибуналом посылаемых"⁴.

Рассматривая историю создания школы русских учеников, а затем студентов Российской духовной миссии в Китае, следует отметить, что вначале, по замыслу С. Л. Владиславича-Рагузинского, она должна была быть самостоятельной структурой, вне компетенции РДМ. По крайней мере в его первом донесении (от 23 июня 1725 г.)⁵ в Коллегию иностранных дел о нуждах для посольства в Китай не было упомянуто об участии РДМ в этом деле. На пекинских переговорах и в редакции первых, приведенных выше вариантов договора русского посла, эти два вопроса также были разведены. Видимо, цинское правительство для удобства управления делами русских, проживавших в Пекине, объединило их в одном пункте договора и установило, что ученики должны были вместе со священниками жить в посольском дворе, где останавливались посланники Л. Измайлов и С.

Л. Владиславич-Рагузинский, известном также как русское подворье и отданном, согласно Кяхтинскому договору, в распоряжение РДМ.

Начиная с Кяхтинского договора, при комплектовании очередного состава РДМ к ней стали приписывать и светских лиц, в основном учеников (студентов), и фактически на ее базе была создана школа русских учеников и студентов в Пекине, ставшая затем на многие годы школой российского китаеведения, центром подготовки кадров российских китаеведов и изучения Китая. Ученикам 2-й миссии было положено жалованье от русской стороны по 130 руб. в год, с китайской — три лян в месяц и одинаковое с другими членами миссии натуральное содержание. Для сравнения: начальнику миссии было положено 300 руб., дяконам по 200 руб., причетникам по 60 руб.

Школа русских учеников и студентов РДМ в цинских источниках получила название “элосы сюэ” (“русская школа”) при Гоцзыцзяне (Государственное училище (досл.: “Академия сынов Отечества”)⁶. Гоцзыцзянь было создано при цинском дворе сразу же после воцарения династии Цин в 1644 г. по образцу подобных ему заведений и под таким названием существовавшими при прошлых династиях.

П. Е. Скачков, исследовав процесс обучения русских учеников на раннем этапе, пришел к выводу, что “это не согласуется с данными русских архивных документов, в частности, с информацией, содержащейся в донесениях начальника 2-й миссии (1729-1735) архим. Антония (Платковского). Он ни разу не упомянул, что ученики ходили в какую-либо школу вне миссии”⁷.

Некоторая путаница в рассматриваемом вопросе связана с административными мерами цинского правительства по управлению русской школой при Пекинской духовной миссии. Дело в том, что в 1728 г. цинское правительство установило, что русские ученики по прибытии в Пекин должны проживать в русском подворье; два учителя — один по маньчжурскому, другой по китайскому языкам из Гоцзыцзяня должны приходить в русское подворье на занятия с русскими учениками⁸. Поскольку всеми делами, связанными с Россией, занималась Палата внешних сношений, то от этого ведомства был назначен один чиновник, который должен был отвечать за текущие дела русской школы и снабжение учеников одеждой и продуктами.

Об этом постановлении цинского правительства писал и русский историк XIX в. Н. Н. Бантыш-Каменский: “По приезде архимандрита со свитою в Пекин, 16 июня 1729 года, указом Богдыхана определен 3 августа китайского и маньчжурского языков учитель, для обучения российских учеников помянутым языкам”⁹.

Китайский ученый второй половины XIX в. Хэ Цютао в своем фундаментальном труде “Полное описание северной границы” (“Шофан бэйчэн”), посвященном истории сношений Китая с Россией, уделил русской школе при Гоцзыцзяне большое внимание. Он указал на некоторые правительственные постановления, касающиеся нее.

В 1741 г. по докладу Гоцзыцзяня цинское правительство подтвердило, что русским ученикам было разрешено ходить в школу, учиться маньчжурской и китайской грамоте. Гоцзыцзянь должно было выбрать из своих учителей двух человек — одного по маньчжурскому и другого по китайскому языкам — и назначить их на должность учителей для русских учеников. Одежду и продукты ученикам должен был предоставлять Лифаньюань, т. е. фактически было повторено постановление от 1728 г.¹⁰, за исключением одного момента. В первом документе речь шла о том, что учителя должны приходить в русское подворье для

занятий с учениками, а в постановлении от 1741 г. — о том, что русским ученикам разрешается ходить в школу.

В одном из писем Луки Воейкова, ученика 2-й миссии, подписанном также его соучениками, к графу С. Л. Владиславичу-Рагузинскому от 20 января 1731 г.¹¹ сообщается более полная и конкретная информация об организации учебного процесса с китайской стороны: “Об нашем учении объявляем Вашему Сиятельству, что по отъезде каравана [1] 728 года июля 18 дня [и] до августа 3-го дня не были определены к нам учителя. Июля 23-го говорил я, Лука Воейков, приставленному к нам, трем ученикам, толмачу и заргучею русской сотни полонечному сыну Якову Савину сыну Шепеткову, для чего по сие число не определяют к нам учителей, и мы занапрасно живем и о том будем письменно просить в Мунгальском приказе. А он на те мои слова сказал, что учителя к вам определены, а затем не присланы, что по их обычаю усматривают [ожидают] счастливого дня, в которой бы благополучно зачали учить вас. И просить о том не надлежит, когда дело сделано.

Августа 2 дня приезжал к нам заргучей из Мунгальского приказу прозванием А и спрашивал у нас, выучили ли вы по сие время, как говорить по-китайски; и я, Лука Воейков, отвечивал: по возможности нашей записываем, как что называется. А науке, к языку китайскому надлежащей, не учились, понеже учителя по сие время к нам не определены. Оный заргучей сказал, что уже определены два учителя — манчжурской да никанской¹², и они за свою волю не ездят к вам; и я донесу о том алахамбе¹³, и им будет худо...

Августа 3 дня приехали к нам два учителя — один манджур прозванием Ху, да никан прозванием Лин, оба подъяческого чина. И объявили нам, что они отправлены от лица ханского величества, и приказ словесный был от ханского величества, чтоб учить нас не так, как [его] подданных ... но прилежнее, дабы была с российским императором ... любовь. И сказывали нам, что ныне — день счастливый [и] должно вас начать учить ...

Августа 5 дня пришли к нам учителя оные и дали нам, трем ученикам, по шесть книг китайской бумаги, листов с двадцать и один кусок чернил [туши] и восем кистей тростяных и зачали нас учить никанской грамоте ...”¹⁴

Однако китайские учителя часто не являлись на занятия с русскими учениками, на что жаловался в одном из своих донесений начальник 2-й миссии архим. Антоний (Платковский): “Учитель никан и манзур¹⁵ часто не ездят в школу на посольский двор в Китаях, разве в месяц единожды побывают, и ученики русские гуляют”¹⁶. О халатном отношении китайских учителей к своим обязанностям также написал начальник 3-й миссии (1736–1743) архим. Илларион (Трусов) в донесении в Коллегию иностранных дел от 5 мая 1737 г.: “... определенные от ханскаго величества учителя мало находятся в обучении российских учеников, а имянно прошлаго 1736 ноября от 10-го дня [и] нынешнего 1737-го году мая по 5-е число в школу приезжали к российскому двору токмо один раз”¹⁷.

В 1744 г. по докладу Гоцзыцзяня цинское правительство пришло к выводу, что на должность учителя китайского языка для русской школы не было необходимости назначать специального человека, хотя как известно, в 1743 г. в Пекин прибыли три ученика: Андрей Канаев и Никита Чеканов (оба умерли в Пекине в 1752 г.) и Алексей Леонтьев. В 1760 г. было принято решение, что для русской школы нет необходимости и в специальном учителе маньчжурского языка. Должность учителя китайского языка также была упразднена. После этого управление делами русской школой перешло к учителям из Лютан (шесть школ)

при Гоцзыцзяне¹⁸. Возможно, эти меры были вызваны тем, что при 5-й (1755-1771) миссии формально не было учеников.

В современной китайской литературе также принято именовать русскую школу Российской духовной миссии в Пекине как “элосы сюэ”, а ее учеников и студентов — “эгуань сюэшэн” (ученики при русском подворье)¹⁹ или “эго сюэшэн” (русские ученики)²⁰.

Школа русских учеников и студентов, созданная на базе РДМ в Китае, была своеобразным учебным заведением. Название “школа” было скорее номинальным и символическим. Созданная на основе двухстороннего российско-китайского договора, с китайской стороны она, однако, не была обеспечена целенаправленной, четкой учебной программой и специальными учебными пособиями, к педагогической деятельности не были привлечены учителя в нужном количестве и соответствующей квалификации. Иными словами, эта школа не была таковой в полном значении этого слова со всеми атрибутами, необходимыми для четко установленного учебного процесса. Под названием “школа” подразумевался прежде всего сам факт обучения, важнейшим и ценнейшим компонентом которого была уникальная по тем временам возможность пребывания в среде изучаемых языков, что позволяло исследовать Китай не только извне, как представителям другой страны, но и изнутри, благодаря многолетнему безвыездному проживанию в Пекине. Это обстоятельство особенно повышало научную и практическую ценность как самого процесса обучения, так и результатов трудов учеников — переводов и исследований.

Главной особенностью русской школы при РДМ было то, что изучением языков и научной деятельностью занимались не только ученики или студенты, но со временем и священнослужители, включая начальников Миссии. Это впоследствии стало вменяться им в обязанность. Как известно, из их числа вышли всемирно известные ученые, составившие гордость российского китаеведения.

Несмотря на то, что в Кяхтинском договоре речь шла о “малых” учениках, но уже первый набор внес существенные коррективы, составившие еще одну особенность этой школы. В ней за некоторым исключением учились не дети, а взрослые молодые люди. Так, известно, что до назначения в Китай Лука Воейков в течение 10 лет (с 1714 по 1725 гг.) учился в Славяно-латинской академии, затем в течение полутора лет служил переводчиком с латинского языка на границе при переговорах посольства С. Л. Владиславича-Рагузинского о разграничении. Учащимися этой академии были также А. Леонтьев, 1716 года рождения, и А. Канаев, 1722 года рождения, оба прибыли в Пекин в 1743 г., когда одному из них было 25, а второму 19 лет. Относительно года рождения И. Россохина существуют серьезные расхождения: 1707 и 1717 гг. По поводу последней даты некоторые исследователи высказывают сомнения²¹. Однако в архивных документах о нем неоднократно упоминается как о “малолетнем” школьнике²². И. Пухорт до приезда в Китай служил копиистом в Академии наук. Вполне возможно, что и двое других учеников из монгольской школы Платковского М. Пономарев и Г. Шульгин тоже были “малолетними”. Но в последующих составах Миссии все ученики были взрослыми молодыми людьми. Сначала их именовали учениками, так как большинство из них не имело высшего образования. Впоследствии, начиная с 9-й миссии (1807-1821) и особенно с 10-й (1821-1830), когда стали набирать выпускников или студентов в основном петербургских вузов, их статус повысился до студентов.

С 1727 г. по 1795 г. из России в Китай было направлено 27 учеников: Иван Шестопалов (Яблонцов), Лука Воейков, Иван (Яган) Лаврентьевич Пухарт (Пу-

хорт), Федот (Федор) Алексеевич Третьяков (Попков), Герасим Шульгин, Михаил Пономарев, Илларион Калинович Россохин, Алексей Владыкин, Иван Быков, Иван Шихарев, Алексей Леонтьев, Андрей Канаев, Никита Михайлович Чеканов, Ефим Сахновский, Федор Бакшеев, Алексей Парышев, Алексей Агафонов, Яков Коркин, Егор Салертовский, Антон Владыкин, Иван Филонов, Алексей Попов, Павел Каменский, Карп Круглополов, Степан Липовцов, Иван Мальшев, Василий Новоселов. Кроме первого из перечисленных, Ивана Шестопалова (Яблонцова), все остальные ученики прибыли в Пекин, были причислены к первым восьми миссиям и провели там в большинстве своем от 10 и более лет.

Состав учеников в этот период выглядел весьма пестрым, как по происхождению, так и по образованию, полученному ими в России. Сведения об их социальном происхождении крайне скупы. Известно лишь, что были среди них не только выходцы из семей сельских священников, но и представители московского дворянства (И. Быков и Ал. Владыкин) и купечества (А. Канаев), сын тобольского воеводы (Л. Воейков), сын селенгинского дворянина (Ф. Третьяков).

Многие из направлявшихся в тот период в Китай членов РДМ и учеников были выпускниками или учащимися Славяно-латинской академии, которая в то время служила основным центром подготовки кадров для нужд государства и церкви. Многие знаменитые деятели XVIII и XIX веков обучались в этой академии. Ее предшественником было Греческое училище, учрежденное в 1679 г. в Москве и преобразованное в 1685 г. в Эллино-греческую академию, явившуюся первым высшим общеобразовательным учебным заведением в Москве. С 1700 по 1775 г. она именовалась Латинской или Славяно-латинской, а с 1775 до 1814 г. — Славяно-греко-латинской академией. В 1814 г. преобразована в Московскую духовную академию и переведена в Троице-Сергиеву лавру (г. Сергиев Посад).

С начала XVIII в. академия стала посылать своих питомцев в страны Востока для изучения восточных языков. В 1725 г. упомянутая выше первая группа учащихся академии была направлена и в Цинскую империю для изучения китайского и маньчжурского языков. Следует отметить, что в рассматриваемый период, кроме учеников Миссии, некоторые ее члены также были питомцами этой академии: Так, в составе 3-й миссии это были Антоний Лъховский — иеромонах, Петр Иевлев и Петр Каменский — причетники; в составе 5-й миссии — Стефан (Степан) Зимин, Илья Иванов, Алексей Данилов — причетники. Начальником 5-й миссии был преподаватель академии архим. Амвросий (Юматов). В 7-й миссии — Иван Орлов и Семен Соколовский — причетники. Начальник 8-й миссии архим. Софроний (Грибовский) также учился в этой академии.

Несомненно, знание латинского языка и определенный уровень общеобразовательной подготовки в Славяно-греко-латинской академии помогли ученикам РДМ в Китае в их деятельности во время пребывания в Пекине. Как известно, в круг обязанностей учеников, кроме изучения официальных языков Цинского Китая, входила еще переводческая и педагогическая деятельность. Источники свидетельствуют, что ученики приглашались в качестве переводчиков в Палату внешних сношений, чтобы переводить переписку между Цинским Китаем и Россией. Они также преподавали в Школе русского языка при Нэйге (Императорской канцелярии) цинского двора.

Эта школа была учреждена по указу императора Сюань Е в 1708 г. для обучения китайских учеников русскому языку. Китайский архивный источник гласит, что 8-го дня 3-й луны 47-го года правления Канси (1708) император повелел дасюэши (канцлеру Императорской канцелярии) Ма Ци "узнать, кто среди

монголов желает научиться русскому языку". После того, как 21-го дня 3-й луны императору доложили, что 68 человек изъявили желание обучаться русскому языку, он повелел: "Пусть они учатся". Три дня спустя на месте, где останавливались прибывавшие в Пекин русские торговые караваны, т. е. в русском подворье, уже открылась и начала свою деятельность Школа русского языка²³. Первоначально она получила название "элосы сюэ" (русская школа), потом была переименована в "нэйгэ элосы вэньгуань" (школа русского языка при Императорской канцелярии)²⁴. Однако только в 1757 г. был составлен устав этой школы на основе проекта, предложенного дасюэши Фу Хэнем на высочайшее имя²⁵. Школой управляли два администратора. Один из них назначался Нэйге, второй — Лифаньюань.

Американский исследователь истории Российской духовной миссии в Пекине и ее деятельности в XVIII в. Эрик Видмер уделил значительное место описанию этих двух связанных с миссией учебных заведений: Элосы вэньгуань (Школа русского языка) и Элосы сюе (русская школа). По его мнению, Школа русского языка в XVIII в. не обеспечивала цинское внешнеполитическое ведомство достаточно квалифицированными переводчиками с русского языка, а к XIX в. пришла в полный упадок²⁶. Однако такой категорической оценки, на наш взгляд, эта школа не заслуживала, она также сыграла определенную роль в истории китайско-российских отношений.

Своими успехами Школа русского языка во многом была обязана преподавательской деятельности членов РДМ в Пекине, особенно ее учеников, таких, как И. К. Россохин, Л. Воейков, Ал. Владыкин, А. Леонтьев и Ан. Владыкин.

Вначале преподаванием в этой школе занимались русские купцы, прибывавшие в Пекин в составе торговых караванов, во время отсутствия которых занятия прекращались. Затем в течение нескольких лет учащихся школы обучали русскому языку представители албазинской общины. Исследовав историю Школы русского языка, В. С. Мясников отметил, что албазинцы Степан Кузьмин и Яков Савин, которые тогда были назначены на должность переводчиков в Лифаньюань²⁷, также преподавали в этой школе.

Совершенно новый этап в преподавании русского языка в Пекине начался с появлением там Российской духовной миссии. По указанию императора Инь Чжэна в Школу начали приглашать священнослужителей и учеников из состава РДМ в качестве преподавателей. Первыми из них, по мнению П. Е. Скачкова, были причетник Осип (Иосиф) Дьяконов и иеродьякон Филимон²⁸. В 1735 г. по инициативе Лифаньюаня, обратившейся с просьбой к Л. Лангу во время его последней поездки в Китай, И. Россохин был зачислен переводчиком в Лифаньюань и преподавателем в Школу русского языка, за что ему был установлен оклад в 40 лян в год. По сведениям, поданным И. Россохиным в Канцелярию Академии наук, у него было 24 ученика²⁹.

Можно с полным основанием считать, что, исполняя обязанности переводчиков в Лифаньюане и преподавателей в Школе русского языка, члены РДМ и особенно ее ученики реализовали на деле еще один вопрос, обсуждавшийся на переговорах (но не включенный в текст Кяхтинского договора) о том, что русские ученики будут обучать китайцев русскому языку. Так было положено начало сотрудничеству, диалогу двух культур, непосредственными участниками которого стали члены Миссии и ее ученики, первые российские китаеведы.

Для Школы русского языка И. Россохин вместе с преподавателем этой школы маньчжуром Фулахэ, знавшим русский язык, перевел на маньчжурский язык "Граматику русского языка" М. Смотрицкого ("Элосы фаньи цзяю цю-

аньшу”, “Оросламэ убалямбуха ойонга бабэ тучибухэ иони битхэ”), которую им предоставил Л. Воейков. Этот первый перевод учебника русского языка для китайских учащихся³⁰ вполне может рассматриваться как первый целенаправленный шаг в российско-китайском сотрудничестве в области культуры.

В реляции Л. Ланга в Коллегию иностранных дел от 29 июня 1733 г. имеется сообщение и о том, что Л. Воейкову было поручено “с помощью патеров езуитов на российском, китайском и латинском языках сочинить лексикон, что он на себя взял, иезуиты в том ему помогать обещались”³¹. В другом донесении, от 22 января 1734 г., Ланг указывал, что, будучи в Пекине, обращался в Лифаньюань в 1733 г. с просьбой “о позволении китайского и маньчжурского языка ученику Луке Воейкову перевести на российской язык патера Патомина французский лексикон с китайским языком”³². Сообщение это подтверждается в китайском источнике: “високосный май третий день по докладу первого министра Олондая позволено: по просьбе торгового агента Российского государства Ланга составить лексикон на основании латинского перевода иностранца Патомина китайской книги “Тун вэнь гуан лэй” и передать российскому ученику Луке и его учителю для русского перевода, и так будет лексикон на трех языках в качестве учебного пособия для обучения учеников”³³. Однако Л. Воейков, заболев чахоткой, 18 января 1734 г. скончался в Пекине, не успев выполнить это задание³⁴.

Примечательно, что если во время заключения Кяхтинского договора цинское правительство воспринимало предложение русского посла об обучении русских учеников официальным языкам Китая в Пекине как желание “приобщиться к китайской цивилизации”, то по прошествии всего лишь нескольких лет после приезда русских учеников в Пекин цинские министры уже сами предложили сотрудничество. В этом наметилась новая тенденция во взгляде Цинов на русские дела и на русских людей. Это изменение, хотя еще и не очень заметное, можно уловить и в донесении Ал. Владыкина в Коллегию иностранных дел от 4 июля 1740 г.: “Понеже ныне по указу ея императорскаго величества из высочайшаго кабинета определенной к переводным делам ученик Иларион Россохин в Россию возвращен, а на место его по предложению китайских министров его ханскаго величества в такой силе, понеже у нас имеется с российским Сенатом корешпонденция и школа российского языка, в которой де ныне листов переводить и учеников обучать после отъезду Илариона Россохина никто не определен. А ныне де весьма нужно из российских переводить умеющих учеников определить для переводу и для обучения учеников одного человека, которой де взаимобразно, так как и наши учителя их обучали учить и листы переводить, которому де и самому от наших учеников в науке и в подтверждении языков не без пользы. И по тому их предложению именным его ханскаго величества указом определить меня, нижеименного, по указу ея императорскаго величества к ним делам повелено”³⁵.

Однако жизнь в чужой стране, иной этнокультурной среде для учеников была нелегкой, особенно в первые годы пребывания, когда они не владели или еще слабо владели китайским языком, не были знакомы с образом жизни, устоями и традициями китайского общества. Непривычным оказался для них и пекинский климат. Поэтому до 10-й миссии, когда в ее состав стали включать русских врачей, высокая смертность среди учеников, равно как и среди священнослужителей, была главным бедствием для РДМ. Так, из 8-ми членов 5-й миссии после 17-летнего пребывания в Пекине, в Петербург вернулся только один Степан Зимин. 11 учеников первых восьми миссий — Л. Воейков, Г. Шульгин, М. Пономарев, И. Шихарев, А. Канаев, Н. М. Чеканов, Я. Коркин, Е. Салертовский, И. Фило-

нов, А. Попов и И. Малышев — умерли в Пекине, не дожив до возвращения на Родину. Ф. А. Третьяков также скончался из-за болезни на границе сразу по возвращении в Россию, так и не успев применить полученные в Китае знания. Только 14 из 26 учеников этих миссий смогли выдержать тяготы и трудности, возникавшие во время их многолетнего пребывания в Китае, и вернулись в Россию.

Возвращавшиеся на родину ученики РДМ становились первыми российскими переводчиками с китайского и маньчжурского языков, служившими либо в Петербурге в Коллегии иностранных дел, либо на российско-китайской границе, а также первыми отечественными китаеводами в Академии наук. Благодаря им уже в середине XVIII в. отпала необходимость в латинском языке как языке-посреднике в российско-китайских сношениях. По возвращении в Россию они стали первыми носителями и распространителями достоверных научных знаний о Китае. Их переводы китайских классических сочинений и трудов по Цинскому Китаю, их исследования, многие из которых они начали еще в Пекине, открыли возможность для русского общества не из западных источников, а напрямую познакомиться с Китаем, с его историей и культурой.

Директор Института России Хэйлунцзянской АОН, профессор Су Фэн-линь, отмечает, что большинство самых первых китаеведов дореволюционной России и основоположников российского китаеведения были либо учениками, либо священнослужителями РДМ. «Именно благодаря стараниям этих людей, — делает вывод китайский ученый, — российское китаеведение избежало влияния западной синологии и, основываясь на собственном независимом разумении, смогло сформировать свой самобытный облик и продолжает оставаться в истории развития мирового китаеведения одной из самых значительных его страниц»³⁸.

Трудами первых российских китаеведов, прошедших русскую школу Российской духовной миссии в Пекине в XVIII в., была заложена добротная основа для последовавшего в XIX в. научного прорыва, который вывел российское китаеведение на уровень мировой науки. Старт этому прорыву был дан 280 лет назад Кяхтинским договором, юридически обеспечившим этот самобытный путь развития российского китаеведения, его достижения, его вклад в мировую науку.

1. Адоратский Н. История Пекинской Духовной Миссии в первый период ее деятельности (1685-1745). // История Российской Духовной Миссии в Китае. Сб. статей. М., 1997. С. 66.
2. Словцов П. А. Историческое обозрение Сибири. Т. 1. (1586-1742). М., 1838. С. 358.
3. Скачков П. Е. Очерки истории русского китаеведения. М., 1977. С. 37.
4. Там же. С. 37; Бантыш-Каменский Н. Дипломатическое собрание ... С. 81.
5. См. РКО в XVIII веке. Т. 2. С. 33-36. Док. 2.
6. Хэ Цютао. Шофан зэйчэн (Полное описание северной границы). Пекин, 1881, Цз. 12; Цай Хуншэн. Элосы гуань цзиши (Записки о Русской миссии). Гуанчжоу, 1994. С. 18; Пекин, 2006. С. 19;
7. Скачков П. Е. Очерки истории русского китаеведения. С. 41.
8. Хэ Цютао. Полное описание северной границы. Цз. 12.
9. Бантыш-Каменский Н. Дипломатическое собрание ... С. 164.
10. Хэ Цютао. Полное описание северной границы. Цз. 12.
11. Архив внешней политики Российской империи (Далее: АВПРИ). Ф. Сношения России с Китаем. Оп. 62/1. 1731. Д. 4. Л. 1-7.
12. Никанский (маньчж.) — китайский; никан — китаец.

13. Алехамба (алиха амбань, алегамба, алегомба, але-хамба, александра, алихамба) (маньчж.) — глава (президент) приказа (наряду с приказом в документах и литературе употребляются также термины “палата”, “министерство”).
14. Цит. по: Хохлов А. Н. Л. Н. Воейков — первый россиянин-китаист. // Актуальные проблемы китайского языкознания. М., 1995. С. 136-137
15. Манзур — маньчжур; манзурский — маньчжурский.
16. Скачков П. Е. Очерки истории русского китаеведения. С. 41.
17. АВПРИ. Ф. Сношения России с Китаем. Оп. 62/1. 1737. Д. 6. Л. 2.
18. Хэ Цютао. Полное описание северной границы. Цз. 12.
19. См. напр.: Цай Хуншэн. Записки о Российской миссии. С. 18-25.
20. См. напр.: Сяо Юйцю. Эго дунчжэнцзяо чжу Бэйцзин чуаньцзяо шитуань вэньхуа гуньнэн яньцзяо (Исследование культурной функции Российской Православной Миссии в Пекине (1715-1917)). Диссерт. на соискание уч. степени док. наук. Нанькайский ун-т (Тяньцзинь). 2004.
21. Таранович В. П. Илларион Россохин и его труды по китаеведению // Советское востоковедение. 1945. № 3. С. 225-241; G. Cahen. Histoire des relations de la Russie avec la Chine (1689-1730). Paris. 1912. С. 264.
22. Скачков П. Е. Очерки истории русского китаеведения. С. 41, 303. Примеч. 54.
23. Сяо Юйцю. Исследование культурной функции Российской Духовной Миссии в Пекине (1715-1917). С. 125.
24. Чжан Дэцзэ. Циндай гоцзя цзигуань каолюе (О государственных учреждениях в период правления династии Цин). Пекин, 2001. С. 152.
25. “Дай Цин Гаоцзун Чунь хуанди ши лу” (“Правдивые записи о правлении цинского императора Гаоцзуна”). Токио, 1937-1938. Цз. 539. С. 23а.
26. Widmer E. The Russian Ecclesiastical Mission in Peking during the Eighteenth Century. Cambridge (Mass.), 1976. P. 111-112.
27. Мясников В. С. Новые знания о России в Цинском Китае XVIII в. // Всемирная история и Восток. Сб. статей. М., 1989. С. 106-107.
28. Скачков П. Е. Очерки истории русского китаеведения. С. 42.
29. Радовский М. И. Русский китаевед И. К. Россохин. // Из истории науки и техники в странах Востока. Вып. 2. 1961. С. 89.
30. См. Волкова М. П. Первый учебник русского языка для китайских учащихся. // Краткие сообщения Института народов Азии АН СССР. № 61. 1963. С. 154-157.
31. РКО в XVIII веке. Т. 2. С. 547. Комментар. к док. 19.
32. Там же.
33. Сборник архивных документов об отношениях Китая с Россией в период правления Цин. Т. 1. Ч. 2. С. 575.
34. Скачков П. Е. Очерки истории русского китаеведения. С. 302.
35. АВПРИ. Ф. Сношения России с Китаем. Оп. 62/1. 1740. Д. 6. Л. 4.
36. Су Фэнлинь. Цун “Нибучу тяюэ” дао “Цякэту тяюэ”. Чжун Э вэньхуа цзяолюй дэ лиши пянь (От Нерчинского договора до Кяхтинского договора. — Фрагменты из истории культурных контактов Китая и России) // Чжун Э гуаньси дэ лиши юй сяньши = История и современное состояние китайско-российских отношений. Кайфэн, 2004. С. 24-25.

Образование

Реформа образовательного рынка КНР после вступления в ВТО: былое Китая и думы о России*

© 2007

Е. Смолькова

(Окончание. Начало в ПДВ №4, 2007 г.)

Тернистый путь

Китайские исследователи отмечают ряд трудностей, препятствующих массовому притоку высококвалифицированных ученых из-за рубежа. Несмотря на старания именитых китайских фондов и других организаций привлечь из-за рубежа высокопрофессиональных (степень доктора и выше) китайских кадров к работе в китайских университетах и научно-исследовательских академиях с развитой системой ресурсов, стимулов и привилегий, обычно не больше трети китайских ученых из-за границы становятся получателями таких грантов. Основными причинами нежелания специалистов возвращаться называются трудности адаптации на родине, страх перед потерей наработанных контактов международного ученого сообщества, низкая эффективность работы в Китае, проблемы с персоналом, низкая оплата труда. Кроме того, опасения вызывают и несправедливое распределение грантов ведомствами КНР (с опорой на связи — "гуаньси"), а также возможная зависть коллег¹. Другие исследователи отмечают неспособность некоторых ученых сделать прибыльными плоды своих исследований², не только разрабатывать новый продукт, но и успешно продавать его на местном рынке.

Строим храм науки

Сегодняшний вариант сотрудничества Китая со своими учеными-соотечественниками за рубежом заключается в привлечении последних к руководству научными центрами при лучших китайских вузах. Так, например, одни из самых влиятельных центров сосредоточились в Пекинском университете и в Пекинском техническом университете Цинхуа. В последние годы руководители та-

Смолькова Е.А., аспирантка Института Дальнего Востока РАН.

* Статья подготовлена при поддержке РГНФ, грант № 06-06-02065а

ких центров становятся даже более активными и влиятельными, чем их соотечественники в правительстве или на партийных постах.

На базе научных центров легче осуществлять международные академические обмены, совместные исследовательские разработки, чтение лекций, для которых приглашаются иностранные ученые и специалисты. В отличие от межправительственных программ сотрудничества, прямые межвузовские связи помогают привлекать для работы иностранных ученых за более дешевую цену. Например, при Харбинском политехническом университете создан Хэйлунцзянский китайско-российский центр научно-технического сотрудничества. После мониторинга научно-технических разработок в России по наиболее интересным для Китая проектам заключаются межвузовские договоры, проводится обмен делегациями, на стажировку в Китай приглашаются российские ученые и исследователи. Китайской стороне удается проводить разработки и доработки некоторых важных российских научно-технических проектов, для которых у наших НИИ зачастую не хватает средств. Для получения доступа к ценной научно-технической информации китайская сторона приглашает российских ученых-пенсионеров, которые охотно соглашаются подработать в дополнение к получаемой ими в России пенсии³. При этом большое внимание уделяется китайской стороной подготовке и обучению собственных кадров в качестве "подмастерий" иностранных ученых.

Получение образовательных услуг иностранных вузов на территории своей страны: волки — сыты, овцы — целы

Расширение географии образовательных услуг воспринимается многими вузами сегодня как выгодные быстро окупаемые инвестиции. Вузы стран-экспортеров образовательных услуг, таких как Великобритания, США, Австралия и других, имеют все ресурсы для конкуренции с иностранными институтами.⁴ Китай стремится обеспечить присутствие иностранных вузов на своей территории и при этом обезопасить национальные вузы. Китай обязуется частично открыть странам ВТО образовательные услуги разных уровней и разрешить учреждать различные формы собственности (но не обязательно такие же, как у национальных вузов). Иностранные учебные заведения не имеют права вести коммерческую деятельность, а также самостоятельно предлагать образовательные услуги на территории КНР, зато они могут учреждать в Китае свои представительства и устанавливать совместные образовательные учреждения с преобладанием иностранной доли собственности. Обучение граждан КНР в них должно вестись на территории вузов-учредителей (причем не менее двух лет — на территории Китая) с последующей выдачей выпускникам дипломов государственного образца обоих вузов.

Подобные программы контролируются государством: требуется признание не только местных органов управления образованием, но также и Министерства просвещения и регулируются специальным законодательством. За последние 15 лет удалось создать гибкую и прозрачную нормативную базу для решения вопросов учреждения, аттестации и управления совместными образовательными программами.

В сотрудничестве с иностранными вузами и школами китайские вузы-партнеры получают возможность заимствовать привлеченные из-за рубежа высококачественные образовательные ресурсы, инновационные методики преподавания.

давания, новые формы организации учебного процесса. С 1993 г. число совместных образовательных учреждений в Китае выросло в 10 раз, к концу 2003 года существовало почти 800 официально утвержденных совместных образовательных учреждений и программ².

Негативное влияние проблем в области создания совместных структур на решение оказывает недостаточный уровень организованности и дисциплинированности у управленцев образования провинциальных муниципалитетов, не очень строгий отбор и нарушение правил аккредитации, а также неумелое управление ими. Кроме того, в некоторых небольших городах китайские вузы, руководствуясь только соображениями престижа, стремятся наладить сотрудничество с любыми иностранными учебными заведениями, что неблагоприятно сказывается на качестве обучения.

Некоторые общие выводы

Итак, по прошествии нескольких лет после вступления КНР в ВТО можно говорить о существенных результатах. Продуманные усилия и долгосрочная стратегия правительства по улучшению качества национального образования, расширению охвата сети Интернет, совершенствованию СДО, созданию выгодных условий для возвращения студентов из-за рубежа, скрупулезный анализ практики сотрудничества с иностранными учебными заведениями и использование этих результатов в создании крепкого законодательства позволили китайским вузам и НИИ не поддаться разрушительному влиянию более сильных иностранных конкурентов.

На наш взгляд, вступление КНР в ВТО можно рассматривать как приобретение этой страной дополнительных гарантий от международного сообщества на возможность образовательно-обучающей экспансии Китая. Данные этой страной обязательства ВТО закрепили гарантии доступа китайских вузов к обучению иностранных студентов и выход учебных заведений этой страны на территории других стран. Это в недалеком будущем, весьма вероятно, сыграет свою роль в усилении позиций Китая на мировом рынке образовательных услуг. Уже сейчас политика КНР по созданию дешевого образования международного уровня дает ощутимые плоды.

Прогнозы и выводы относительно возможностей российских вузов после вступления России в ВТО

Позиция России в переговорах ВТО в сфере образования: защищать наше "лучшее в мире образование"

Целенаправленная политика китайского руководства по выстраиванию государственных механизмов регулирования рынка образовательных услуг заслуживает пристального изучения. Грядущее вступление в ВТО для России также, как и для Китая, вызывает необходимость в качественно новом уровне взаимодействий с другими странами в сфере образования. Пока конкретные результаты переговоров России с другими участниками ВТО не разглашаются, известно только, что наша страна придерживается обязательств, не наносящих ущерба ее интересам и находящихся в русле осторожных подходов, применяемых многими другими странами. Известно, что в 2003 г. Министерство образования РФ и Российский союз ректоров подписали совместный документ "Позиция Мини-

стерства образования Российской Федерации и Российского союза ректоров в связи с присоединением Российской Федерации к Всемирной торговой организации” для передачи в Минэкономразвития РФ в качестве ориентира на переговорах по принятию обязательств Российской Федерации при вступлении нашей страны в ВТО. Российские чиновники и ректоры вузов считают, что на переговорах по вступлению в ВТО нашей стране целесообразно занять сдержанную позицию по дальнейшему открытию своего рынка образовательных услуг. Система образования РФ действует достаточно открыто для внедрения передового зарубежного опыта, и ускорение либерализации российского рынка образовательных услуг посредством ГАТС пока не обнаруживает новых полезных возможностей⁶.

Нельзя не заметить, что в вышеупомянутом российском документе не идет речь о защите сфер отечественного рынка, наиболее чувствительных к соглашениям ГАТС (дистанционное образование, академические обмены, приход иностранных вузов), как мы это видим на примере Китая. Отсутствие таких мер, как это становится ясно из “Позиции...”, вероятнее всего оправдывается тем, что переговоры по вступлению в ВТО ведутся в период проведения в России всепоглощающей реформы образования. Кроме того, приоритетным направлением международной образовательной политики России традиционно считается формирование единого образовательного пространства СНГ и участие в интеграции вузов Европы (Болонский процесс)⁷.

Тщательная подготовка китайского образования к ВТО и следующие за этим положительные результаты, наводят на мысль о том, что и России рано или поздно придется задуматься над решением аналогичных проблем. Поэтому ниже мы кратко упомянем о некоторых основных аспектах национальной образовательной политики России в сферах, затрагивающихся соглашением ГАТС.

Дистанционное обучение

Сегодня в России основой телекоммуникационной инфраструктуры для единой образовательной информационной среды является созданная в 1994 г. сеть RUNNet (Russian University Network). В российской системе образования идут сложные процессы по созданию и освоению новой информационно-технологической базы дистанционного образования⁸. Для огромной России с труднодоступными и малозаселенными районами проживания СДО позволят уравнивать шансы на получение качественного образования жителей крупных городов и самых удаленных уголков страны, а также сделают возможным доступ учащихся и учителей к курсам и авторским программам лучших педагогов России, электронным библиотекам и прочим научно-образовательным ресурсам.

В России имеется концепция и федеральная целевая программа создания и развития единой системы дистанционного образования, принятая в конце 1990-х гг. и финансируемая из федерального и региональных бюджетов. Запущен в действие приоритетный национальный проект “Образование”, одним из важных составляющих которого является компьютеризация школ, обеспечение доступа к интернету и информационным образовательным ресурсам. Все эти меры призваны к 2010 г. решить существующие в России проблемы дистанционного образования. Кроме того, недостаточно развита нормативно-правовая база для получения диплома государственного образца и система аттестации знаний учащегося.

Разрешенный ГАТС приход дистанционных программ зарубежных учебных заведений на российский рынок может усилить существующее неравенство

доступа к образованию учащихся крупных городов России, охваченных Руннетом, и других населенных пунктов, где Интернет еще не проведен или попросту нет компьютеров. Очевидно, что рынок дистанционного образования нашей страны еще не сложился, и как и китайский, требует защиты государства от иностранного вмешательства. В этой связи, вероятнее всего, России, как и Китаю, будет необходимо договариваться с другими странами ВТО об отсрочке доступа иностранных вузов на рынок дистанционного образования России.

Обучение за рубежом, международные академические обмены

Конечно, как и в случае с КНР, этот способ предоставления образовательных услуг не является в России закрытым для иностранного доступа. Вероятнее всего, что Россия примет обязательство ВТО по открытию этой сферы. Другой вопрос, как наша страна будет бороться с существующими трудностями в результате такой открытости.

Сегодня все дискуссии на тему возможности российских граждан по обучению за рубежом сводятся к пресловутой проблеме “утечки мозгов”. По данным ректора МГУ им. М.В. Ломоносова В. Садовниченко, страну ежегодно покидает до 15% выпускников российских вузов⁶. Понятно, что противодействовать этому можно, только улучшая положение ученых в нашей стране, в последнее время, российское правительство старается предпринимать усилия в этом направлении. Вспомним, например, о серьезном увеличении зарплат научным сотрудникам и молодым ученым, о создании технопарков в сфере информационных технологий на территории России с привилегиями для российских “вернувшихся” по китайскому образцу. Однако говорить о тщательно продуманной политике России по возвращению отечественных кадров из-за рубежа, как это мы наблюдаем в КНР, к сожалению, не приходится. Привлечение российских ученых из-за рубежа в отечественную науку — по-прежнему больной вопрос для нашего государства.

Интересен тот факт, что последнее время растет интерес российских студентов и их родителей к обучению в Китае. Главным подтверждением этому, на наш взгляд, может быть растущее количество российских посреднических структур по оформлению студентов на учебу в Китай. Сегодня такие услуги оказывают туристические фирмы и образовательные агентства, прежде ориентированные только на западное образование. Существуют специальные Интернет-порталы об обучении в Китае*. Возможно, основные причины такой заинтересованности обусловлены не только непосредственной близостью страны-соседа, удобством и сложившимися традициями сотрудничества отдельных российских регионов с КНР на протяжении многих лет. Вряд ли что китайское высшее образование выигрывает у российского в качестве или методах преподавания, влияние на спрос китайского образования у населения России оказывает, скорее всего, внешний облик Китая как страны с быстро развивающейся экономикой. У студентов и родителей складывается мнение, что с китайским языком будет проще трудоустроиться на высокооплачиваемую работу.

Получение образовательных услуг иностранных вузов на территории своей страны

Несмотря на общепринятое мнение, что наше образование — “лучшее в мире”, сегодня российским вузам для поддержания своего престижа и улучше-

* См., например, раздел “обучение в Китае” на форуме Полушарие (www.polusharie.ru), а также порталы www.studyinchina.ru, www.lingvachina.ru, и др.

ния качества образования приходится искать сотрудничества с иностранными вузами для привлечения в учебный процесс прогрессивных обучающих технологий, методик преподавания, учебников. Говоря о способах сотрудничества с иностранными вузами, приходится мечтать о таком подробном законодательстве этой сферы деятельности, как в Китае. Многие региональные вузы России, принимая самостоятельные попытки по налаживанию взаимодействия с иностранными учебными заведениями, к сожалению, в большинстве своем действуют методом проб и ошибок. Например, университетам российского Дальнего Востока в сотрудничестве с китайскими вузами приходится самим в процессе ежедневной практики выделять наиболее приемлемые условия для такого сотрудничества. Но в отличие от китайских лидеров образовательных ведомств, российское правительство не уделяет должного внимания такому опыту¹⁰. Работа по созданию в нашей стране специализированного законодательства, либо целенаправленной централизованной политики по регулированию этой области деятельности не ведется. Трактовка законодательных вопросов взаимодействие российских вузов с иностранными учебными заведениями на территории России, изложенная основными российскими законодательными актами, зачастую непонятна и сильно обобщена. Кроме того, вузовским управленцам приходится также самостоятельно разрешать социо-культурные трудности такого сотрудничества в России. В последнее время каждому второму иностранному учащемуся приходится сталкиваться с проявлениями национализма и расизма среди российского населения¹¹. В этой связи вопрос принятия нашей страной обязательств ВТО касательно доступа иностранных учебных заведений на российский образовательный рынок остается открытым.

Выводы

Анализ состояния сфер российского образовательного рынка, попадающих под влияние ГАТС, позволяет говорить о том, что они оставлены руководством нашей страны без должного внимания. Упомянутый выше документ "Позиция..." не дает ответа на вопрос, как защитить наше образование от негативных воздействий ВТО. Прикрываясь несовершенством формулировок ГАТС, российские деятели образования пытаются отмахнуться от участия в мировом процессе глобализации, не задумываясь о возможности построения четко выраженной политики ответа России на вступление в ВТО.

Конечно, хотелось бы без оглядки на международную практику и современные внешнеполитические и социально-экономические процессы в мире заниматься более реформированием государственных стандартов образования, созданием единых систем экзаменации учащихся и аттестации школ и вузов, реструктурировать и переименовывать органы управления российским образованием. Однако вопрос вступления России в ВТО обусловлен естественным развитием современного общества и мировой экономики. Участие в этой всемирной организации предопределяет общее, глобальное будущее, и очень жаль, что наше "лучшее в мире" образование не видит необходимости участия в нем.

---

1. Cong Cao. China's Efforts at Turning 'Brain Drain' into 'Brain Gain' // East Asian Institute Background Brief. 2004. No. 21.

2. Zweig D., Rosen St. Chen Changgui Globalization and transnational human capital: overseas and returnee scholars to China // *The China Quarterly*. 2004. N 179. P. 752.
3. Верлин Е., Сашин К. Венчурный бизнес по-китайски: в лице России Поднебесная обрела дешевый источник высоких технологий // *Независимая газета*. 2003. 29 янв. С.11
4. Ziguras C. The Impact of the GATs on Transnational Tertiary Education // *The Australian Educational Researcher*. 2003. Vol. 30. P. 105.
5. Чжоу Маньшэн. Выход государства на международный рынок образовательных услуг и перспективы китайско-российского сотрудничества // *Россия-Китай: Образовательные реформы на рубеже XX—XXI вв. Сравнительный анализ* // Под ред. Н.Е. Боровской, В.П. Борисенкова и Чжу Сяомань. М., 2007. С. 453.
6. О позиции Министерства образования РФ и Российского союза ректоров в связи с присоединением Российской Федерации к Всемирной торговой организации // *Поиск*. 2003. 21 авг.
7. Арефьев А.Л., Давыдов Ю.С., Давыдов А.Ю. Выход стран на международный рынок образовательных услуг и перспективы сотрудничества России и Китая // *Россия—Китай: Образовательные реформы на рубеже XX—XXI вв. Сравнительный анализ* // Под ред. Н.Е. Боровской, В.П. Борисенкова и Чжу Сяомань. М., 2007. С. 426.
8. ИТ в национальных проектах России. Интернет-портал CNews Analytics. <http://www.cnews.ru/reviews/free/national2006/int/perspekt/>
9. Покровский В. Утечка мозгов в эпоху глобализации // *Независимая газета*. 2006. 5 мая.
10. Uroda A. What Makes Universities in China and Russia Engage in Partnerships across the Border? // *Comparative Education Bulletin*. 2006. No. 9. P. 79.
11. Научно-педагогический потенциал и экспорт образовательных услуг российских вузов (социологический анализ). /Под рук. Ф.Э. Шереги. М.: Центр социального прогнозирования. 2002. С. 110.

Этапы и вехи языковой политики Тайваня

© 2007

В. Головачев

С незапамятных времен тайваньское общество отличалось пестрой смесью культур, языков и наречий. Первые обитатели появились на острове еще в эпоху палеолита. Хотя нехватка исторических данных не позволяет точно определить этнический состав первых тайваньцев, по крайней мере, часть из них могла иметь протомалайское происхождение. Лексикон и грамматика их языков были родственны австронезийской (малайско-полинезийской) языковой семье¹. Обычаи первобытных тайваньцев имели немало общего с обычаями индонезийских народов, включая татуировки, одинаковые имена отцов и сыновей, геронтократию, охоту за головами, поклонение духам и способы погребений². В целом, языки тайваньцев относят к китайскому (98,3%) и австронезийскому семействам (1,7%). К последнему принадлежат языки 12 аборигенных народностей, насчитывающих около 430 тыс. чел., или менее 2% от 23 млн островитян³.

В период Южной Сун (1127—1279) освоение прибрежных районов юго-восточного Китая и расширение морской торговли стали важными целями политики имперского правительства. Эта политика способствовала миграции и поселению китайцев на островах Пэнху и Тайване. Кроме того, в начале XII в. многие китайцы бежали из долины р. Хуанхэ на юг, спасаясь от армий чжурчжэней. Некоторым даже пришлось бежать на кораблях в открытое море (подобно южно-сунскому императору Чжао Гоу) и в итоге оказаться на Тайване. В "Записях о путешествии Бай Хай (Бай хай чжи юй)" сообщалось, что потерпевшие кораблекрушение семьи "жили за счет обработки земли, а некоторые, видимо, переехали и не могли поддерживать связи с семьями родителей. Поэтому через несколько поколений уже не могли отслеживать свое происхождение, и лишь язык, на котором они говорили, оставался неизменным"⁴.

К XVI в., когда на острове впервые высадились потерпевшие кораблекрушение португальцы, там уже давно проживали не только племена аборигенов, но и китайские переселенцы. При этом китайцы селились в северной и центральной частях острова, а выходцы из Австронезийского региона обитали на юге и вдоль восточных берегов Тайваня. В XVI в. бежавшие от голода и войн китайцы из провинций

Фуцзянь и Гуандун стали в более ощутимых масштабах эмигрировать на остров и создавать там свои поселения. Эта ранняя волна переселенцев состояла в основном из носителей фуцзяньского диалекта и диалекта народности “хакка”.

С наступлением XVII в. жители Тайваня какое-то время говорили на голландском и испанском языках, так как с 1624 г. по 1662 г. островом правила голландская Ост-Индская компания, а испанцы имели колонию на севере с 1626 г. по 1641 г., пока не были изгнаны оттуда голландцами. За свое недолгое присутствие на Формозе испанские доминиканцы успели открыть две миссионерские школы для китайцев и аборигенов. А миссионер Хакинто Эскивалье изобрел для облегчения проповеди латинизированную азбуку местного языка⁶ и издал на нем две книги: “Словарь языка даньшуй, бытующего на острове Тайвань [Тайвань дао даньшуй юй цы хуэй]” и “Книгу об истинах христианского учения на языке даньшуй острова Тайвань [Тайвань дао даньшуй юй цзиду цзяо ли шу]”. Но надежды испанцев так и не оправдались. Столкнувшись с сопротивлением аборигенов, слабой торговлей и нападениями голландцев, они в итоге были вынуждены покинуть остров⁷.

Голландцы тоже сознавали важность образования для своего закрепления на острове. Роль главных проводников западной культуры играли миссионеры, служившие по совместительству толмачами и сборщиками налогов для голландской Ост-индской компании. К 1630 г. церкви миссионеров уже распространились по прибрежным равнинам западного Тайваня. А в 1636 г. была открыта первая школа с допуском аборигенов. Знакомя местных жителей с азами грамоты, миссионеры попутно обращали их в христианство. Местные учителя и церковные служки проходили подготовку и работали под присмотром голландских проповедников. В 1639 г. к службе в роли проповедников было допущено уже 50 тайваньцев⁸.

Обучение велось как на голландском языке, так и при помощи специально созданной латинской транскрипции языка сирайя, на котором говорили южные равнинные аборигены (пинпу цзу) из поселения Синьган. Голландцы называли эту транскрипцию “языком синьган” (синьган юй), а местные китайцы называли ее “азбукой рыжеволосых” (хун мао цзы), т. е. европейцев. Миссионер Роберт Юниус применил новую систему для перевода на местный язык текстов молитв, “Катехизиса”, “Десяти заповедей” и краткого изложения христианского вероучения. Другими важными переводами являлись “Евангелие от Матфея и Иоанна”, а также “Словарь Восточного языка Жильбера Апарти (Gilbertus Appartius)”⁹.

В целом, образовательная и миссионерская деятельность голландцев в XVII в., оказавшая большое влияние на тысячи коренных жителей Тайваня, охватывала районы Тайнань, Синьган, Дамуцзянь, Муцзялувань, Сяолун, Мадоу, Дацзечжень, Даньшуй и Таюань¹⁰. По воскресным дням тайваньцы облачались в голландские одежды и говорили на голландском языке. Когда отец Джозеф де Майя посетил Тайвань в 1715 г., он нашел там нескольких аборигенов, все еще умевших говорить и читать по-голландски, а также хранивших у себя фрагменты голландских Библий. Уже в конце XIX в. английский пресвитерианский миссионер Уильям Кэмпбэлл обнаружил в доме одного неграмотного крестьянина старый экземпляр голландской Библии. Хозяин сообщил, что это фамильная вещь¹¹.

Явным отголоском кратковременных контактов с европейцами и знакомства с их письменностью стало предание, записанное исследователями народности сайдэ(к) со слов 84-летнего аборигена из уезда Наньтоу (центральный Тайвань). Согласно преданию, в древности неизвестно откуда явились трое людей, говоривших на языке сайдэк. Они владели письмом и имели при себе одну книгу.

Потом они ушли, пообещав вернуться снова, но больше не вернулись. Поэтому народ сайдэк утратил письмена¹².

Освоив “язык синьган”, аборигены стали широко использовать его в повседневной жизни, для написания писем, счетов, договоров и других документов. Даже в XIX в., в годы правления Цзяцин (1796—1820), аборигены по-прежнему пользовались им при заключении с китайцами договоров, известных среди китайского населения как “Договоры с дикарями” (фань цзай ци). Эти договоры были собраны, систематизированы и опубликованы японцами как “Документы в письменах синьган” (Синьган вэнь шу), а в 1938 г. изданы на английском языке (Naojiro Murakami: Sinkan Manuscripts)¹³.

Чрезвычайно интересны записи о языке Синьган, сохранившиеся в письменных источниках времен цинского правления на острове. В самом раннем, датируемом 1696 г. сочинении Гао Хунцзяня “Описание губернии Тайвань”, в главе “Описание местных обычаев” сохранились такие удивительные сведения: “На телах [аборигенов] вытатуировано много записей. У некоторых на спине, у некоторых на плечах, и даже по бокам тел, — все исписано письменами. Все эти татуировки — не что иное, как “азбука рыжеволосых”... Тех, кто умеет писать азбукой рыжеволосых, называют “грамотеями-писарями” (цзяо цэ). Через их руки проходят все исходящие и входящие документы. [При письме] обрезают трубку гусиного пера, макают в чернила и пишут горизонтальными строками, слева направо, а не вертикальными строками”¹⁴. Подобные, почти дословно повторяющиеся записи, встречаются и в сочинениях ряда других авторов, датируемых 1717, 1736, 1741 и 1747 гг. В описании от 1747 г. к уже упомянутым словам сделана приписка о том, что писарям “платят за записи деньгами и зерном. Отдыхая, [они] втыкают перо в голову или цепляют к поясу”¹⁵.

Самое позднее упоминание об использовании аборигенами “азбуки рыжеволосых” относится к 1813 г., что подтверждает, что язык синьган оставался в ходу даже через 150 лет после изгнания голландцев¹⁶. Впрочем, присущий аборигенами уникальный способ кодировки, хранения и передачи информации через татуировки (в данном случае — письмен), позволяет заключить, что “азбука рыжеволосых” существовала в народной памяти и после 1813 г., окончательно выйдя из употребления лишь в 30-х гг. XIX в.

Подтверждением этому служат, в частности, предания народности “пуюма”, цитируемые в работах китаеведов М.Ф. Чигринского и Б.Л. Рифтина. В 1966 г. известный германский этнограф-миссионер Д. Шрёдер записал воспоминания 89-летней шаманки из местечка Чжибэнь на восточном побережье Тайваня. По словам женщины, в этой деревне некогда жил человек по имени Гэлугань с вытатуированными на теле письменами¹⁷. Однажды Гэлугань попался на глаза заезжим голландским морякам, которые увезли его с собой на расположенный около Тайнани остров Сагань, затем в Индонезию и, наконец, в Голландию. После смерти Гэлуганя голландцы сняли с него кожу и сделали из нее чучело. Поначалу Богу было угодно, чтобы узоры татуировки на теле Гэлуганя были основой письмен горцев. Но из-за того, что голландцы увезли Гэлуганя, горцы не имеют письмен¹⁸.

В 1972 г. швейцарский патер Х. Эгли записал со слов старейшин из Чжибэнь еще один вариант этой истории. В прошлом некий мужчина народности бинань по имени Калокал (созвучно Гэлугань. — В. Г.) имел на теле странные, никому неведомые узоры. Повзрослев, он переехал в г. Тайнань, где жил в одном доме с голландцем. Однажды, когда Калокал купался, голландец увидел на его теле татуировки и был крайне изумлен ими. После возвращения в родную деревню Калокал попался

на глаза морякам-голландцам, которые вывезли его сначала в Индонезию, а потом и в Голландию. После гибели Калокала голландцы сняли с него кожу, а имевшиеся на ней узорные знаки стали основой голландских письмен¹⁹.

Хотя смысл татуировок был позднее забыт, их прямая связь с письменностью сохранилась в туземном предании с его необычным, но от этого не казавшимся менее "достоверным" голландским сюжетом об утрате письмен в результате умыкания "носителя информации".

Большую часть голландцев на Тайване составляли торговцы, учителя, миссионеры или солдаты. Но среди них не было фермеров. Некоторые аборигены умели возделывать землю, но их нужно было долго обучать работе на полях. Поэтому появление китайских крестьян было выгодно голландцам. Поток китайских иммигрантов нарастал по мере углубления политической нестабильности в материковом Китае. Около 25 тыс. китайских дворов (примерно 100 тыс. чел.) проживали на Тайване к концу голландского правления. Их число почти совпадало с числом аборигенного населения. В целом, масштабная иммиграция китайцев сильно изменила демографическую картину Тайваня, став первым шагом к будущей китаизации²⁰.

После изгнания в 1661 г. голландцев войсками сохранившего верность Мин генерала Чжэн Чэнгуна остров вступил в эпоху всесторонней китаизации. Именно в это время на острове начали строить храмы Конфуция, и стало внедряться классическое конфуцианское образование. К 1683 г., когда китайское население вдвое превысило численность аборигенов, Тайвань стал частью Китая и в этнокультурном смысле, и как часть Цинской империи. Почти 200 лет главным средством общения на острове был китайский язык. Цзян Юйин, первый цинский губернатор Тайваня, "распространял культуру и образование, основал бесплатные местные школы". В 1685 г. он возобновил службы в местных храмах Конфуция. А в 1686 г. на Тайване были впервые проведены государственные экзамены на ученые степени. В 1877 г. губернатор провинции Фуцзянь создал прецедент, допустив к сдаче экзамена на низшую ученую степень тайваньского аборигена Чэнь Баохуа. Помимо государственных школ, к 1895 г. на Тайване действовали 23 частных училища для подготовки к экзаменам, студенты которых изучали конфуцианские каноны и поэзию²¹.

Хотя китайцы и аборигены говорили на разных языках, их общее проживание на острове делало неизбежным установление постоянных контактов. Для этой цели цинские власти создали ведомство "посредников" и "варварских агентов", которые отвечали за торговлю и прочие связи с аборигенами. За два века господства правители Цин открыли в резервациях по всему острову около 200 школ для аборигенов, как равнинных (окультуренных), так и горных (диких) племен. Дети изучали в этих школах китайский язык и обычаи. Тем из них, кто знал несколько иероглифов, немного понимал китайский язык и умел выражать церемонное почтение к вышестоящим, давали либо награды, либо особые таблички для участия в ритуалах поклонения Конфуцию. Кроме того, аборигенам давали китайские фамилии: Фань, Чэнь, Лю, Тай, Ли, Ван, Цзянь, Ху, Мань или Линь и др.

В 1890 г. губернатор провинции Тайвань Лю Минчуань открыл в Тайбэе первую среднюю школу для аборигенов. Правда, эта школа просуществовала лишь до 1892 г. и выпустила всего один класс учеников. В рамках программы модернизации Лю также внедрял на острове западное образование, приглашая для этого учителей-иностранцев. В 1887 г. в Тайбэе была открыта Школа западных наук (си сюэ тан), ученики которой изучали, наряду с естественными науками,

английский и французский языки. В том же году была открыта еще одна школа для преподавания английского языка. А в 1890 г. открылась специальная школа с преподаванием иностранных языков для телеграфистов²².

С 1895 г. официальным языком Формозы стал японский язык, так как остров превратился в колонию Японии. В течение полувека (до 1945 г.) японский был единственным языком делопроизводства, образования, СМИ, распространялся принудительно в рамках политики “японизации” местного населения.

Языковая политика в сфере образования, нацеленная на декитаизацию и японизацию местного населения, включала три основных этапа: 1) использование тайваньских диалектов (миньнань, хакка) для чтения китайских иероглифов; 2) преподавание японского языка при помощи тайваньских диалектов; 3) полный переход к использованию японского языка и запрет на использование тайваньских диалектов²³.

Тайваньцев принуждали говорить между собой на японском языке и брать японские имена. Люди, говорившие на японском языке, имели более высокий статус в колониальной “кастовой” системе, на вершине которой стояли сами японцы. За японцами шли упомянутые “японоязычные семейства” и китайцы с японизированными именами. На самой нижней ступеньке стояли обычные тайваньские китайцы.

Японизация стимулировалась и предоставлением материальных выгод, например, дифференцированных продуктовых пайков. Японцы получали максимальные пайки, а обычные китайцы — минимальные, составлявшие лишь половину от японского пайка. “Японоязычные семейства” и лица с японизированным именами получали продукты наравне с японцами²⁴.

С языковой дискриминацией столкнулись и западные миссионеры. Использование Библии с латинским шрифтом стало при японцах сурово каравшимся уголовным преступлением. От пасторов и мирян требовали проходить синтоистскую подготовку. А пасторы, которые не могли читать молитвы на японском языке, принуждались к уходу в отставку. Радиовещание велось только на японском. Лишь одна местная газета “Минь бо (“Народная газета”, позднее, “Новая народная газета”)” выходила с 1923 г. на китайском языке с позволения либеральных генерал-губернаторов острова. Но в 1930 г. власти запретили читальни, где читали по-тайваньски тексты в древнекитайском написании. С 1 апреля 1937 г., перед началом войны с Китаем, японцы закрыли все китаеязычные издания и отменили в школах уроки китайского языка, штрафуюя учителей за разговоры на местных диалектах²⁵.

Главная цель языковой политики японцев состояла в том, чтобы китайцы овладели японским настолько, чтобы власти колонии могли эффективно управлять островом. Итогом полувекового целенаправленного насаждения японского языка стало его широкое распространение во всех сферах общественной жизни. В 1932 г. на Тайване говорили по-японски 22,7% тайваньцев, в 1940 г. — 51%, а к 1944 г. — уже 71%²⁶.

До 1945 г. на Тайване творили талантливые местные писатели, поэты и ученые, писавшие на японском языке, но слабо владевшие китайским литературным языком. В 1930-е гг. многие образованные тайваньцы читали китайскую литературу в переводах на язык своих колониальных правителей²⁷. Местное школьное образование, включавшее насаждение японского духа, породило два или три поколения тайваньцев, чей образ мыслей и способ действий был больше японским, чем китайским. Они были фактически билингвами, свободно говорившими и на китайских диалектах, и на японском языке. Тем не менее, японцам

так и не удалось добиться полной языковой ассимиляции тайваньцев, которые продолжали домашнее общение на родном китайском языке и сохранили чувство принадлежности к китайской нации²⁸. К примеру, знаменитый тайваньский писатель Лай Хэ (1894—1943), прекрасно владевший устным и письменным японским, никогда не публиковал свои произведения на этом языке²⁹.

Возвращение Тайваня под власть Китая в 1945 г. повлекло за собой официальное наступление на японский язык, образование и культуру. В 1946 г., через год после поражения Японии, правительство провинции Тайвань упразднило японоязычные газеты и запретило официальное использование письменного и разговорного японского языка. В области образования власти Китайской республики взяли курс на переход от японской программы обучения на японском языке, к китайской программе обучения на китайском языке. Но выполнение этой сложной задачи требовало замены большинства японских учителей и преподавателей на учителей из материкового Китая, так как местные китайцы говорили на диалектах миньнань или хакка, и лишь немногие из них были способны преподавать на “государственном языке”.

К сентябрю 1946 г. власти мобилизовали из других провинций Китая и командировали на Тайвань для преподавания китайского языка, истории, права и географии более 600 учителей “национальных школ” обязательного начального обучения (го минь сюэ сяо) и более 400 учителей средних школ средней и высшей ступени. В августе 1946 г. на самом острове прошли экзамены для учителей “государственного языка”. Было отобрано 109 учителей, которые после короткой подготовки были посланы для преподавания китайского языка в уездные и городские государственные школы³⁰.

Несмотря на эти меры, в первые три года гоминьдановского правления большинство средних школ и вузов острова продолжали преподавать многие предметы на японском языке. С другой стороны, новой власти не пришлось начинать с нуля, так как начальное образование при японцах основывалось на классических конфуцианских устоях, а японское письмо основывалось на китайской иероглифике. Тайваньские учащиеся могли читать китайские иероглифы, хотя произносили их по-своему, а многие иероглифы обрели слегка измененное японское значение³¹.

После 1949 г., когда правительство Китайской республики переместилось на Тайвань вместе с миллионом с лишним новых китайских иммигрантов, под фактический запрет попали не только японский язык, но и местные китайские диалекты. А главным официальным средством общения на острове стал “мандарин”, близкий к пекинскому диалекту китайского языка. В области языковой политики гоминьдановские власти словно копировали методы японской администрации. По сути, диктатура японского языка сменилась диктатурой “мандарина”. Повсюду появились должности “наставников государственного языка” (гоюй чжидао юань), отвечавших за языковую переподготовку учителей в специальных учебных центрах. Еще в 1946 г. был создан Комитет по распространению “государственного языка” и начался подбор учебных материалов для его преподавания. В 1956 г. вышло распоряжение о запрете использования наречий миньнань и хакка. В 1957 г. был введен запрет на использование латинской транскрипции для записи местных наречий. Жители острова не имели права говорить в общественных местах на своих родных языках и наречиях. Специальные школьные надзиратели следили за тем, чтобы учителя и школьники говорили только на “правильном” языке. Нарушителей-школьников наказывали денежными штрафами, выставляли на всеобщее осуждение или заставляли носить таблички с

надписью: “Я больше не буду говорить на местном наречии” (во бу цзай цзян фан янь). А нарушавшие языковые запреты учителя рисковали своей работой и карьерой. Введенный в действие в 1976 г. Закон о радио- и телевидении ограничивал время, отводимое программам на диалектах³². Итогом этой политики стало не только доминирование “мандарина”, но также значительное падение престижа местных наречий и постепенное вытеснение их даже из повседневного обихода.

Ситуация изменилась лишь после отмены в 1987 г. Закона о военном положении. Демократизация общественной жизни привела к отмене языковой дискриминации и к возрождению местных языков. Учителей и школьников теперь не принуждают общаться только на “государственном языке”. Появляются новые учебники, написанные на местных языках и диалектах, которые вошли в моду и зазвучали повсеместно: в правительстве, президентской канцелярии, парламенте, СМИ и в общественных местах. В июле 2003 г. впервые открылся канал телевидения на диалекте хакка, а летом 2005 г. — особый телеканал для аборигенов. Хотя сегодня на Тайване существует лишь один официальный “государственный язык” (го юй), местное министерство образования уже готовит проект Закона о лингвистическом равенстве. Этот закон направлен на развитие 15-ти языков и наречий, включая “мандарин”, диалекты “минь нань (тайваньский)” и хакка, а также языки всех 12-ти аборигенных народностей³³.

Несмотря на лингвистический плюрализм, нормативный вариант произношения китайского языка — “мандарин”, или так называемый “государственный язык” (го юй) по-прежнему играет роль важного средства общения на Тайване. На тайваньском диалекте (минь нань хуа) говорят сегодня до 70% жителей острова. Фонетически этот диалект сильно отличается от “государственного языка”. Но грамматическая основа обоих диалектов практически одинакова. То же самое относится и к диалекту хакка, который сегодня переживает на Тайване новое возрождение. Считается, что этот диалект возник позже, чем тайваньский, но раньше, чем “государственный язык”. Диалект хакка неоднороден и тоже делится, как минимум, на две основные ветви³⁴.

Тайваньские аборигены имеют свои языки, именуемые “австронезийскими” или “формозскими”, в отличие от “тайваньского диалекта”. Подобно малайскому или гавайскому языку, все эти языки принадлежат к прото-австронезийской лингвистической семье. Собственно формозская группа первоначально включала в себя от 20-ти до 30-ти языков. К сожалению, из-за сокращения числа носителей и быстрой культурной ассимиляции около половины этих аборигенных языков уже прекратили существование, в том числе языки сирайя, басай и каукат. Сохранились лишь очень немногие старинные записи на этих языках. А чуть более десятка пока еще существующих языков тоже находятся на грани вымирания. К примеру, в 2002 г. оставалась в живых всего одна 89-летняя женщина из поселка Пули в уезде Наньтоу центрального Тайваня, говорившая на языке бацзы (bazi). Не лучше обстоит дело и с языками народностей шао, кавалан, канаканаву и саароа, потому что сегодня остается лишь около десятка носителей каждого из этих языков, в основном людей преклонного возраста. К 1997 г. были изданы большие официальные толковые словари лишь для нескольких австронезийских языков Тайваня: сайдэк (1977), атайял (1978), пайвань (1982), ами (1986), бинань (1991), бунун, фаволан³⁵. Хотя последние годы отмечены рождением новой “аборигенной” литературы, молодые авторы-аборигены пишут книги на китайском языке, объясняя свой выбор законами рынка и узостью круга читателей на аборигенных языках.

Чтобы хоть как-то улучшить ситуацию, на Тайване был запущен специальный проект “Спасти формозские языки от вымирания”, частично финансируемый правительственным Государственным советом по науке. Кроме того, в последние годы власти Тайваня финансируют издание словарей, учебников, литературы, а также курсы подготовки преподавателей этих языков³⁶. Более 2 тыс. учителей прошли к 2002 г. курсы преподавания аборигенных языков в начальных школах. Летом 2005 г. открылся телеканал для аборигенов. 22 сентября 2006 г. появился первый на Тайване официальный учебник языков аборигенов, которые по выбору смогут изучать местные школьники. И все же наиболее реальный способ спасти эти языки состоит в расширении их использования при повседневном общении в семье и быту.

В последние годы власти Тайваня, которые проводят политику интернационализации острова, принимают меры не только для развития местных языков, но и для распространения английского и других мировых языков, активно внедряя их в повседневную жизнь и систему образования. Буквально все правительственные веб-сайты имеют сегодня обновляемые английские версии. Уже несколько лет на острове работает местная телепрограмма на английском языке. Мэрия Тайбэя предлагает бесплатные начальные курсы английского для городских таксистов, а коммунальные мусороуборочные машины в Тайчжуне (третьем крупнейшем городе острова) в порядке эксперимента прокручивают для любителей городских записей обиходных английских фраз.

Миллионы жителей Тайбэя ежедневно ездят по 7-ми линиям и 60-ти станциям столичного метро, где все надписи двуязычны (китайский и английский), а все объявления звучат на “государственном языке”, диалектах миньнань, хакка и на английском языке. Подобная ситуация была немыслима всего два десятилетия назад, во времена однопартийной диктатуры Гоминьдана, когда на всем Тайване звучал лишь один официально признанный “государственный язык”. Времена “позорных табличек” канули в прошлое вместе с дискриминацией против “вражских”, “идейно вредных” или просто “ненадлежащих” языков. А равноправие в использовании всех местных языков и наречий становится залогом гармоничного развития всех культурно-лингвистических групп тайваньского общества.

Проблемы языковой политики и “языковой конкуренции”, безусловно, сохраняются на Тайване и сегодня. Языковая политика сегодняшней власти не имеет четкой программы и критериев, порой допускает борьбу с “языковым шовинизмом” чересчур радикальными методами и не вполне учитывает различие номинального равенства и реального статуса местных языков. К примеру, после 2000 г. усилились призывы к “тайванизации” языковой среды острова и к языковому “патриотизму”, чреватые новым искусственным разделением общества по лингвистическому принципу. “Тайваньцы, разумеется, говорят по-тайваньски”, “более 85% тайваньцев, что живут на Тайване, разумеется, должны говорить на тайваньском языке”, “есть тайваньский рис, пить тайваньскую воду — говорить по-тайваньски” и тому подобные лозунги, призванные разбудить “тайваньское самосознание”, сильно напоминают по духу былые времена языковой нетерпимости. Между тем, 11% из указанных 85% коренных тайваньцев составляют носители диалекта хакка, которые считают ущемлением своего родного диалекта любые попытки объявить диалект миньнань новым официальным “тайваньским языком”³⁷.

Наконец, в течение многих десятилетий предметом жарких споров остается проблема выбора латинской транскрипции для записи китайского языка. Странники универсальности выступают за введение созданной в КНР и приня-

той ООН системы “пинь инь”. А поборники своеобразия Тайваня ратуют за введение собственной азбуки “тун юн” (отличается от “пинь инь” лишь на 15%). На практике этот разнобой приводит к тому, что власти Тайбэя, к примеру, используют для обозначения улиц города систему “пинь инь”, а мэрия Гаосюна предпочитает систему “тун юн”. Нередки случаи, когда прибитые на соседних столбах таблички-указатели дают даже не два, а три или четыре транскрипции названия одной и той же улицы (пинь инь, тун юн, система Уэйд-Джайлса и официальная MPS-2)³⁸. Но эта тема, как и проблема выработки современной языковой политики, требует отдельного рассмотрения.

1. Австронезийская языковая семья включает около 1800 языков и диалектов, на которых говорят до 300 млн чел. Это единственная языковая семья, распространенная преимущественно на островной территории: от острова Пасхи на востоке, до острова Мадагаскар на западе, и от Новой Зеландии на юге, до Тайваня на севере.
2. Hong Chien-chao. A history of Taiwan. Rimini, 2000. P. 6; Vertente C., Hsu Hsue-Chi, Wu Mi-Cha. The authentic story of Taiwan. Taipei-Belgium, 1991. P. 19.
3. Все население острова включает до 60 некитайских этносов: аборигены, монголы, тибетцы, маньчжуры и другие народы.
4. Hong Chien-chao. Op. cit. P. 12—13.
5. Эти группы составляют сегодня 85% этнических китайцев на острове: фуцзяньцы — 73,3%, хакка — 12%. Оставшееся 15% — новые китайские иммигранты. См.: Taiwan Yearbook. Taipei, 2003. P. 24—25; 37—38; Хун Вэйжэнь. Куда и откуда ведет языковая политика Тайваня [Тайвань ды юйянь чжэнцэ хэ цюй хэ цун]. Тайбэй, 2005.
6. Вероятно, это был язык равнинных аборигенов Даньшуй, живших в районе Тайбэя. См.: Ли Женьгуй. Этническая общность и миграции австронезийских народностей Тайваня [Тайвань нань дао миньцзу ды цзуюнь юй цяньси]. Тайбэй, 1997. С. 262.
7. Hong Chien-chao. Op. cit. P. 23; Huang Fu-san. A Sparrow transforming into a Phoenix: a brief history of Taiwan. — <http://www.gio.gov.tw/taiwan-website/5-gp/history/tw01.html>, Taipei, 2005. P. 4.
8. Чжан Сюжун. Очерки ранней истории Тайваня. [Тайвань цзао ци ши ган]. Тайбэй, 1994. С. 165-166.
9. Hong Chien-chao. Op. cit. P. 29; Huang Fu-san. A Sparrow transforming into a Phoenix”: a brief history of Taiwan. P. 4; Vertente C., Hsu Hsue-Chi, Wu Mi-Cha. The authentic story of Taiwan. Taipei-Belgium, 1991. P. 75—76.
10. Чжан Сю-жун. Очерки ранней истории Тайваня. Тайбэй, 1994. С. 166, 168.
11. Hong Chien-chao. Op. cit. P. 30.
12. Рифтин Б.Л. Мифы и сказания о нечистой силе — сравнительное исследование сюжетов в мифах тайваньских аборигенов [Шэнь хуа юй гуй хуа — Тайвань юаньчжуминь шэнь хуа гуши бицзяо яньцзю]. Пекин, 2001. С. 179.
13. Huang Fu-san. A Sparrow transforming into a Phoenix: a brief history of Taiwan. P. 4; Чжан Сюжун. Очерки ранней истории Тайваня. Тайбэй, 1994. С. 166.
14. Чжан Сюжун. Указ. соч., 1994. С. 166—167.
15. Там же. С. 167.
16. Там же. С. 168.
17. Вероятно, “азбука рыжеволосых” была уже забыта и воспринималась лишь как узоры. Либо при фиксации устного сообщения информанта выражение “тело в письменах” (вэнь шэнь) было истолковано как омонимичное “тело в узорах” (вэнь шэнь).
18. Сведения шаманки могли быть преданием, восходящим к концу XVIII — началу XIX вв. Вместе с тем, так как письмена были забыты лишь после 30-х гг. XIX в., Гэлугань вполне мог жить в Чжибэнь в середине или в конце XIX в., до японской колонизации в 1895 г.

19. Рифтин Б.Л. Указ. соч. С. 173—175; Чигринский М.Ф. О некоторых преданиях аборигенов Тайваня // Теоретические проблемы изучения литератур Дальнего Востока. М., 1980. Ч. 2. С. 273—274.
20. Hong Chien-chao. Op. cit. P. 18, 30—32.
21. Hong Chien-chao. Op. cit. P. 129, 133—134; Huang Fu-san. A Sparrow transforming into a Phoenix: a brief history of Taiwan. P. 5; Vertente C., Hsu Hsue-Chi, Wu Mi-Cha. The authentic story of Taiwan. Taipei-Belgium, 1991. P. 131.
22. Hong Chien-chao. Op. cit. P. 132, 134, 155—156; Vertente C., Hsu Hsue-Chi, Wu Mi-Cha. The authentic story of Taiwan. Taipei-Belgium, 1991. P. 134, 146.
23. Чжэн Лянхань. Язык изменяющегося тайваньского общества. Тайбэй, 1990. Цит. по: Чжун Жунфу. Нынешнее состояние языковой политики Тайваня и реального использования языков. 2005. С. 2. — <http://www.nknu.edu.tw/~hakka/chung/das>.
24. “Японоязычных семей” было мало. В 1938 г. в уезде Чжанхуа — 16 дворов, а в Тайбэе — лишь 17 дворов. По японской статистике к 1942 г. их число составляло менее 1% жителей острова. См.: Ли Цзинь-ань. Языковая политика и независимость Тайваня. — <http://www.wufi.org.tw/forum/policy.htm>.
25. Hong Chien-chao. Op. cit. P. 224, 231—234; Ли Цзиньань. Языковая политика и независимость Тайваня. — <http://www.wufi.org.tw/forum/policy.htm>.
26. Хуан Сюаньфань. Язык, общество и идеология этнических групп. Тайбэй, 1993. С. 93.
27. Hong Chien-chao. A history of Taiwan. P. 225—226.
28. Там же. P. 239—240.
29. Лю В. Тайваньское радио спросили...: 100 ответов слушателям МРТ. М., 2005, С. 179.
30. Возвращение Тайваня и положение провинции в первые 5 лет после возвращения [Тайвань гуанфу хэ гуанфу хоу у нянь шэн цин] / под ред. Чэнь Учжун, Чэнь Синтан. Нанкин, 1989. С. 395—396.
31. Hong Chien-chao. Op. cit. P. 258—259; Huang Fu-san. A Sparrow transforming into a Phoenix: a brief history of Taiwan. P. 8.
32. Чжун Жунфу. Нынешнее состояние языковой политики Тайваня и реального использования языков. С. 2. — <http://www.nknu.edu.tw/~hakka/chung/das>.
33. Taiwan Yearbook. Taipei, 2003. P. 31.
34. Там же. 33—34.
35. Ли Женьгуй. Этническая общность и миграции австронезийских народностей Тайваня. Тайбэй, 1997. С. 229—231, 258—259.
36. Список учебных материалов на языках аборигенов см.: Ли Женьгуй. Этническая общность и миграции австронезийских народностей Тайваня. Тайбэй, 1997. С. 268—273.
37. Чжун Жунфу. Нынешнее состояние языковой политики Тайваня и реального использования языков. 2005. С. 2—6. — <http://www.nknu.edu.tw/~hakka/chung/das>.
38. A Guide to Taiwan. — <http://www.romanization.com/>; Чжун Жунфу. Нынешнее состояние языковой политики Тайваня и реального использования языков. 2005. С. 3. — <http://www.nknu.edu.tw/~hakka/chung/das>.

Рецензии

**Портяков В.Я. От Цзян Цзэминя к Ху Цзиньтао:
Китайская Народная Республика в начале XXI в. Очерки.
М.: Институт Дальнего Востока РАН, 2006. 247 с.**

Автор вышедшей недавно книги очерков, посвященных нынешнему этапу социально-экономического развития Китая, хорошо известен сообществу востоковедов. Доктор экономических наук Владимир Яковлевич Портяков — один из ведущих в России специалистов по экономике и политике КНР, российско-китайским отношениям. Его анализ состояния дел у нашего восточного соседа всегда отличается взвешенностью, компетентностью, пользуется авторитетом среди исследователей и практических работников-китаеведов. За плечами у автора помимо многих лет научных исследований богатый опыт практической работы в наших внешнеэкономических и внешнеполитических учреждениях в Китае (Торгпредство СССР в 70-е годы, Посольство СССР в начале 80-х гг. и Посольство РФ в начале нынешнего десятилетия).

Специалистами в свое время была высоко оценена монография В.Я. Портякова, содержащая комплексный анализ развития реформ в КНР в 1980-90-е годы *"Экономическая политика Китая в эпоху Дэн Сяопина"* (1998 г.). И вот вышел в свет новый том очерков, анализирующих ситуацию в Китае уже в текущем десятилетии. Очерки сгруппированы в три раздела: внутрисполитические проблемы; экономические проблемы; взаимодействие России и Китая. Самостоятельную ценность представляет заключение, в котором автор оценивает прогнозы возможных вариантов экономического и общественно-политического развития КНР на период до 2050 г.

Сборник охватывает статьи, написанные в 2002—2006 гг. Первый и, пожалуй, самый объемный материал (название которого стало титульным названием всей книги) представляет собой своеобразный

"творческий отчет" В.Я. Портякова о работе в Посольстве России в Пекине (1999—2003 гг.).

В книге дается подробное освещение процесса перехода власти в Китае от "третьего поколения" (Цзян Цзэминя) к "четвертому поколению" (Ху Цзиньтао) в начале XXI в. и дальнейшего развития реформ в КНР по пути к социально-ориентированной рыночной экономике. Особенностью последних лет стало то, что по сути, впервые в Китае переход власти произошел мирным путем, без масштабных кадровых чисток, переворотов и потрясений. КПК удалось извлечь уроки из распада Советского Союза, краха КПСС и отстоять свою руководящую роль в условиях экономических реформ и внешней открытости. В Уставе КПК и Конституции КНР была закреплена выдвинутая Цзян Цзэминем концепция "тройного представительства", согласно которой компартия призвана представлять развитие передовых производительных сил, передовую культуру и коренные интересы народа. КПК была квалифицирована как авангард "китайского народа и китайской нации". КПК расширяет свою социальную базу: в нее вступают не только рабочие, крестьяне, интеллигенция, но и "передовые" частные предприниматели (правда, пока не в массовом порядке). Среди последних важных поправок в Конституцию КНР — включение положений об охране "законно нажитой" частной собственности граждан и права ее наследования.

Успешное разрешение кризиса, вызванного эпидемией атипичной пневмонии в Китае в 2003 г., способствовало укреплению позиций новой команды Председателя КНР Ху Цзиньтао и Премьера Госсовета КНР Вэнь Цзябао. В сборнике этим собы-

тиям посвящена отдельная статья. Автор отмечает определенную корректировку социально-экономической политики нового руководства за последние годы. Заявлено о необходимости отказа от односторонней погони за темпами роста и перехода к более сбалансированной в отраслевом и региональном плане, социально-ориентированной стратегии развития. Речь идет об очередном урегулировании экономики страны, контроле за чрезмерными темпами ее роста, повышении энергоэффективности и энергосбережения, опоре на внутренние факторы роста (внутренний потребительский спрос), снижении зависимости от внешних источников сырья и рынков сбыта. При этом новые лидеры Китая уже показали себя последовательными сторонниками рыночных реформ и формирования смешанной экономики. Отмечая обусловленность перехода Китая на рельсы новой модели развития, В.Я. Портяков справедливо подчеркивает сложность его реализации и прогнозирует сохранение весомой роли внешнего рынка в обеспечении экономического роста в Китае на ближайшую перспективу (С. 37—38).

Крупным политическим успехом Пекина в середине нынешнего десятилетия стала его инициативная политика в отношениях с Тайванем. Руководители КНР начали прямой диалог с лидерами трех ведущих тайваньских оппозиционных партий — Гоминьдан, Синьдан (Новая партия) и Циньминьдан (Партия близости к народу), пригласив их в китайскую столицу с официальными визитами. Теперь Пекин может считать угрозой провозглашения независимости острова по крайней мере отодвинутой.

Отличительной особенностью современной внешней политики КНР стала ее возросшая глобальность. Китай все более четко позиционирует себя во многих отношениях как глобальная, мировая держава. Это относится к отношениям Пекина с ООН, контактам с “восьмеркой”, его влиянию среди развивающихся стран и т.д.

Сделанный В.Я. Портяковым во втором разделе сборника экономический анализ положения в Китае отличается присутствием автору взвешенностью и глубиной. Как несостоятельные оценены прогнозы ряда западных политологов о “грядущем

коллапсе” Китая, его финансовом банкротстве, крахе и т.п. Автором подмечен подтекст такой позиции: “в ней сквозит явная обида на Китай за то, что он не такой, каким его хотели бы видеть на Западе” (С. 94). При этом автор не игнорирует существующие острые проблемы, трудности и противоречия нынешнего этапа развития КНР. Речь идет, в частности, о недостаточном уровне конкурентоспособности и качества китайской продукции массового спроса (кустарно-художественные изделия, бытовые приборы, изделия легкой промышленности). В целом можно согласиться с автором в том, что оценка экономической мощи и динамики развития КНР в общественном мнении в стране и за рубежом “завышена по сравнению с реалиями страны” (С. 99). Китай все еще остается небогатой страной с среднестатистическим показателем ВВП в размере 20% от среднемирового уровня. Серьезный кризис в КНР отнюдь не предрешен, пишет В.Я. Портяков, но и выход на лидирующие позиции в мировой экономике также не гарантирован (С. 101). Все будет зависеть от мирохозяйственной конъюнктуры, от эффективности политики китайского руководства по нахождению баланса между социальной стабильностью, реформами и экономическим ростом. Важный аспект в этом отношении — найти оптимальную модель участия государства в экономике: при ее снижении в качестве собственника — усилить государственное регулирование в других сферах экономики (социальной, финансово-бюджетной и др.).

Заключительный раздел книги содержит обзор ситуации в российско-китайских отношениях. Две отдельные статьи посвящены теме миграции китайских граждан в Россию, анализу миграционной политики КНР. Отмечается, что отношение к китайским мигрантам в России пока хуже, чем отношение к Китаю как таковому и к российско-китайскому сотрудничеству. В.Я. Портяков видит решение этой проблемы в “экономическом развитии России и особенно ее восточных регионов, создании ... нормальных экономических и социальных условий для жизни собственных граждан” (С. 191).

Отдельная статья рассматривает весь комплекс вопросов, связанных с нашими двусторонними торгово-экономическими

отношениями с КНР (торговля, в т.ч. приграничная, инвестиции, сотрудничество в области трудовых услуг и др.). Автором сделан вывод о том, что Китай является "оптимальным зарубежным партнером в решении Россией стратегической задачи подъема Сибири и Дальнего Востока" (С. 195), подчеркнута необходимость оздоровления российского экспорта в части увеличения продаж высокотехнологичной, наукоемкой машиностроительной продукции. Важное значение в этой связи приобретают крупные инвестиционные проекты с обеих сторон по поставкам нефти и газа из России в Китай, с дальнейшим развитием транспортной сети и международного транзита грузов через территории двух стран. Автор поддерживает идею усиления ориентации внешнеэкономических связей российского Дальнего Востока и Восточной Сибири на Азиатско-Тихоокеанский регион, прежде всего на Северо-Восточную Азию, более активного использования в российско-китайских торгово-экономических связях фактора интеграционных процессов в регионе. Хороший импульс тому, заметим, может дать предстоящий саммит АТЭС во Владивостоке, который предполагается созвать в 2012 г.

В заключении книги В.Я. Портяков приводит возможные сценарии развития КНР до и после 2020 г. и дает им свои оцен-

ки. Как в принципе достаточно реалистичные охарактеризованы задачи, выдвинутые XVI съездом КПК (2002 г.) по увеличению ВВП страны к 2020 г. в четыре раза по сравнению с 2000 г. и созданию "среднезажиточного общества" с выходом на уровень среднедушевого ВВП в 3 тыс. долл. США в год. Среди наиболее важных критериев гармоничного общества называется рост среднего класса в КНР — с 19% в 2003 г. до 40% в 2020 г.

Что касается долгосрочного прогноза развития КНР, то автор придерживается осторожно-оптимистического подхода. Большое значение будет иметь способность Китая стать создателем собственных новых технологий и массовых изделий на их базе, превратиться из "мирового центра переработки" в "мировой центр создания новой продукции" (С. 238). Несомненно, среди проблем обеспечения социальной стабильности в стране потребует серьезного решения сложная ситуация в деревне, вызванная неудовлетворительным положением крестьянства по доходам, социальному статусу, участию в политической жизни и т.д.

В целом сборник очерков известного российского китаевода читается с большим интересом и будет полезен всем, кто занимается проблемами современного развития Китая, а также широкой научной общественности.

**Пахомова Л.Ф. Модели процветания
(Сингапур, Малайзия, Таиланд, Индонезия).
М.: Институт востоковедения РАН, 2007. — 256 с.**

После прочтения фундаментальной монографии одного из ведущих российских востоковедов Л.Ф. Пахомовой "Модели процветания (Сингапур, Малайзия, Таиланд, Индонезия)" становится очевидным, что в основе этой чрезвычайно интересной работы лежит многолетний труд человека, для которого эта тематика стала ее вторым "я". За каждым параграфом чувствуется стремление автора максимально точно и в то же время в доступной форме донести свои мысли до читателя, даже если этот читатель не является ни специалистом по экономике развивающихся стран, ни экспертом по проблемам Юго-Восточной Азии, столь многообразным и взаимопереплетенным, что зачастую даже экспертам бывает трудно понять, где кончается экономика и начинается политика, и на каком этапе в эти проблемы вклиниваются, к примеру, религия или давние исторические обиды.

Автор неслучайно выбрала для своего анализа именно эти четыре страны из десяти стран-членов Ассоциации стран Юго-Восточной Азии — Сингапур, Малайзию, Таиланд и Индонезию. Они принадлежат к числу "ветеранов", отцов-основателей АСЕАН. В их число в 1967 г., когда была создана Ассоциация, входили и Филиппины, однако это государство, несмотря на его принадлежность к Юго-Восточной Азии, всегда стояло особняком, возможно по той причине, что Филиппины — единственная страна, где абсолютное большинство населения исповедует "чуждую" для Азии религию — католицизм. Важным фактором является и то, что Филиппины в отличие от других стран ЮВА не завоевали, а именно получили в 1946 г. независимость от США — единственной "империи", которая в тот период находилась на этапе не упадка и развала, а подъема (в отличие от английской, французской и голландской колониальных империй) и потому имела возможность корректного взаимодействия, в том числе экономического, со своей бывшей колонией. В результате собственность американских инвесторов на архипелаге не подверглась "национализации-филиппиниза-

ции", как это имело место в других странах ЮВА. Далее, Бруней-Даруссалам — это также особый случай. Этот "юго-восточно-азиатский Кувейт" присоединился к АСЕАН после получения независимости от Великобритании в 1982 г., и с тех пор по-прежнему остается "энергетической минидержавой". Наконец, три "коммунистических" государства Индокитая — Вьетнам, Камбоджа и Лаос — вступили на путь рыночных преобразований лишь пару десятков лет назад, а Мьянма, где еще с начала 1960-х гг. господствует причудливая система военно-гражданского госмонополистического (и глубоко коррумпированного) "социализма", о котором, впрочем, нынешние руководители предпочитают лишний раз не упоминать, вряд ли может быть отнесена к вынесенной в заглавие книги "модели процветания". Для этой страны более актуальна проблема выживания и сохранения своей территориальной целостности, которая в современных условиях может быть решена, впрочем, только именно посредством серьезных, а не косметических социально-экономических и политических реформ.

Оставшиеся в качестве предмета исследования Сингапур, Малайзия, Таиланд и Индонезия и сами по себе потребовали чрезвычайно большой аналитической работы, и труд автора, как представляется, оказался вполне оправданным. Читатель найдет в книге массу интереснейшего фактического материала и, что не менее важно, весьма острые и оригинальные авторские обобщения и выводы. В этой связи может возникнуть вопрос — особенно среди тех, кто не имеет никакого отношения к данному региону: насколько и в чем весь этот аналитический материал и фактура полезны для нас? Разумеется, Сингапур — это особый случай. Не считая некоторых чисто эконом-технологических моментов, которые, кстати, сингапурские лидеры в свое время заимствовали у Запада, его опыт вряд ли может быть с пользой применен в России. Ну, разве что если в родных пенатах будет принято решение сформировать особую экономическую зону такого

типа. Для тех, кто, как говорится не в теме, можно напомнить, что Сингапур первоначально входил в образовавшуюся в 1963 г. Федерацию Малайзии, однако, “федеральное правительство, в котором преобладали малайцы, стремилось использовать административные рычаги, чтобы сдерживать инициативы Сингапура, направленные на ускорение его экономического развития. Разрешить противоречия... оказалось невозможным” и Сингапур в конце 1965 г. стал суверенным государством (С. 21—22). Если опыт Сингапура и применим в России, то только при условии выхода какого-то особо “продвинутого” региона (например, Калининградская область) из ее состава, т.е. нарушения территориальной целостности РФ.

Малайзия достигла за последние десятилетия существенных успехов в развитии своей экономики. Растет и образовательный потенциал. Достаточно сказать, что в самые последние годы компании КНР, все более активно переводят свое производство в эту страну, в том числе и потому, что китайская рабочая сила, несмотря ни на что, дорожает и все чаще оказывается более дорогой, чем рабочая сила в ЮВА. Таиланд достиг определенного уровня процветания, но ему предстоит еще очень долгий путь в этом направлении. Одним из важнейших (если не самым важным) фактором в этом процессе стала политическая стабильность, обеспечиваемая незыблемым и непререкаемым авторитетом королевской власти, несмотря на все военные перевороты, инициаторы которых первым делом клялись в верности королю. В этом смысле страна оказалась похожа на Японию с ее императорской династией, вот уже две с половиной тысячи лет служащей стержнем нации.

Все разделы книги, посвященные конкретным странам, представляют большой интерес, но особое внимание привлекает глава по Индонезии. Немало уже говорилось о том, что при всей непохожести, эта страна по ряду признаков напоминает Россию — и многочисленностью населения, и его полиэтничным составом, и тем, что как и в России, где свыше 80% населения живет в европейской части, так и в Индо-

незии аналогичная доля сосредоточена на Яве, тогда как Суматра, Борнео и другие острова схожи с Сибирью — и по богатству ресурсами, и по малонаселенности, и даже по практике использования в качестве места каторги и ссылки. Наконец, как и Россия (и дореволюционная, и постсоветская), Индонезия в своем экспорте в первую очередь полагается на сырье. Однако при чтении работы Л.Ф. Пахомовой возникают и иные аналогии. Взять хотя бы официально провозглашенную доктором-президентом Сукарно в 1959—1960 гг. идеологию “направляемой демократии” и “направляемой экономики” (С. 183). Или то, как в 1963 г. индонезийские власти впервые в мировой практике отношений государств с иностранными добывающими компаниями ввели так называемые рабочие договора (*kontrak karya*) — фактически всем ныне известные соглашения о разделе продукции (С. 182). Или то, что национализированные иностранные предприятия попали в управление, фактически в собственность, гражданской и военной бюрократии, представители которой получили меткое прозвище “кабиров” (*kapitals birokrats*) (С. 181). Результатами их “работы” было то, что в стране постоянно “менялись не только принципиальные установки избранного курса, но и издавались сотни различных постановлений, указов, декретов, нередко взаимоисключающих” (С. 183). Все эти феномены наблюдались в Индонезии сорок с лишним лет назад, но сказать, что сейчас они вполне изжиты, нельзя.

В этой связи хотелось бы также заметить, что автор, видимо, неслучайно перечислила четыре страны в названии книги — Сингапур, Малайзия, Таиланд, Индонезия — не по алфавиту. Если понимать это как намек на то, что слово “процветание” применимо к ним именно в порядке убывания такового, то данное перечисление представляется совершенно оправданным.

Монография Л.Ф. Пахомовой является весомым вкладом в отечественную науку, изучающую политику и экономику зарубежных стран. Ее с пользой для себя прочтут и специалисты, и все, кто интересуется жизнью и опытом других народов.

**Иванов П. М., свящ. Из истории христианства в Китае /
свящ. Петр Иванов; Рос. акад. наук; Ин-т востоковедения.
М.: ИВ РАН, 2005. — 224 с.**

Книга православного священника, доктор исторических наук, протоиерея Петра Иванова посвящена истории и современному состоянию христианства в Китае. При этом, говоря о христианстве, автор рассматривает итоги деятельности не только православных миссионеров, но также представителей инославных исповеданий (римо-католиков, протестантов), т.е. иных христианских обществ.

В предисловии к книге автор обозначает основные проблемы, связанные с освещением темы распространения христианства в Китае, его влияния на социальную и политическую жизнь страны. В форме свободной беседы с читателем он передает историю собственного обращения к этой теме, рассказывает о трудностях и недоумениях, возникавших во время его первых научных поисков. Так, он отмечает, что долгое время советские востоковеды, хотя и многократно обращались к истории Российской духовной миссии в Китае, однако, по понятным причинам не имели возможности или желания анализировать непосредственно религиозное направление трудов русских миссионеров.

Исследования, посвященные вопросам распространения христианства в Китае, в том числе и истории Российской Духовной Миссии, стали появляться только в 1990-х гг. Однако в ряду этих, теперь уже достаточно многочисленных работ, настоящая монография занимает особое место, так как открывает некоторые пока мало изученные или вовсе неизвестные страницы религиозной жизни Китая.

Основные разделы книги включают в себя обзор современного состояния христианства в КНР и на Тайване; рассказ о его влиянии на политическое развитие Китайской Республики на примере обращения к нему таких крупных государственных деятелей, как Сунь Ятсен и Чан Кайши; много

места в повествовании уделяется деятельности специфических китайских сект, в которых нашло выражение особое восприятие христианства китайцами (в данном случае речь идет о западном христианстве); и, наконец, рассматриваются труды и деятельность православных миссионеров. Несомненным достоинством монографии является синологический анализ переводов вероучительных и богослужебных книг на китайский язык, причем православным переводам Нового Завета и катехизисов посвящены отдельные главы.

По убеждению автора, в несвободном, атеистически стерилизованном китайском обществе, где христианство продолжает занимать весьма скромное место, только наступает время духовных поисков. Он утверждает, что источники по китайской истории конца XIX в., в которых отражена деятельность христианских миссионеров и история распространения Евангельской проповеди в Китае, свидетельствуют о том, что модернизация Китая неотделима от христианских ценностей, а современное образование, здравоохранение, гуманитарная наука в этой стране в первой половине XX в. формировались при непосредственном участии миссионеров, правда, в основном западных, получавших существенную финансовую поддержку из-за границы. Кратко характеризуя антихристианские движения в Китае, от язычества до коммунизма, автор ставит вопрос: "как же в условиях китайского общества до сих пор продолжает жить христианство — этот якобы "чуждый и враждебный элемент", который, напротив, оказался близким и нужным как правящей элите, так и ее противникам?"(С.4). Ответ дается в конце книги как итог исследования, в котором с различных сторон автор попытался увидеть место христианства в жизни китайского общества.

Книгу открывает глава о современном положении христианства в коммунистическом Китае, стране, государственной идеологией которой является атеизм. Эта глава представляет собой довольно полную картину того, как регулируется религиозная жизнь в КНР: автор не только освещает политику партийно-государственного аппарата по отношению к верующим и существующие законодательные акты, но рассказывает и о реальной административной практике китайских властей. Более подробно он останавливается на положении католиков и протестантов (по ныне действующей конституции КНР католицизм и протестантизм входят в число пяти официально признанных религий), после чего переходит к истории возникновения новых сект.

Чтобы познакомить читателя с особенностями религиозной жизни современного Китая, автор анализирует вероучение китайской секты "Фалуьгун" и посвящает этому вторую главу своей книги. (Для китайских властей "Фалуьгун" — не религиозная организация, а политическая сила антигосударственного характера).

Третья глава рассказывает о состоянии христианства на Тайване, где, в отличие от материка, свободно развиваются различные христианские деноминации. По мнению автора, их опыт важен для понимания того, какими путями распространяется христианство в китайском обществе, не подчиненном жесткому идеологическому контролю.

Две следующие главы посвящены вопросу о влиянии христианства на политическое развитие Китайской Республики на примере обращения к нему китайских государственных деятелей — Сунь Ятсена и Чан Кайши. Как отмечает автор, эта тема, не новая для мирового Китаеведения, все еще остается пробелом для отечественных исследователей истории Китая. В настоящей монографии он делает первую попытку восполнить этот пробел и анализирует идеи китайских вождей с точки зрения их религиозных убеждений. Так, специфическое восприятие христианства Сунь Ятсеном (крещеного англиканскими миссионерами), отразившееся на его идеологии,

представлено как результат различных влияний, соединение конфуцианского сознания, сциентизма и протестантской демифологизации. На примере формирования мировоззрения генералиссимуса Чан Кайши, бывшего членом англо-американской секты методистов и до конца жизни считавшего себя христианином, автор показывает всю сложность и противоречивость восприятия китайцами Евангельского Благовестия.

Эта тема получает свое развитие в следующей главе исследования, посвященной истории и вероучению еще одной китайской секты "церковь дома собраний". Автор отмечает, что попытки "китаизации" христианства не только в прошлом, но и в современном Гонконге и на Тайване, где обсуждается путь укоренения христианства на местной почве, привели к возникновению течения, называющего себя "китайским христианским богословием", которое, в частности, представлено многочисленными харизматическими сектами агрессивного типа, такими, например, как "церковь дома собраний" Уитнеса Ли, получившая распространение даже в России и в странах Восточной Европы. Несмотря на использование сектой текста Нового Завета, который чудовищно искажен и снабжен сотнями страниц личных комментариев главы секты, (а ее руководители предпочитают, чтобы сектантов именовали "внеденоминационными протестантами") эту секту также невозможно назвать христианской. В ее вероучении огромное количество древних ересей соединилось с древним китайским язычеством и пантеизмом, и автор подробно анализирует все основные аспекты этого противоречивого учения. В приложении предлагается список публикаций секты "церковь дома собраний", свидетельствующий о масштабе ее миссионерской деятельности. Во втором приложении дается терминологический словарь для понимания сектантских текстов.

Таким образом, в книге представлены главные особенности формирования религиозного сознания современного китайца на фоне деятельности христианских миссионеров XX в.

Четыре следующих главы посвящены

трусам православных миссионеров. Так, глава 7 обращает читателя к истории Российской духовной миссии и достижениям православных проповедников в Китае, касаясь только одного аспекта — их духовно-синологической деятельности. Автор отмечает, что до последнего времени в отечественных публикациях труды членов миссии по переводу Священного Писания и богослужебных книг либо упоминались вскользь, либо вообще игнорировались. Между тем, сохранилось множество текстов, составленных российскими миссионерами. Эти переводы до сих пор не исследованы. Восполняя этот пробел, автор восстанавливает историю православных переводов и анализирует тексты, сравнивая их с католическими и протестантскими. В результате такого обзора он делает вывод, согласно которому переводы Нового Завета, выполненные отечественными миссионерами, хотя и не были полностью оторваны от инославных текстов, однако отличаются от них самостоятельностью.

В масштабе деятельности в Китае всех христианских конфессий Библия переводилась на китайский язык неоднократно и продолжает переводиться до сих пор. Автор называет этот процесс перманентным, так как изменение китайского языка при отсутствии перевода канонического текста стало причиной появления все новых и новых переводов Священного Писания. Этот процесс, с одной стороны, способствовал взаимному влиянию двух культур и цивилизаций, Востока и Запада, но с другой стороны, поставил предел сближению между ними. Разногласия представителей различных конфессий относительно правильности переложения на китайский язык того или иного понятия, когда ими нередко принимались взаимоисключающие решения, сделали Евангельскую проповедь в Китае лишенной четкости и единства, и вместо универсального Откровения китайское сознание стало воспринимать христианство как еще одну религиозную систему, допускающую субъективное толкование. В связи с этим автор отмечает, что попытки либерального западного сознания соотнести христианские истины с фундаментальными поня-

тиями традиционной китайской философии показали невозможность какой-либо трансформации христианства применительно к национальным традициям.

В следующей главе исследуются православные катехизисы на китайском языке для того, чтобы дать представление о вариантах православных переводов основных богословских и библейских терминов и имен. Указывая на достоинства и недостатки наследия православных миссионеров, автор предлагает адаптировать сделанные в конце XIX — начале XX в. переводы богослужебных и вероучительных текстов, сделав их доступными современному китайцу. По мнению автора, первым шагом на этом пути могло бы быть составление православного миссионерского русско-китайского словаря, в котором были бы учтены и достижения миссийских переводчиков, и международный опыт переводов текстов Священного Писания на китайский язык.

Девятая глава книги рассказывает о православных миссионерских станах в Китае в начале XX в. и связана с событиями, которые развивались после разгрома Российской духовной миссии в Пекине ихэтуанями в 1900 г., когда русское духовенство столкнулось с необходимостью заново отстроить миссию. Несмотря на все трудности работы православных проповедников, миссия продолжала расширяться, зарождались новые миссионерские станы, которые нередко поддерживали сами православные китайцы, не получавшие от Православной Церкви ни привилегий, ни материальных выгод. В это же время появилось и новое направление миссионерской работы — распространение проповеди в глубь страны. Развитие этого направления связано с личностью начальника 18-й миссии епископа Иннокентия (Фигуровского), деятельность которого в качестве главы миссии в этот сложный период была отмечена заметными успехами православной проповеди в Китае.

И, наконец, последняя глава рассказывает о Московском подворье Российской духовной миссии в Китае, начиная с его возникновения до уничтожения большевиками в 1923 г. В советское время подворье было осквернено и разрушено,

разделив судьбу многих российских храмов и монастырей. Поэтому эта глава, вписанная в историю Китайской миссии, также восполняет и еще одну страницу в трагической истории Русской Православной Церкви XX столетия.

Завершая свое исследование, автор отмечает, что в последние годы в китайском обществе растет интерес к христианству и его переосмыслению в рамках современной культуры коммунистического Китая. Поэтому он не сомневается в

том, что третье тысячелетие принесет фундаментальные изменения в жизнь Китая и идеалы христианства сыграют важную роль в формировании будущего этой страны.

Думается, что книга протоиерея Петра Иванова "Из истории христианства в Китае" будет полезна не только синологам и тем, кто занимается изучением истории и культуры Китая, но и всем, кого интересуют вопросы религии, церковной истории и христианского вероучения.

© 2007

*С. Баконина,
Православный Свято-Тихоновский
гуманитарный университет*

Перспективы российско-корейского сотрудничества в условиях глобализации. М.: Научная книга, 2007. 209 с.

В основу книги "Перспективы российско-корейского сотрудничества в условиях глобализации" положены материалы Седьмого российско-корейского форума, состоявшегося в Москве 27—28 марта 2006 года. Данное мероприятие каждый год проходит поочередно в столицах Российской Федерации и Республики Корея (РК) под эгидой Дипломатической академии МИД России и Корейского фонда международных обменов.

В книгу вошли выступления видных политических и общественных деятелей России и Республики Корея (заместитель министра иностранных дел А.А. Алексеев, президент Корейского фонда международных обменов Квон Ин Хек, директор Федеральной службы РФ по экологическому и технологическому сотрудничеству, председатель Российско-корейской комиссии по экономическому и технологическому сотрудничеству К.Б. Пуликовский, заместитель министра иностранных дел РК Ю Мен Хван), высокопоставленных дипломатов этих стран, представителей южнокорейских научных кругов, а также доклады и сообщения российских корееведов, посвятивших значительную часть своей профес-

сиональной жизни изучению различных аспектов ситуации на Корейском полуострове и исследованию всего комплекса двусторонних отношений Российской Федерации с двумя корейскими государствами.

Важно отметить, что Седьмой российско-корейский форум, материалы которого послужили основой для книги, тематически был посвящен состоянию и перспективам углубления российско-корейского взаимодействия в условиях глобализации. В его ходе состоялись оживленные дискуссии по трем базовым направлениям: политическому, включающему проблемы обеспечения безопасности на Корейском полуострове; торгово-экономическому с акцентом на вопросы укрепления и развития экономического сотрудничества между Россией и РК и культурно-гуманитарному.

Указанная проблематика была рассмотрена участниками форума с учетом современных международных процессов. Предложения, выдвинутые участниками по итогам выступлений, конкретизировали возможные пути развития российско-корейского сотрудничества.

Первый раздел книги посвящен воп-

росам обеспечения безопасности и стабильности на Корейском полуострове. Так, в выступлениях Ю.Е. Фокина (в 2006 г. — ректор Дипломатической академии МИД России), В.Н. Матяша (доктор исторических наук, старший научный сотрудник Дипломатической академии МИД России) и А.А. Тимонина (в 2006 г. — заместитель директора Первого департамента Азии МИД России) отражено развитие ситуации вокруг ядерной проблемы Корейского полуострова, предложены возможные варианты стабилизации обстановки с участием других заинтересованных государств, обозначены перспективы укрепления российско-корейского взаимодействия в области обеспечения безопасности в Северо-Восточной Азии, что имеет особое значение с точки зрения дальнейшего повышения роли России в делах АТР.

Большое внимание уделено межкорейскому сотрудничеству и проблеме объединения Кореи. В этой связи внимания заслуживает выступление Вл.Ф. Ли (доктор исторических наук, профессор Дипломатической академии МИД России), который предложил новаторскую идею объединения двух корейских государств путем конвергенции. На примере ряда азиатских государств докладчик убедительно показал, что сегодня конвергенция отчетливо просматривается на опыте либеральных рыночных преобразований ряда стран Азии. Заслуживает внимания и мысль о том, что успех и реальность претворения в жизнь идеи объединения двух корейских государств во многом зависит от кропотливого исследования процессов, происходящих сегодня на Корейском полуострове, объективности анализа событий во взаимоотношениях Севера и Юга за предыдущий период.

Затронуты и такие важные вопросы, как территориальные споры и китайский фактор на Корейском полуострове, о которых речь шла в сообщениях М.Н. Пака (директор Международного центра корееведения МГУ, Заслуженный профессор МГУ) и А.А. Волоховой (кандидат исторических наук, главный научный сотрудник Центра АТР Института актуальных международных проблем Дипломатической академии). В частности подчеркивалось, что территориальные споры в Северо-Вос-

точной Азии (претензии Японии на о. Токто) свидетельствуют об опасности возрождения милитаристского экспансионизма в США, чреватого возникновением новых очагов напряженности в регионе путем навязывания претензий на земли соседних государств. Китайская же политика и позиция КНР по проблемам Кореи, по мнению выступавших, будет определяться факторами превращения этой страны в глобальную державу и выполнения ею роли на полуострове, соответствующей данному статусу в тесной увязке с развитием китайско-американских отношений.

Второй раздел книги посвящен вопросам российско-южнокорейского торгово-экономического сотрудничества. Анализируя ситуацию в данной сфере, докладчики приводили важные статистические данные о состоянии двусторонних связей в этой области, подкрепленные богатым фактологическим материалом. Говоря о перспективах торгово-экономических отношений двух стран, выступавшие определяют комплекс задач, необходимых для дальнейшего развития и укрепления двусторонних отношений в данной области (Квон Вон Сун, профессор экономического факультета Института иностранных языков РК). В сообщении отдельно В.И. Балакина (ведущий научный сотрудник ИДВ РАН, кандидат юридических наук) рассматривался проект соединения Транскорейской железной дороги (ТКЖД) с последующим ее выходом на Транссибирскую магистраль в контексте трехстороннего экономического сотрудничества России, КНДР и Республики Корея. В.И. Балакин четко обрисовал перспективы реализации этого проекта через призму создания международного консорциума, что соответствует нынешним реалиям. В российско-южнокорейском взаимодействии выделены такие важные проблемы, как энергетическое сотрудничество РФ и РК (С.С. Суслина, профессор МГИМО(У) МИД России, доктор экономических наук), межкорейский экономический диалог с подключением России к проектам, существующим в данной области (Э.Г. Агабабян, профессор Дипломатической академии МИД России, доктор экономических наук). Экономические преобразования в Южной

Корее рассмотрены Г.А. Кубышиной (ученый секретарь Центра АТР Дипломатической академии МИД России, кандидат политических наук). Наряду с этим представляется важным опубликованный в книге материал о новых явлениях в экономике КНДР (Г.С. Яскина, доктор политических наук, главный научный сотрудник ИВ РАН), в котором содержится обстоятельный анализ экономических нововведений, произошедших в северной части Корейского полуострова после июля 2002 г.

Третий раздел книги посвящен проблемам российско-южнокорейского сотрудничества в гуманитарной и культурной областях, что также является важной составляющей двухстороннего взаимодействия РФ и РК. Опубликованы доклады по таким проблемам, как диалог культур в современной литературе Запада и Востока (И.К. Кочеткова, ведущий научный сотрудник Центра языка и культуры ИАМП, кандидат филологических наук, профессор), перспективы российско-южнокорейского взаимодействия в области культуры и искусства (И Сэ Ун, председатель Общества корейско-русского культурного обмена),

переосмысление опыта социально-культурного обмена между РФ и РК (Ли Ин Хо, профессор университета Менчжи, бывший посол РК в Москве), гуманитарная и культурная безопасность (М.В. Кан, главный специалист Министерства юстиции России). Сфокусировано внимание также на проблеме российских корейцев (Н.Ф. Бугай, действительный государственный советник Российской Федерации 3 класса, доктор исторических наук, профессор) в "географическом синтезе" и в тесной увязке с общими проблемами культуры.

Таким образом, рецензируемая книга вполне может служить академическим компасом, помогая сверять действия научных и дипломатических кругов России и РК. Ее также можно назвать краткой энциклопедией по различным сторонам жизнедеятельности Севера и Юга Кореи, их взаимоотношениям с Российской Федерацией, хорошо подготовленным учебно-методическим пособием для изучающих международную проблематику. Книга содержит материал, который будет полезен тем, кто интересуется проблемами Северо-Восточной Азии, в частности, их корейской составляющей

Юбилей ученого

Вячеславу Семеновичу Кузнецову — 75 лет

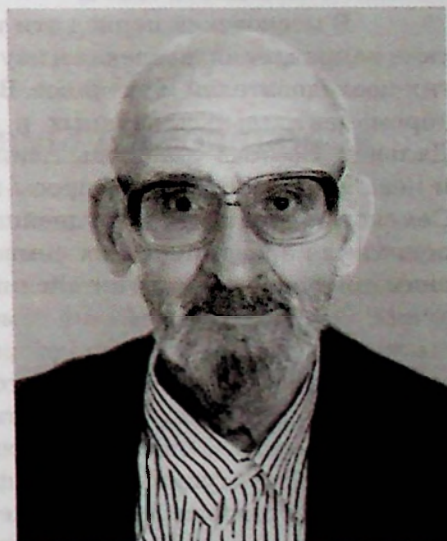
29 августа исполнилось 75 лет видному российскому ученому Вячеславу Семеновичу Кузнецову. Творческий разум исследователя, художественное мастерство писателя, затаенная от внешнего взора поэзия души, незаурядное мужество — все это составляет достоинство и подлинное богатство нашего дорогого юбиляра.

Большой путь начинается с первого маленького шага, — говорят древние мудрецы, — и достойный муж с этого пути не сходит.

В.С. Кузнецов родился в деревне Малые Топоры Кировской области (бывшей Вятской губернии) в семье военного, что предполагало частые переезды: сначала Харьков, затем Прибалтика. В детстве пережил войну, бомбежки, гибель окружающих, изнуряющий голод. Такова судьба детей войны, ковавшая их характер: они становились стойкими, неропущими. "Очищенные голодом", — сказал однажды о своем поколении Вячеслав Семенович.

В 1950 г. В.С. Кузнецов поступил в Ленинградский университет на Восточный факультет, где при своих неординарных лингвистических способностях основательно изучил современный и древний китайские языки. "Верные друзья спецнабора", как называли себя выпускники с его курса, поднаторели в науке: как на подбор — исследователи древней эпохи, знаменитые библиографы, известные историки-востоковеды. Перекрестком дорог для многих из них стал московский дом Вячеслава Семеновича, а встретить их можно и в стенах Института Дальнего Востока РАН. И тогда пользуйся случаем, выживай то, чего не отыщешь в книгах: как зарождалось творческое бытие послевоенного поколения китаеведов, как пополнялась сокровищница мировой синологии...

В 1955 г., окончив университет, В.С. Кузнецов уехал на целину, три года проработал на Алтае в районной газете. В 1958 г. поступил в аспирантуру Академии наук Казахстана в Алма-Ате. Но защищать кандидатскую диссертацию

(как затем и докторскую) пришлось — из-за трагической кончины научного руководителя — в родных пенатах, на Восточном факультете ЛГУ. Последовавшая серия спровоцированных ударов судьбы, критическое состояние здоровья не сломили волю Вячеслава Семеновича, не сбили с пути ученого и педагога. В 1968 г. его пригласили на преподавательскую работу в Дальневосточный университет в г. Владивосток, четыре года спустя ему как уникальному специалисту открылись двери Института Дальнего Востока РАН в Москве.

Перу этого вдумчивого журналиста, искусного педагога, кропотливого исследователя и писателя доступны все жанры с присущей широтой и глубиной охвата предмета. Уже в алма-атинском и владивостокском периодах творческой деятельности отчетливо обозначился ряд основных тем: экономика северо-западного Китая, истоки древней культуры и культура древних кочевников, история Туркестана в XVIII в., положение отдельных этносов в Китае в XIX в., национальная политика цинской династии в XVIII в., российско-европейско-синцзянские отношения в XIX в.

В московский период эти темы развились в полноценные исследовательские направления, вовлекая в изучение и решение синологических проблем многих последователей и учеников. В.С. Кузнецов стал постоянным и желанным автором центральных научных и научно-популярных журналов — “Проблемы Дальнего Востока”, “Народы Азии и Африки”, “Азия и Африка сегодня”, “Новая и новейшая история”, “Вопросы истории”, “Чудеса и приключения”. Вячеслав Семенович обратился к труднейшим вопросам эстетического и содержательного понимания архетипических символов китайской духовной культуры. В центре внимания ученого встал китайский человек в экономических и политических реалиях, в вере и философском самосознании. В 70-х — 80-х годах В.С. Кузнецов выпускает серию статей по истории Китая в Средние века и новое время. Сюда включена аналитика религиозного феномена китайского ислама и буддизма. По сути дела, основательно затронуты процессы рецепции восточных культур. Мировоззренческим фоном, проявляющим общую картину динамики вероисповеданий и их институционального оформления, стало конфуцианство. Сами собой в научном повествовании В.С. Кузнецова выходят лики персоналий, олицетворяющих исторические события и процессы. В словесных портретах таких личностей сказался художественный талант В.С. Кузнецова. За одно десятилетие наш юбиляр издал четыре замечательные научно-популярные книги: “Амурсана” (1980), “Нурхацзи” (1985), “От стен Новой столицы до Великой стены” (1986), “Последний правитель Ираншахра” (1990). Доклады В.С. Кузнецова на Всероссийских и Международных конференциях в России и за рубежом, признание со стороны коллег довершили то, о чем мечтает каждый истинный исследователь: в творчестве В.С. Кузнецова обозначился свой, отражающий громаду великой китайской культуры, литературный космос, приведший В.С. Кузнецова к созданию монографических исследований (а их вместе с научно-популярными — 16!). Вот только два из них — “Ислам в общественно-политической жизни КНР” (2002) (продолжает книгу “Ислам в политической истории Китая (VIII век — первая половина XX века”, (1987)) и “Буддийский фактор во внешней политике КНР” (2006). Событие в нашей научной востоковедческой жизни? Несомненно! Кропотливость анализа, точность и уместность факта, широта мышления и достоверность обобщений — эти характерные свойства его трудов дают исследователям надежную опору в собственных дальнейших изысканиях, за что ученые искренне благодарны нашему юбиляру.

Сегодня Вячеслав Семенович выпускает новую книгу: “Пища в духовной жизни традиционного Китая”. Такое уникальное творение — не каждому китаеведу под силу. Здесь Вячеслав Семенович проникает в недра естества китайской культуры в соединении с космическим и человеческим духом. Здесь соседствуют и взаимодействуют живой миф, Человек в триаде с Небом и Землей и мудрая китайская философия. Под стать этому и наш юбиляр, сочетающий естество характера, душевную скромность и интеллектуальное достоинство — все те качества, в которых проявляется драгоценность истинного ученого.

Ждем от Вячеслава Семеновича новых книг, желаем здоровья и благополучия!

*Дирекция и коллектив сотрудников Института Дальнего Востока РАН,
Редколлегия и редакция журнала “Проблемы Дальнего Востока”*

Юбилей Элеоноры Петровны Пивоваровой

10 сентября был отмечен юбилей видного российского китаеведа, главного научного сотрудника Центра экономических и социальных исследований Китая Института Дальнего Востока РАН доктора экономических наук, профессора Элеоноры Петровны Пивоваровой (литературный псевдоним — Э. Корбаш).

Окончив в 1959 г. с отличием экономический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, Э.П. Пивоварова продолжила учебу в Китае на факультете китайского языка в Пекинском университете и на факультете политической экономии в Народном университете КНР.

В 1961—1987 гг. работала в Институте экономики мировой социалистической системы АН СССР в качестве младшего, старшего и ведущего научного сотрудника, а с 1988 г. по настоящее время — главный научный сотрудник в Институте Дальнего Востока РАН, председатель Диссертационного совета ИДВ РАН по защите докторских диссертаций (Д 002.217.01) по специальности “Мировая экономика”. Богат ее опыт научной деятельности за рубежом: стажировалась в Пекинском университете (1985—1986 и 1990—1991 гг.), в Гарвардском, Колумбийском, Стэнфордском, Калифорнийском (Беркли) университетах США (1991—1992 гг.), работала в библиотеках Лондона и

Конгресса США. Неоднократно выступала на международных научных конференциях и симпозиумах, в том числе в Англии, Германии, Испании, Италии, Китае, Монголии, Нидерландах, Сингапуре, США, Франции.

Основные направления исследований Э.П. Пивоваровой — экономическая теория, социально-экономическая политика, проблемы рыночных преобразований в КНР. По этим темам опубликовала свыше 200 научных работ, в том числе 5 авторских монографий и 7 брошюр, которые стали весомым вкладом в осмысление актуальных проблем современного Китая и принесли ей заслуженный авторитет в России и за рубежом — прежде всего, в Китае. Ее работы переводились на английский, болгарский, венгерский, испанский, китайский, хинди и другие языки мира.

Как правило, Э.П. Пивоварову привлекают новые или малоисследованные явления социально-экономической жизни КНР. В ее монографии “Проблема темпов и пропорций развития промышленности КНР”, опубликованной в 1968 г., выявились факторы развития экономики страны в период “большого скачка”, “народных коммун” и последовавшего за ними “урегулирования”; в вышедшей три года спустя монографии “Экономические “теории” маоизма” проанализирована теоретическая подоплека курса “трех красных знамен” и политики “культурной революции”, нанесших, как признается в современном Китае, большой вред развитию страны. Монография “Теория и практика экономического строительства в КНР” (1981 г.) посвящена проблематике экономической стратегии страны за первые 30 лет после образования КНР. Анализируя наметившиеся там новые политические тенденции, Э.П. Пивоварова предсказала возможность последующего развития КНР по модели “смешанной экономики” при сочетании плановых и рыночных начал с многообразием форм собственности. Этот прогноз подтвердился практикой последовавших 20-летних рыночных преобразований в КНР, анализу которых посвящены монография Э.П. Пивоваровой “Строительство социализма со спецификой Китая. Поиск пути” (1992 г.), а также изданная к 50-летию юбилею КНР монография “Социализм с китайской спецификой: итоги теоретического и практического поиска” (1999 г.).

Неизменно актуальны темы брошюр Э.П. Пивоваровой: “Черты преемственности и новизны в политике китайского руководства после Мао” (1978 г.), “Стратегия социально-экономического развития современного Китая” (1985 г.), “Новая политэкономическая концепция перехода Китая к социализму” (1989 г.), “Теоретический и практический аспект развития акционерных форм хозяйственной деятельности в КНР” (1990 г.), “Социалистическая рыночная экономика. Некоторые вопросы теоретического и практического поиска в КНР” (1994 г.), “Развитие многоукладности и пути преобразования государственного сектора в КНР” (1995 г.), “Экономическая мысль в КНР” (2006 г.)

Особое внимание Э.П. Пивоварова уделяет исследованию социального аспекта рыночных преобразований в КНР. Она — ответственный редактор и один из авторов коллективного сборника ИДВ РАН “Социальное измерение экономической реформы в КНР (1978—1997 гг.)”, опубликованного в 1998 г., и коллективной монографии “Социальные последствия рыночных преобразований в КНР (1978—2002 гг.)”, вышедшей в 2004 г. Социальные проблемы современного Китая — в центре внимания и многих ее научных статей последнего времени.

Результаты исследований Э.П. Пивоваровой неоднократно направлялись в государственные законодательные и исполнительные органы, они широко используются в научных исследованиях, в учебном процессе вузов РФ. Важны и

актуальны в плане учета зарубежного опыта при разработке экономической стратегии России в XXI веке.

Путь Э.П. Пивоваровой в науке отмечен многими учеными степенями и почетными титулами: кандидат и доктор экономических наук, профессор, академик РАН (1994 г.); в 2001 г. была включена в Федеральный реестр экспертов научно-технической сферы. Избиралась вице-президентом Всесоюзной ассоциации китаеведов (1988—1992 гг.) и вице-президентом Европейской ассоциации китаеведов (1990—1992 гг.). В 2006 г. была удостоена премии им. Михаила Ломоносова с вручением золотой медали за заслуги и большой личный вклад в развитие отечественной науки.

Э.П. Пивоварова охотно делится своими знаниями с молодыми исследователями: подготовила восемь кандидатов и одного доктора экономических наук, безотказно консультирует всех, кто обращается за помощью. На возглавляемом Элеонорой Петровной Диссертационном совете при ИДВ РАН за последние 10 лет проведены рассмотрение и защита 11-ти докторских и 21-й кандидатской диссертаций по специальности “08.00.14 — мировая экономика”.

Творческая энергия в науке, жизнерадостность, доброжелательность к коллегам, широкая культурная эрудиция (Элеонора Петровна является тонким знатоком оперного и хореографического искусства) — все это вызывает глубокое уважение у коллег.

Очень дорожит Элеонора Петровна своими обширными дружескими контактами с китайскими учеными, среди которых немало ее однокашников по учебе в МГУ или Пекинском университете. Многие консультировали ее во время командировок в КНР, перед другими выступала она, проводя сравнительный анализ рыночных реформ Китая и России. Немало китайских коллег с удовольствием вспоминают, как Элеонора Петровна во время своих научных стажировок обучала их русским песням и танцам.

Э.П. Пивоварова — один из авторитетных авторов журнала “Проблемы Дальнего Востока”, ее статьи отличает широта освещения проблем, фундаментальность и глубина научных выводов.

Горячо поздравляем Элеонору Петровну Пивоварову с юбилеем, от души желаем ей доброго здоровья, благополучия, новых успехов на поприще отечественного китаеведения.

*Дирекция и коллектив Института Дальнего Востока РАН,
Редакция и редколлегия журнала “Проблемы Дальнего Востока”*

Виктору Николаевичу Павлятенко — 60 лет

Виктор Николаевич Павлятенко родился 16 августа 1947 г. в г. Балтийске Калининградской области в семье служащих. По окончании средней 1-ой школы г. Магадана в 1965 г. поступил на восточный факультет Дальневосточного государственного университета в г. Владивостоке, который закончил в 1971 году, получив специальность "востоковед-филолог, референт-переводчик со знанием японского и английского языков".

По окончании университета научно-трудовую деятельность начал в должности младшего научного сотрудника сектора истории стран Дальнего Востока Института Дальнего Востока АН СССР при Институте истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО АН СССР (1971 — 1972 гг.). В 1972 г. поступил в очную аспиран-

туру Института Дальнего Востока АН СССР, которую окончил в 1975 г. по специальности "История международных отношений и внешней политики". В 1978 г. успешно защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук по теме "Японская буржуазная историография истории формирования российско-китайской границы". С 1976 по 1993 гг. В.Н. Павлятенко продолжил научную деятельность по углубленному исследованию проблем международных отношений в Восточной Азии во Всесоюзном научно-исследовательском институте комплексных проблем, где прошел путь от младшего научного сотрудника до заместителя начальника отдела. В 1993 г. был принят на работу в Институт Дальнего Востока РАН на должность заместителя руководителя Центра исследований Японии. С 1995 г. по настоящее время является руководителем указанного научного подразделения.

Научные интересы В.Н. Павлятенко определяются широким комплексом проблем, характеризующих современный этап всеобъемлющего развития современной Японии — одной из ведущих мировых экономик и одного из лидеров и главных геополитических игроков в Восточной Азии: проблемы внутривнутриполитического развития и политической стабильности руководства страны, тенденции развития общества, внешнеполитическая стратегия страны, оборонная политика, долгосрочные планы становления Японии как одного из мировых лидеров. Особое, акцентированное внимание в исследовательской деятельности В.Н. Павлятенко отводит всестороннему исследованию российско-японских отношений

как одному из важнейших факторов формирования внешнеполитической и внешнеэкономической стратегии России в АТР в целом. Главный исследовательский принцип — комплексный анализ проблем развития Японии и направлений ее политики с проблемами формирования ситуации в АТР в целом. Особое место в этом плане занимают проблемы региональной безопасности и военно-политической стабильности в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Им подготовлено и опубликовано в СССР/ России и за рубежом более 100 научных материалов: статьи, разделы и главы в сборниках и отечественных и зарубежных коллективных монографиях.

В.Н.Павлятенко принимает активное участие в программе международных обменов ИДВ и выступает на международных конференциях и других научно-практических мероприятиях за рубежом с лекциями и докладами (Япония, КНР, Республика Корея, Франция, США, Аргентина и др.).

Он — член Ученого Совета ИДВ РАН, член редколлегии журнала “Проблемы Дальнего Востока” и академического издания “Япония. Ежегодник”, постоянный редактор информационно-аналитического бюллетеня Центра исследований Японии ИДВ “Актуальные проблемы современной Японии”, руководитель ряда научных проектов, подготовленных в Центре в последние годы.

В.Н.Павлятенко ведет большую научно-практическую деятельность в рамках ведущих общественных организаций для реализации исследовательских результатов на практике. Он является членом Азиатско-Тихоокеанского Совета по безопасности в АТР (МИД, Россия), членом правления Российской Ассоциации японоведов, членом президиума Российско-японского комитета XXI века, членом правления “Общества Россия—Япония”, ведущим экспертом “Центра стратегических разработок” и др.

Большая и плодотворная работа ведется им по разъяснению и обоснованию общей политической линии нашего государства в Азиатско-Тихоокеанском регионе, а также позиции России в двусторонних российско-японских отношениях, в отечественных и зарубежных СМИ, включая электронные.

Дирекция Института Дальнего Востока РАН, коллеги по работе, члены редколлегии и сотрудники редакции журнала “Проблемы Дальнего Востока” сердечно поздравляют Виктора Николаевича Павлятенко с юбилеем и искренне желают ему доброго здоровья, счастья и дальнейших творческих успехов.

Уважаемые авторы журнала "Проблемы Дальнего Востока"!

Доводим до Вашего сведения, что в соответствии с требованиями Академиздатцентра "Наука" РАН с января 2006 г. Вы должны присылать в редакцию вместе с текстом статьи заполненный бланк договора. Бланк договора Вы можете найти на сайте нашего журнала www.ifes-ras.ru или на сайте Академиздатцентра "Наука" www.naukaran.ru.

Обращаем Ваше внимание на то, что договор вступает в силу только после принятия редколлегией журнала решения о публикации статьи.

Для оформления авторского гонорара необходимо представить в редакцию следующие сведения:

- дата рождения (число, месяц, год);
- домашний адрес с индексом;
- паспортные данные;
- номер страхового свидетельства Пенсионного фонда РФ;
- номер лицевого счета и реквизиты банка.

Интересующие вас вопросы вы можете задать зав. редакцией журнала Елене Александровне Лапшиной по телефону 124-02-15.

Мнение автора не обязательно совпадает с точкой зрения редакции.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

Перепечатка материалов без согласия редакции не разрешается.

При использовании их в любой форме, в том числе в электронных СМИ, ссылка на журнал "Проблемы Дальнего Востока" обязательна.

Сдано в набор 20.08.2007 г. Подписано к печати 17.09.2007 г. Формат бумаги 70x100 %
Офсетная печать. Усл. печ. л. 15,6. Усл. кр.-отт. 10,1 тыс. Уч.-изд. л. 14,5 Бум. л. 6,0
Тираж 824 экз. Зак. 548

Издатель: Академиздатцентр «Наука»,
117997, Москва, Профсоюзная, 90
Адрес редакции: 117997, Москва, Нахимовский проспект, 32
Тел. 124-09-02; e-mail: pdv@ifes-ras.ru

Оригинал-макет © 2007 г. Дмитрий Славинский
Отпечатано в ППП, "Типография "Наука", 121099, Москва, Шубинский пер., 6

Требования к материалам, предоставляемым авторами в редакцию

Редакция и редколлегия журнала "Проблемы Дальнего Востока" приветствуют направление в журнал рукописей статей, отражающих научную разработку различных аспектов современного положения и тенденций развития стран и регионов российского и зарубежного Дальнего Востока, процессов в АТР, многосторонних и двусторонних отношений стран региона. Журнал помещает также статьи и документальные публикации, посвященные проблемам прошлого стран Дальнего Востока, которые важны для понимания современности. Приветствуется также направление в журнал рецензий на новейшие издания по соответствующей тематике.

1. Статья по объему, как правило, не должна превышать 1 авторского листа (40 тыс. знаков).

2. Статья должна сопровождаться аннотацией с кратким изложением ее содержания и основных положений (около 600 знаков).

3. Статьи и аннотации представляются в электронном виде на дискете 3,5" с указанием имени файла в формате MS Word 6.0 для Windows или в формате RTF с распечатками текстов в 2 интервала.

4. Графические файлы предоставляются отдельно в файлах формата TIFF с разрешением не менее 300 dpi.

5. Китайские имена и названия даются в системе Pinyin.

6. Сноски даются в конце статьи. Оформление сносок:

Книги.

а) *На русск. яз.* Автор. Название. Место издания: Издательство, год издания. С...

б) *На кит. яз.* Автор. Транслитерация китайского названия книги [Перевод названия на русск. яз.]. Место издания: Издательство, год издания. С...

в) *На англ. яз.* Author. Title of Book. Place of Publication: Publisher, date. P. ...

Статьи.

а) *Из печатных изданий*

Автор статьи. Название статьи // Название издания. Место, год (дата) издания. (Т.) N... С...

б) *Из интернета*

Автор статьи. Название статьи // Полный электронный адрес.

Консультации по вопросам подготовки статьи к опубликованию в журнале можно получить по тел.: (095) 124-09-02.

Редакция оставляет за собой право редакторской правки.

Ответственность за достоверность опубликованных в статьях сведений несут авторы.